

Деревцоцвет

Литературно-художественный альманах для юношества

№2 (23)
2006

Первоцвет

№ 2 (23) 2006

Литературно-художественный альманах для юношества

Основан в 1998 году

Учредитель

Областная юношеская библиотека
им. И.П. Уткина

Главный редактор

Анна Стародубцева

Зам. гл. редактора

Светлана Зубакова

Редколлегия

Лидия Середкина
Евгений Суворов
Александр Лаптев
Александр Попов
Лина Иоффе

Обложка

Сергей Элоян

Рисунок на обложке

Александра Мартынова. «Хубсугул»

Рисунки в тексте:

Константин Хвятищевский

Адрес редакции:

664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10

тел. 29-07-93, 20-43-01

E-mail: library@youlib.irk.ru

В номере

РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЕМ

Александр Попов. «Оберечь первоцветы» 3

СТРАНА ПОЭЗИИ

Елена Кожевникова.....	5
Евгений Апарцин.....	6
Евгения Калугина.....	7
Нина Прокопьева.....	9
Константин Хвилищевский.....	11
Алена Светлая.....	12
Сергей Комин.....	13
Татьяна Хандагурова.....	13
Светлана Добогоева.....	31
Наталья Андреева.....	31
Жанна Дыренова.....	32
Наталья Калинина.....	32
Николай Номоконов.....	36
Светлана Волчкова.....	37
Сергей Стерх.....	37
Лина По.....	39

МИНИАТЮРЫ

Алена Самбарова. «Подслушанный разговор».....	14
Елена Боргонцова. «Сказочный карнавал».....	16
Баир Ботошкин. «Карнавал в лесу».....	16
Лариса Босколова. «Девочка и котенок». «День пенсии».....	18
Николай Ермаев. «Тревожное утро».....	20
Анна Щербакова. «Поцелуй секунды».....	21
Яна Апанович. «Улыбка».....	22
Константин Хвилищевский. «Властелин мироздания». «Любовь».....	23
Марина Шелепова. «Сумасшедшая звезда».....	27
Сергей Стерх. «Март». «А потопали в церковь?!». «Варавва».....	28

ИМЯ

Вера Гульева.....	59
-------------------	----

МИР ПРОЗЫ

Евгений Корзун. «Колька».....	40
Евгений Суворов. «Соседка».....	63

ГАЛЕРЕЯ

Александра Мартынова.....	58
---------------------------	----

ПОДМОСТКИ

Сергей Стерх. «Степан Потапыч, или Воспоминание о будущем». Пьеса.....	89
--	----

ГОСТЬ НОМЕРА

Татьяна Суровцева.....	84
------------------------	----

ДАТА

Владимир Корнилов.....	101
------------------------	-----

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Игорь Подшивалов.....	106
-----------------------	-----

Александр Попов

ОБЕРЕЧЬ ПЕРВОЦВЕТЫ

Уже восемь лет альманах «Первоцвет» собирает, редактирует и издает молодых авторов Сибири. Члены редколлегии считают, что юное дарование, как первоцвет садов и клумб, необходимо всячески оберегать, защищать, лелеять, наконец. Дохнёт на первоцвет стынью, сорвется шальный вихрь, обрушатся с хлябей небесных ливень или град, а то и снег, – и не бывать расцвету, пышноцветию, плодам, а потом – семенам.

Теперешние условия жизни – похоже, не для талантливых, даровитых людей, скорее – для способных притвориться таковыми, вообще для тех, кто ловок, ухватист приспособиться, пригнуться, когда надо, и – жить-поживать в своё удовольствие.

А талант – он потому, собственно, и талант, что не умеет подстраиваться: талант – это всегда искренность, одержимость, ранимость. Талант и в добрые-то поры беззащитен и неприютен, а ныне угнетен и придавлен, и прежде всего – мещанскими требованиями среды, агрессивной, охочей, жадной до утех и услад разного рода, неуёмной в накопительстве и стяжательстве. Обывателю не до возвышенных раздумий и «всякой там лирической чепухи» – вокруг столько соблазнов, красивых, «клёвых» вещей и забав, только и успевай красиво жить!

Но и обыватель несчастен по-своему: и его век закончится, а кому потом понадобятся его пожитки, его, как говорится, добро? Запылится оно на чердаках и в чуланах, истлеет, неблагодарные потомки приобретут другое имущество, а весь хлам предков своих – в огонь, на славу, в металлолом. Новые вещи и забавы войдут в моду.

Всех, конечно, жалко! И самодовольных этих обывателей, и разных простаков бедовых, и талантливого человека, и не очень, и удачливых, и злосчастных – всех, всех. А как иначе? У всех один неминуемый конец.

Но будем все же строже и последовательнее: повторимся, уточняя, – талантливому, творческому человеку живется в нынешней России скверно, неудобно, просто ахово. Он то и дело выкарабкивается, выдирается, чтобы не утянуло совсем и окончательно, страдает от этого окаянного безденежья, попросту – от нищеты, от своей какой-то, начинаешь думать, фатальной невостробованности. Дарованию же юному, молодому, ещё неоформившемуся, тысячекратно тяжко, неприятно среди нас: он-то ещё не понимает, что не сможет жить так, как все. Мечется, бедолага, злится, отчаивается. И – гибнет порой молодым, несостоявшимся. А не гибнет – так спивается, опускается, пропадает где-то. Немногим дано выцарапать к свету, к известности, к возможности работать в искусстве, получая за это достойное, справедливое вознаграждение.

Страшный век, жестокие сердца.

Да, уже слышали когда-то и где-то нечто такое, но – о другом веке, о сердцах других людей. Однако ж как сказать иначе, если так оно ведётся и посейчас?

Но сдаваться, отступать, хандрить нельзя, непозволительно никак. Отчаяние, уныние – грех большой по стародавней традиции. Необходимо, просто-таки жизненно необходимо надеяться, верить, любить, чтобы не сгинуть, а наперекор все-

му и вся состояться и утвердиться, дотянувшись хоть ползком, хоть как до сердец людских своим творчеством, своими мыслями, идеями. Идеалами, выраженными художественным словом, красками, нотами – чем угодно, только чтобы искренно, крепко было сделано.

Видим-видим, что и в современном обществе мало-помалу пробуждается нравственное чутьё, потому что на подделках, на липах разнообразного пошиба не поднимешь страну, не воспитаешь новые поколения, не развиваться и не цвести человеческому в человеке. И одна из задач общества – разглядеть в молодой творческой личности эти первоцветы даровитости и помочь им расцвести, устоять, выжить.

Таланту так нужны подмога, поддержка, соучастие! Не смотрите, что он ершист и неподатлив, он – жутко одинок!

Таланту, а с ним и правде, которую он непременно несёт в себе, необходимо воссиять, а не тлеть, тлеть и – погаснуть, истаяв, иссякнув. В Нобелевской лекции, адресовавшись к русской народной мудрости, Александр Солженицын воскликнул: «Одно слово правды весь мир перетянет». Так-то!

В советское время – если кто подзабыл – государство миллиарды рублей вкладывало в таланты, оно было великим, щедрым спонсором и меценатом. Нынешняя обновленная российская государственность пока неохотно, скорее – нехотя, с притворством, что-де есть вопросы и поважнее, откликается на застенчивые зовы творческого люда. И богатые наши сограждане не разбегутся, по всему видно, чтобы помогать всерьёз, торопато, по-настоящему, а не вороватыми, осмотрительными подачками, кусками, точнее – кусочками, крошками со своего барского стола.

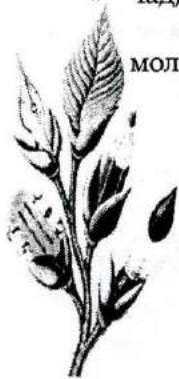
Впрочем, Бог с ними. Не осуждай, да не судим будешь. Хотя...не знаем, не знаем...

А что же может наш маленький региональный «Первоцвет»? Конечно, немного. Совсем немного. Но если сбережёт, продвинет хотя бы одного даровитого прозаика или поэта – это же такое будет делище для всех нас!

Мы не станем называть тех, кому уже помогли: они ещё молоды, они ещё могут выбрать и другую стезю, но важно, что, напечатавшись в «Первоцвете», впервые, так сказать, обнародовавшись, они посмотрели на себя как бы со стороны, как бы чужими глазами. Ненапечатанное произведение – это одно, это только для себя, это разговор с самим собой, а напечатанное, представленное широкой публике – о, уже другой коленкор! Это – сияние или же, напротив, погибель прилюдные. Это возможность развиваться дальше в литературе либо, кое-что всё-таки поняв, отстаивать литературное творчество, попытать себя в чём-то другом. Чем раньше разберёшься, кто и что ты, тем интереснее дальше жить, – мы так полагаем.

И ещё одна надежда и подмога: в нынешнем году к нам снова, уже, кажется, в тринадцатый раз, приходил праздник «Сияние России», праздник, подаренный нам выдающимся нашим земляком, писателем Валентином Распутиным. И этот праздник, думается, прежде всего нужен молодёжи: ведь молодость – сияющее, светлое, если хотите, светоносное явление мира сего. Но этот свет надо ежесекундно подпитывать, поддерживать, оберегать всячески, чтобы он не превратился в чад, в тлеющие головёшки, а то и вовсе не погас.

Как хочется этого вдохновляющего, живящего сияния и нови первоцветов и молодости для всей России надолго – надолго, а лучше – на все время!

Страна поэзии

Страна поэзии
№ 2 (23) 2006

Елена Кожевникова

г. Иркутск

***

О Весне я стихи не слагала -
Запоздалое лето ждала.
Незаметно земля обнажалась.
Незаметно рождалась трава.

Ветер звонкий, порывистый, синий
Тучи серые гнал на Восток.
Таял снег, таял утренний иней,
Пробуждался березовый сок.

Снились вешние сны, молодые.
Я пугалась их, плохо спала.
В темных прядях колосья льняные
Не окрасит в багрянец Весна.

Подражание А. Ахматовой

***

В том городе я чужая.
Потолкую сама с собой.
Чайка в небе дождливом тает,
Возвращаясь одна домой.

Нас не ждали здесь утром ранним.
Тот, кто в полдень сказал: «Привет!», -
Размахнулся и бросил камнем,
Словом каменным мне вослед.

Я не знаю, кому больнее.
(У обидчика свой резон).
Я не стану от камня злее,
И не вдруг подобреет он.

Долго-долго жить будем вместе.
Узы кровные велики.
Я его молодой невесте
Дам кольцо со своей руки.

* * *

Как прощальную песню о лете,
Как веселую сказку свою,
Как твой почерк на белом конверте,
Я осеннее время люблю.

Осиянное время для Лиры,
Для воскресных прогулок вдвоем!
На заре августовского пира
Даже волк не глядит сентябрем!

Предвкушает ли сердце прохладу
На закате желанного дня, -
Ветер вьется вокруг листопадом,
Гроздью спелой рябины звеня.

Евгений Апарцин

г. Новосибирск

* * *

Амплитуда колебаний телебашенной антенны,
Может, даже совпадает с колебанием теплицы,
С колебанием зарницы,
С трепетанием синицы,
С лепетанием сестрицы,
Со стеканием катены.
С запрещением ругаться,
С разрешением жениться,
С порицанием «надраться»,
С поощрением «напиться»,
С нейтрализмом к «покурить»,
И с восторгом к «накуриться».
Колебаний амплитуда телебашенной антенны
В абсолютном резонансе со смешными новостями.
В резонансе с размышлением,
с зацветением,
с увяданием,
со щепоткой и горстями.

Телебашенной антенны колебаний амплитуда
Раскрывает тайны: мира, песни, мысли, речи, плача,
Тайны кофе, чая, соли, грамма, пуда,
Тайны вечной юной жизни,
Капли чуда.

Амплитуда телебашенной антенны колебаний
Занимает в жизни место среди кухонной посуды,
Там, где миски, ложки, чашки, суповарница, тарелка,
Яйцезрезка, мухобойка, кофеварка, пылесборник,
Где свистит кипящий чайник.

Телетуда амплибаний колебашенной антенны
Выражает все, что надо:
Циклизацию стамески,
Распевание устава,
Распивание гудрона,
Рокот псевдодопада,
Квазирокот падовода,
Суету водопровода,
Рассыпание сосисок,
Перетяжка блока в коду,
Расцветание свеченья,
Рост бамбука,
Птичье пенье,
Свет в окошке,
Скрип деревьев,
Гроыханье канонады,
Звуки кошки,
Бег конины,
Мандолины серенаду -
-наду-
-паду-
-яду-
-таду-
-раду-
-чаду-
-аду-
-наду-
-наду-
-наду-
-наду-
-наду-
-наду-
-наду-
-наду-
-наду-

Евгения Калугина

г. Ангарск

***

На исходе зимы увлажнен белый холст.
День промчался под звуки капли.
Эта полночь украшена гроздьями звезд,
А февраль у весны на прицеле.

Торжество тишины, обновления, тепла.
Легкой поступью март настигает
Злые вьюги. Душа неизменно светла,
Без корысти весь мир обнимаю.

Стихотворения

У природы с зимою прощальная ночь.
Знаю, завтра день будет лучиться
И сугробы застывшие в ступе толочь.
Переменам желаю - случиться.

* * *

Впилась бесшумно гостя - полночь
В заледеневшее окно.
Как тайну, в сердце пряча горечь,
Себя опутываю сном.

И вижу: ты в лучах рассвета,
И распростерта тишина,
И нежность вечна, и согрета
Душа нежданной вспышкой сна.

Остановилось время, словно
Оно раскаялось, что мы,
Так прочно прежде бытом скованы,
Терялись в сумерках зимы.

Мое земное притяжение:
Та прядь, что падает с виска -
Движенье, милое движение...
Но поступи утра вновь близка.

И сердце сжалось до предела...
Снега ложились не спеша,
Когда сквозь ночь к тебе летела
Завороженная душа.

* * *

Города, расставания, встречи...
Беспощадны дороги к любви.
Знаешь, письма пришедшие лечат
От разлуки, наполнившей дни,
И, как ноша, упавшей на плечи.

Я живу между трех городов.
Дорогих, но по-разному ждущих.
Каждый город - причина для снов.
Каждый связан с былым и грядущим
И нести вдохновенье готов.

За мечтой уезжая от дома
По изгибистой ленточке рельс,
Жду твой почерк, до боли знакомый.
Жду приветствие. С пафосом, без.
И всегда жду в судьбе перелома

Сквозь дожди сердце слушаю чутко.
Срок приходит - к родным берегам.
И к тебе - по иркутским проулкам.
К тополиным пуховым рукам.
Дни - открытки для жизни-пшкатулки.

Нина Прокопьева

г. Иркутск

ВРЕМЕНА ГОДА

Отшумит, отцветет, отсмеется,
Отзвенит, отхлопочет весна,
Ароматной мечтой пронесется,
Растревожит всю душу до дна.

Долгожданное, яркое лето
Обещая, поманит в окно,
Обольстив, затеряется где-то,
Одурманит, обманет оно.

Осень - вздорная, рыжая тетка
Молодится, богатством сорит,
Бабий век доживает кокотка
И последним желанием горит.

Что про зиму сказать про седую?
Так не найден у жизни ответ.
Для чего? Неужели впустую
Потрясенья и весен, и лет?

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Через толщу всех слов обязательных,
Сквозь защитный покров обстоятельства,
Из зрачков глаз холодно-внимательных
Просочилось кругами предательство.

Желтой наледью вылезло, вспенилось,
Закоробило, вздыбилось, вспучилось
То, во что так упрямо не верилось,
То, что тайно под ложечкой мучило.

Погорельцем, с плечами повисшими,
В нашем храме с следами глумления,
Ртом запекшимся в кровь, у Всевышнего
Для тебя отомлю я прощение.

Сирена поет

ЗА ЧАЙКОМ

Натопи пожарче печку,
Старый чайник вскипяти,
Отыщи в серванте свечку,
Стол у стенки освети.

За чайком неторопливо
Снова вместе посидим,
Все проблемы терпеливо
По одной переждедим.

О политике чумазой
Без бумажки речь прочтем,
И нанизывая фразы,
Все обиды перечтем.

После - плавно и степенно
На искусство перейдем,
Интеллектом непременно
В свою очередь блеснем.

Что сыны уже не дети -
Вспомним, в чашки подольем.
Как-то будет им на свете? -
Озабоченно вздохнем.

Сквозь проблем неразбериху,
В душах дверцы отворив,
Двух сердец услышим тихий,
Незатейливый мотив.

МНЕ Б ЧЕГО ПОВЕСЕЛЕЕ

Мне б чего повеселее,
Полной грудью чтоб вздохнуть,
Подобнее, понежнее,
Чтобы сердцем отдохнуть.

Или чтоб обратно в детство,
Или чтобы все забыть.
Где найти такое средство
Чтобы душу распрямить?

Пусть не сладилось, не сбылось
В моей жизни несвятой,
Пусть в герои не рядилась,
Не хочу судьбы иной!

Отчего ж тогда все чаще
То, что не срослось – болит?
Словно скрипка с песней плачет
И мотивом грудь щемит.

Мне б напев повеселее,
Чтобы сердце обмануть,
Мне бы окна посветлее,
Да чтоб настежь распахнуть!

Константин Хвилищевский

г. Иркутск

* * *

Вроде бы ничего не изменилось*
Все те же деревья
Все те же дороги
Все так же встает и заходит солнце
Все так же времена года сменяют друг друга
И я вроде бы все тот же
Такой же
Может быть чуть более побитый помятый
Жизнью прилизанный
В общем, умудренный опытом
Только не покидает меня ощущение
Будто исчезло во мне что-то важное
Неуловимое
Совсем мимолетное
Куда-то подевалось закатилось затерялось
Еще кажется мне
Что с самого начала все было неправильно
Неверно
Как-то слишком быстро все закончилось
И не вернешь
Не повернешь назад
Не вспомнишь не найдешь на дороге
Остается одно: увидеть во сне
То самое
Что когда-то меня покинуло
И тогда
Все станет другим
И я тоже стану другим
И исчезнет пустота во мне
И зацветут в голове моей
Одуванчики.

* Сохранена орфография автора

Алена Светлая

г. Иркутск, ИРГТУ, IV курс
ф-т права социологии и СМИ

МАЛЕНЬКОЕ СЧАСТЬЕ

Все то, что нужно, это крошка счастья:
Кувшин из глины с теплым молоком,
Краюшка хлеба, да рука, запястье,
Твоя, на маленьком плече моем.

И солнца свет сквозь шторы на окошке.
Дубовый стол да лавка средь избы,
Цветы вдоль каменной, кривой дорожки,
И серый дым растопленной печи.

Тебя водой умою родниковой,
Обедай, милый, – хлеб и молоко.
На голову веночек васильковый,
Бежим туда, где дышится легко!

Босые ноги по осоке сочной,
Играет ветер лентою в косе.
На поле мы уснем лишь темной ночью,
Проснемся в сладкой утренней росе.

Все то, что нужно для людского счастья:
Любимый рядом, хлеб и молоко.
Его рука горячая, запястье,
И лес, где дышится легко!

* * *

Мы сотрем пережитки прошлого,
Все грани озябшего мира.
Избавляясь от всего пошлого.
Где давно так тускло и сыро.

Мы прочтем позабытые повести,
И послушаем музыку «ретро».
В нас проснется хоть кашля совести,
На седьмом от судьбы километре.

Сотни дел недоделанных, брошенных,
Мы доделаем в споре с разумом.
И пойдем по траве скошенной,
Двое «чистых», держась за руку.

Побежим, обжигая легкие,
Знойным ветром вокруг парящим,
Позабыв про свое прошлое
И живя одним настоящим.

Сергей Комин

г. Иркутск

***

Гигантская Божья Коровка летела по синему небу,
По синему-синему небу летела и плакала громко,
Летела и в небе наткнулась на милую малую пташку.
- Ах, милая Божья Коровка, скажи, почему ты в печали?
И кто тебя, Божью, обидел, такую большую Коровку?
Ответила Божья Коровка:
- Ты веришь, никто не обидел.
Хочу я быть маленькой снова, пусть даже совсем не пятнистой.
Сказала и ввысь улетела. Наверное, за хлебом.

Татьяна Хандагурова

п. Усть-Ордынский, шк. 2, 11-й кл.

ДУЭЛЬ

Которые сутки
Сквозь ломкую тишь
Гремели сосульки,
Летящие с крыш.
Опять все сначала?
В полночную глушь
Морозцем сковало
Дрожание луж.
Над спящею школой
И тенью оград
Густой и тяжелый
Висел снегопад.
А люди терпели,
Привычкам верны,
От вечной дуэли
Зимы и весны.

Алена Самбарова

с. Половинка, Баяндаевский р-н,
ср. шк., 8-й кл.

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

- Доброе утро, дедуль! Какое яркое солнце сегодня. Один лучик все время норовит попасть мне в глаз.

А знаешь, дедуль, ты мне опять сегодня снился. Только не такой, как в прошлый раз, в гимнастерке и с автоматом в руках, а совсем маленьким мальчишкой. Помнишь, ты на фотографии, такой смешной, стоишь босиком в высокой траве, у тебя белые лохматые вихры, забавно щуришься на солнце. А еще на тебе короткие, широкие штаны с одной лямкой через плечо. Мама говорила, что раньше не только всю одежду шили сами, но и ткань делали тоже сами.

А во сне мы с тобой ходили на речку, и ты меня учил ловить рыбу, почему-то на стрекозу. Я с тобой спорил и говорил, что на стрекозу вовсе не ловят рыбу, а только на червяка или мотылька. Мы долго спорили. А потом ты закинул удочку, и поплавок стал дергаться. Но я так и не узнал, поймал ты что-то или нет, потому что проснулся. Эта вредина Нинка опять поднесла к моему уху будильник:

- Мишка, вставай! Мишка, вставай!

Неужели все сестры такие вредные? Вот и Колька всегда говорит, что его Танька хуже всякой горькой редьки.

А мне так кажется, что уж хуже Нинки быть не может. Вечно она портит мне жизнь. Вон и вчера наябедничала маме, что я без разрешения бегал купаться с Колькой на речку.

И что только в ней нашел Серега? Это её одноклассник. Он каждый вечер подъезжает к нам на мотоцикле. А потом они идут гулять куда-нибудь. И мама её даже не ругает, когда она приходит поздно. А в пятницу, когда мы с Колькой и Витькой ходили в овраг закаляться темнотой и я пришел поздно, мне дома влетело.

И мама даже слушать не стала моих объяснений. Я решил, что если буду ночью ходить в тот длинный глубокий овраг за деревней, то в конце концов перестану бояться темноты.

Знаешь, дедуля, это мой самый большой секрет. Но тебе-то мне не стыдно рассказать, что я даже иногда спать в своей комнате боюсь в темноте. Но я все равно избавляюсь от этого страха. Иначе какой же я мужчина. Ведь когда я вырасту и пойду в армию служить разведчиком, мне ведь и ночью нужно будет стоять на посту, или вдруг меня отправят в тыл к врагу. Вот только я не знаю, с каким же врагом я буду драться. Ведь сейчас же нет войны.

Я вот иногда думаю, деда, почему бывает война?

Мы с ребятами почти каждый день играем в войнушку. Но стреляем-то мы не взаправду, а понарошку. Почему взрослые не могут играть в войну понарошку? Тогда бы и ты сейчас был жив.

Знаешь, деда, я совсем мало о тебе знаю. Только по бабушкиным рассказам и по тем фотографиям, которые я видел у бабушки в альбоме. Но я никак не могу представить тебя с седыми волосами и длинной бородкой, как у Виткиного дедушки, потому что на последней фотографии, которую ты прислал с фронта, ты совсем еще молодой парень в солдатской гимнастерке. В одной руке у тебя автомат, а в другой ты держишь маленький букет ромашек. И на обороте ты написал: «Дорогая Оленька! С днем рождения тебя!».

Бабушка всегда, когда смотрит на эту фотографию, плачет и говорит, что она чувствует запах этих ромашек.

Я её понимаю... Я ведь тоже часто разговариваю с тобой, хоть ты и погиб. И ты даже даешь иногда мне хорошие советы. Помнишь, когда я поссорился с Колькой и мы даже немного подрались, я решил ему в отместку продырявить шины в велосипеде. Ты тогда мне первый раз приснился. Ты стоял на небольшой поляне в лесу с теми самыми ромашками в руке, что и на фотографии, весело смеялся и говорил: «А тебя ведь Миша зовут. Значит, мы тезки».

А утром мне почему-то не хотелось уже дырявить Колькин велосипед, в обед мы с ним помирились и побежали купаться.

Деда, а полянку ту я нашел. Случайно совсем. В начале лета я побежал посмотреть знакомые ягодники и случайно зашел вглубь леса. Сначала немного испугался, а когда поднял голову, чтобы увидеть, кто это так забавно щелкает, заметил маленького полосатого зверька. Он тоже смотрел на меня, а сам тихонько сидел между ветками, только глаза его, бусинки, смотрели на меня любопытно. Потом он спрыгнул на землю и залез на соседнее дерево. Так он делал несколько раз, перепрыгивая с дерева на дерево, а я шел за ним. Мы как будто играли в догоняшки. А когда я вспомнил, что мне надо домой, и оглянулся вокруг, то оказалось, что я стою на небольшой полянке. Мне показалось тогда, что я уже видел эту поляну тогда, во сне. И ромашки там тоже растут. Я теперь часто туда хожу. Но даже Кольке и Витке про неё не рассказывал. Это ведь только наша с тобой полянка. Правда, дедусь? Бабушка ещё говорила, что ты очень любил лес и мечтал, что когда-нибудь построишь свой дом обязательно в лесу. Я вот думаю – стану большим и построю наш дом на этой поляне.

И Зебрик (так я назвал своего знакомого зверька, который привел меня на эту поляну) будет жить рядом.

Но до этого я обязательно пойду служить.

Я слышал, как наша соседка тётя Зина говорила моей маме, что ни за что не отправит своего Петьку в армию. А если меня мама не будет пускать в армию, я убегу сам и буду обязательно разведчиком, как ты, дедуль. Вот только так и не решил, если я встречу врага, как мне стрелять, взаправду или понарошку?

Скоро закончится лето. Будет первое сентября, и я первый раз пойду в школу. Я дал себе обещание, что свою первую оценку, пятерку, а это будет обязательно пятерка, я подарю тебе, дедуля.

Мне, конечно, будет немножко завидно, что Колька пойдет на первую школьную линейку со своим дедом. Он у него ветеран, и у него есть медали и ордена.

А мы, как говорит бабушка, даже не знаем, где ты похоронен. В той бумажке, которую мне читала мама, было написано, что ты погиб в декабре 1943 г. во время сражения на Белорусском фронте, где-то под городом Борисовом. И сейчас твоё имя высечено на могиле Неизвестного Солдата. Но какой же ты неизвестный солдат?..

Ты очень, очень даже известный мне солдат.

Ну ладно, пора спать, а то опять вон вредина Нинка будет говорить маме, что я разговаривал во сне.

Миша

Елена Боргонцова

п. Усть-Ордынский, шк. № 1, 7-й кл.

СКАЗОЧНЫЙ КАРНАВАЛ

В разноцветном лесу бушевала метель листопада. Желтые, красные, золотистые листья, сорванные с деревьев, подгоняемые ветром, плясали, танцевали и кружились в веселом вальсе. Начался сказочный воздушный карнавал. На карнавале присутствовали: разноцветные листья, надевшие свои праздничные наряды, чтобы потом снять их надолго, на целую зиму, и надеть их только весной; птицы, улетающие на юг, прилетели попрощаться; веселый ветерок играл с листьями. Он подхватывал их, кружа в воздухе, а они танцевали и веселились. Нарядные деревья хлопали в свои огромные длинные ладоши, птички напевали веселую мелодию, а ветер подпевал им в такт. Затем начались игры, в которых участие принимали ветер, листья, птицы. Листья убегали друг от друга, а ветер их подгонял. Птички тоже играли в веселые игры. Все повеселились на славу. И наконец, начался долгожданный конкурс. Председателю праздника, старому дубу, бывшему уже несколько раз на таких карнавалах, нужно было выбрать самый лучший наряд у маленьких листочков и деревьев. Продрогшие березки ждали этого часа. Но самым лучшим нарядом было красно-бурое платье осины. Оно выглядело шикарно на фоне других нарядов, и эта осина до конца карнавала оставалась королевой вечера. А из маленьких листочков победила девочка – кленовый листок. Она тоже выглядела прекрасно. Старому дубу понравилось её платьице с резными узорами.

Карнавал длился целый день. Все веселились и плясали, как вдруг налетел злой ветер и начался проливной дождь. Никто не знал, куда деваться. Злой ветер гнул деревья, срывал с них листья и ломал ветки. Маленький ветерок не в силах был бороться с большим ветром и уводил листочки в укрытие под кусты. Птицы разлетелись. Продрогшие деревья гнулись чуть ли не до земли. Заплаканные листья, дрожа под кустом, шептались и жались к стволу маленького кустика. Но вот старый дуб прокричал ветру: «Оставь нас в покое! Вечно ты все портишь!» И тут ветер уgomонился и, обидевшись на всех, полетел к себе домой. А дождик перестал лить потоком и слегка покрапывал. И вот все помирились с дождиком и продолжали петь и танцевать, а листьям нравилось смотреть на сверкающие капельки дождя на своих осенних нарядах.

Баир Ботошкин

п. Усть-Ордынский, шк. № 1, 7-й кл.

КАРНАВАЛ В ЛЕСУ

В осеннем лесу бушует листопад. Возле старого дуба немислимое количество листьев разных размеров. Интересно, что это может значить? А это начинается осенний карнавал листьев. Все они явились по приглашению самого короля Дубко Дубковича. Приглашения были разосланы вовсе концы леса, даже в самые глухие его части. Весточки-приглашения разнесли семена, которых в свою очередь разнес ветер. На карнавале собрались очень яркие и разноцветные гости. Все были одеты в свои наилучшие наряды. Все пестрит в глазах от великолепной одежды. В основном преобладает золотистый цвет. Карнавал не может начаться, потому что гостей

Константин Хвилищевский

очень много и еще прибывает. Не дожидаясь опаздывающих, король объявляет о начале карнавала. Дубко Дубкович благодарит всех собравшихся за отклики на его приглашения и предлагает выбрать лучшие наряды и лучшую пару. Лучшим нарядом единогласно был признан наряд листа клена, а парой – пара листьев дуба и ольхи. Их оценивало жюри. В него входили самые уважаемые и добросовестные листья березки, клена, лиственницы, дуба и бука.

Но начинается накрапывать дождик. Постепенно утихает музыка, и все расходится. Возле старого дуба опять пустынно и тихо до следующего карнавала.

Лариса Босколова

п. Усть-Ордынский

ДЕВОЧКА И КОТЕНОК

Котенок был маленьким, беспомощным и грязным. Он мелко дрожал и пугливо озирался по сторонам. Какие-то жестокие люди, решив избавиться от него, выбросили его в эту осеннюю слякоть на улицу. Он еще не понимал своим умишком того, что оказался лишним в этой жизни.

Мимо, разбрызгивая грязь, проезжали машины, спешили чем-то озабоченные люди. Все пугало котенка: и громкие голоса прохожих, и шум моторов, и даже непрерывное хлопанье дверей. Но страшнее всего были собаки, такие большие и сердитые, при виде которых он невольно сжимался в комочек и старался забиться под сломанную половину на крыльце.

Ему было холодно, страшно и одиноко; очень хотелось есть. Он не раз хотел прошмыгнуть в открывающиеся двери магазина, но всякий раз его безжалостно отпывривала чья-то нога. От холода он уже не ориентировался в пространстве и времени и даже перестал чувствовать свое тело, ему казалось, что он начал парить в воздухе, и куда-то исчезло сосущее чувство голода.

И вдруг котенок почувствовал прикосновение чьих-то нежных рук и услышал сквозь пелену в ушах тоненький, ласковый голосок: «Бедненький, ведь ты совсем замерз?». Тут же он почувствовал своим продрогшим тельцем, как его заворачивают во что-то теплое и мягкое. Сразу стало теплее, он поджал свои окоченевшие лапки, устраиваясь поудобнее, притих, пугливо ожидая, не передумают ли, не выбросят ли?

Вскоре котенок задремал, убаюканный неторопливыми, осторожными шагами этого незнакомого, ласкового существа, подобравшего его с холодной и мокрой земли.

Когда девочка заметила этот серенький комочек и подошла к нему, она сразу не поняла, что котеночка оставляют последние силенки. Ей до слез стало жалко его, и она, не задумываясь, взяла его на руки, и только ей стало ясно, что в нем едва теплится жизнь, до того он был продрогшим, жалким и беспомощным. Она быстро сняла с шеи шарф и завернула в него котенка, потом осторожно, обходя лужи, она пошла домой. И только подходя своему дому, подумала: «А что скажет мама?». Но девочка, решив во что бы то ни стало оставить найденыша у себя, решительно открыла дверь.

После холодной улицы дома было тепло, чисто, особенный уют придавал вкусный, ароматный запах, который струился из кухни. Она поняла, что бабушка испекла ее любимый рыбный пирог. Но не стала она, как обычно, суетиться, снимая пальто, сапожки, и шумно освобождаться от школьного ранца, а в нерешительности топталась у порога. Было ясно, что мама еще не пришла с работы,

а как разрешить проблему без нее, она не знала. А котенок мирно и сладко спал на ее онемевших руках. Тут из кухни вышла бабушка, удивленно посмотрела на внучку и только спустя некоторое время, поняв, в чем дело, подошла к ней и протянула свои натруженные руки. Девочка доверчиво переложила свою ношу в ее раскрытые ладони. «Какой же ты грязный и маленький!» – воскликнула бабушка. Затем она попросила внучку принести ей эмалированный тазик, в котором обычно мыли полы, налила в него теплой воды, и они вместе стали купать этот маленький грязный комочек. Котенок испугался этой неожиданной процедуры и, собрав свои последние силенки, отчаянно сопротивлялся, стараясь вырваться из бабушкиных рук. Вскоре котенок, уже чистенький и подсохший, пошатываясь, стоял возле обеденного стола и лакал из блюдечка вкусное теплое молоко.

Из состояния умиления их вывел веселый голос вошедшего в кухню отца девочки. Он вернулся из командировки, и в руках у него были гостинцы. Обычно девочка знала день возвращения папы, стараясь не упустить момент, когда он будет входить в калитку, это хорошо видно из окна, но события сегодняшнего дня помешали ей, и она впервые не встретила его у дверей. И когда отец из сбивчивого рассказа дочери понял суть всего происходящего, он положил на ее голову свою широкую ладонь и сказал: «Я думал, мама не будет против, ты молодец, дочка!». Слова папы придали ей некоторую уверенность, но все же она с тревогой ожидала прихода мамы.

Во время купания девочка с бабушкой решили назвать котенка Пикулей, имя, конечно, необычное, но оно очень подходило к нему, так он постоянно вместо обычного мяуканье почему-то пищал. Пикуля, Пикуля! – так отныне будет звать найденыша его новая, случайно обретенная семья.

Тут, наконец, пришла мама с сынишкой, которого по пути с работы она забрала из детского садика. Братишка сразу привязался к Пикуле, а мама же, вопреки тревожным ожиданиям девочки, вдруг улыбнулась при виде забавной картины: в старой меховой шапке, в благоговейном и торжественном окружении дочери, отца и бабушки сладко спал, свернувшись в клубочек, герой дня – маленькое живое существо, жизнь которого была сохранена благодаря ее маленькой дочери.

ДЕНЬ ПЕНСИИ

Рассвет еще не начался, а баба Люба давно на ногах. Старикам почему-то не спится. Казалось бы, им-то можно всласть полежать в постели. Ан нет...

Она по-особенному любит эти ранние утренние часы. Тихо, только кое-где раздается одинокий лай собак да нестройная переключка горластых петухов, коих в силу происшедших в нашей жизни перемен стало заметно больше.

Сегодня у нее особенный день – на почте будут выдавать пенсию. И в предвкушении событий, связанных с этим днем, она заспешила к печке. «Пораньше растоплю ее сегодня», – подумала баба Люба. Ведь ей неизвестно, когда она вернется сегодня домой – надо еще успеть в аптеку, потом «побегать» по магазинам, благо, что они сегодня растут как грибы после дождя. Но и цены... Не хочется ей думать о них, будут деньги на руках – тогда и посмотрим. Даст Бог, сегодня она при деньгах, а значит, еще раз доведется ей почувствовать себя Человеком. Некоторую часть она добавит к тем деньгам, которые отложила для покупки дров, а на остальные можно и «пошиковать». Надо купить мяса, хлеба, макарон (уже на исходе), и конфетами хочется побаловать себя. Уж что поделаешь – сластена. Эти приятные минуты ожидания маленького счастья немножко омрачают воспоминания о том, как в предыдущий месяц она трижды ходила на почту и при этом испытала немало унижений. Да ладно, она уже забыла обиды. У всех свои проблемы, может, кто-то был в плохом настроении, а может, и сама оказалась назойливой.

Митшальская

Вот если б не ее больные ноги, она обедать пришла бы домой, а так придется захватить с собой кусочек хлеба с салом да горячего чайку. И с утра нужно успеть все сделать. А думы, словно малые детки, мешают ей, толпясь и путаясь в ее седой голове.

Вот уж печка загудела, на ней запел свою песню чайник. Кот спрыгнул с лежанки – видно, жарко ему стало, и вот уж трется плутишка у ее ног.

Баба Люба тяжело встает и ковыляет к двери – надо впустить с улицы Дружка, поди, уж за ночь нагулялся. И Дружок, весело виляя хвостом, забегает в избу, внося с собой аромат свежести морозного утра. Хорошо. Теперь все в сборе. Баба Люба сидит на своем любимом стульчике, а рядом расположились ее верные друзья. Кот Тимоша уже успел обнюхать Дружка, но ничего нового сегодня он для себя не открыл, видно, Дружок всю ночь ветрелся возле дома, охраняя тревожный сон своей хозяйки.

А меж тем огрубевшие от работы пальцы проворно выполняют привычное дело. И пока чистит баба Люба картошку, перед глазами вновь, в который раз, проходят картины ее длинной нелегкой жизни. И получается она разноцветной – были в ней разные краски: яркие, серые и черные. Но все же больше ярких. Это и замужество, и рождение детей, внуков. И вспоминается война, похоронка на мужа и тяжелые послевоенные годы.

Сегодняшнее время... Она почему-то не думает о нем, разве что вспомнит о своих внуках, которые живут в городах и у которых уже свои дети. «Тяжело приходится бедным в такое время», – думает баба Люба. И в эти часы, благословляя своих детей, она желает счастья всем людям. Ей хочется, чтоб не было войны, голода, который ей так хорошо знаком.

Бабу Любу из воспоминания возвращает ее собственный голос, которого сама же и пугается. «Живите с миром, люди, и Бог вам поможет», – говорит она, и сразу же происходят перемены в жизни ее маленькой семьи. Приняв слова своей хозяйки за сигнал к действиям, кот с собакой затевают веселую и шумную возню. А ей пора пить чай и собираться в дорогу.

Сегодня особенный день – день пенсии, успеть бы прийти пораньше и занять очередь...

Николай Ербаев

п. Усть-Ордынский, шк. № 2, 11-й кл.

ТРЕВОЖНОЕ УТРО

Утренний сон крепок. По брестским казармам слышится только ровное дыхание спящих солдат. Лишь изредка скрипнет чья-нибудь койка, а так тишина.

Глаза часовых тоже слипаются. Не помогает потянувший с реки холодок. «Сейчас бы, – думается им, – из этой промозглой сырости да в теплую, сухую кровать...»

Но долг есть долг, поэтому стоят, всматриваются в уже порядком надоевшие, не раз виданные кусты и деревья. Но бдительности уже нет, надоело.

Звонко распевают пичужки, трещат стрекозы, стрекочут кузнечики. Но разве можно в такой какофонии услышать, как ползет осторожный диверсант?!

К Сирицкому, задыхаясь, подбежал молодой солдат. Видно, что из новеньких. Сирицкий всегда относился к таким с недоверием: всегда они готовы из-за пустяков, вроде прошмыгнувшей в кустах лисы, создавать панику среди своих. Вот и сейчас:

- Товарищ сержант, товарищ сержант! Замечено подозрительное движение на западном берегу реки Буг.

Сирицкий нетерпеливо отмахнулся:

- Рядовой...?

- Лыцко, - с готовностью подсказал парень

- Рядовой Лыцко, - повторил назидательно Сирицкий, - возвращайтесь на свой пост и продолжайте нести дежурство. Будьте спокойны: ни один враг к нам не сунется.

А в это время пели птицы, заглушая пока еще далекий гул вражеских моторов... Вдруг тонкий пронзительный свист - и грохот взрыва. И еще один. И еще... Крики проснувшихся в один миг людей. Крики все еще ничего не понимающих людей: офицеров, солдат, женщин, детей. Все только что спокойно спали в своих кроватях.

А через минуту - нет сна, нет покоя; а есть только смерть и русская кровь на камнях. В небе продолжали кружить, как стая стервятников, вражеские самолеты с черными крестами в белом кругу. Кто-то пытался отстреливаться, отчаянно стреляя по этим черным самолетам. Но очередь из вражеского пулемета пересекла его грудь. Он упал, добавив к общей крови свою.

Вокруг падали и падали люди. Это были первые герои начавшейся Великой войны. Так 22 июня 1941 года встретила рассвет Брестская крепость.

Анна Щербакова

г. Иркутск

Поцелуй секунды

Секунда...

Секунда, как капля воды, которая добавляет океан. Заполняет его для жизни.

Секунда точная. Еще она бывает волшебная, сладкая, несчастная, необыкновенная, колкая, секунда страха, волнения... Разная.

Одна секунда. Неужели она серьезная? Значит ли что-то?

Секунда... И в эту секунду, сейчас, кто-то родился, кто-то разбил хрустальную вазу, кто-то нашел звезду на небе, кто-то потерял себя, потому что окунулся в иллюзию, и это начало, начало конца. Кто-то предал близких, а быть может, наоборот, спас жизнь. Где-то сейчас что-то горит, а что-то гаснет. Кто-то прыгает в небо, кто-то стремительно на парашюте летит к земле. Кто-то ныряет, кто-то всплывает, а кто-то... тонет. К кому-то в семью пришло счастье. От кого-то оно ушло. В эту секунду кто-то успел сказать: «Прости» или «Я люблю тебя». А может, кто-то сказал себе: «Я хочу жить!». Кому-то сейчас звонят, чтобы сказать: «Ты выиграл миллион».

Или... возможно, сейчас родился человек, который глобально повлияет на этот мир.

Где-то оборвался листок с дерева, где-то человек. Там, где мы не знаем, произошла катастрофа. Где-то тает лёд.

Секунда... Секунды хватает, чтобы влюбиться, чтобы полюбить нужно время.

Нет такого человека, который *живет* по секундам. Мы считаем часы, дни. Месяцы, годы, и мчимся дальше. А секунды? А мы их в рамку вставляем или в фотоальбом. Неважно, фотографии это на бумаге или в памяти сердца.

Только почему-то мы не можем поверить, что секунда - это жизнь.

Михаил

УЛЫБКА

У моей улыбки была история. Сперва она была несмысленным. Таким же, как и я, когда была маленькой. С каким-то непонятным даже мне счастьем, она любила маму, мою полосатую кошку, двух котят, старую куклу с отломанным носом, солнце, мой левый сандал, тётеньку из булочной, и еще много всяких разностей. Эти самые разности, собственно, и являются составляющей такого большого, оранжевого понятия – жизнь. Моя улыбка любит жизнь. Она всегда есть, живая и настоящая, когда чувствует жизнь. Но это же нормально, правда? Просто должны же существовать какие-то такие вещи, обычные, совсем-совсем простые, нормальные, и банальные до жути! Самая приятная и нужная банальность в мире... Порой нам её так не хватает. Когда смотришь на человека и понимаешь, что он – совсем взрослый, а чего-то маленького в действии, но такого большого – в понятии – не понимает. И тогда хочется кричать. Чтобы он услышал. А он не слышит. А ты говоришь, говоришь... Кричишь даже. А он не хочет слышать. И вот ты уже чувствуешь себя совершенно глупо, дураком себя чувствуешь. Думаешь: «А может, я не так живу? Неправильно живу?». А как жить правильно? И даже улыбаться не хочется. С каждым новым днём как с новой страницей большой книги, я и моя улыбка познают эту историю. Вторая строчка сверху – и я удивляюсь, восемь строчек спустя я смеюсь, через десять страниц мне очень грустно. Моей улыбке становится скучно, она с нетерпением ждет финала, как большая личность мирового масштаба – своего заключительного выхода на грандиозном празднике. А мне немного страшно... Вы знаете, как я читаю обычно книгу? Я вам расскажу. Ненормально читаю. Я всегда открываю последнюю страницу, и если завершающий абзац мне нравится – я обязательно книгу прочту. В жизни не так, грустно, конечно. Когда в книге интересный, но печальный конец, я улыбнусь позже. После грустного конца *своей* книги мне улыбаться не придется. Думаю об этом и с жадностью ищу банальность в каждом дне. Такую банальность, чтобы без брошенных детей и зверей; без алкоголя, наркотиков и прочей глупой гадости; без насилия и войны; чтобы просто без суеты и поисков никому не нужной, Истинной Справедливости, Смысла Жизни. Истина в нас, как глобально и пафосно это ни звучит. И с каждым новым днем понимаешь, что пока будешь просто нормально жить, она тебя найдет сама, неожиданно и искусственно. Тогда даже улыбке в голову не придет думать, когда же ей выходить!

Моя улыбка любит жизнь. Но порой они друг друга не понимают. Это кажется таким неудобным и странным, когда хочется *быть*, а оказывается, что только тебе и хочется. Ищешь повод улыбаться и не любишь себя тогда. Это страшно. Когда ищешь повод. Вот, например, почему кому-то может быть не нужна моя улыбка? И почему этот кто-то не хочет дать мне свою? Ведь совсем это не сложно, не в гору ведь лезть! Правда, иногда от этого может зависеть жизнь... Все так просто и не просто одновременно. И улыбаешься, как дура, а это никому неинтересно. И вот уже снова не умеешь улыбаться. Как игра в прятки, а так не хочется играть... Только сперва она кажется нам интересной, и хорошо, если не войдет в привычку. Нельзя быть клоуном в своей жизни. Это очень страшно. И если моя улыбка неинтересна одному человеку, я срочно вспомню, что на зеленой планете Земля есть еще люди. Я ведь не эгоист. И человек этот тоже не эгоист. Пускай идет себе дальше, я очень желаю ему научиться улыбаться! Нет, искренне, правда, желаю.

Тем временем моя улыбка перелистывает очередную страницу моей книги и с ужасом обнаруживает, что нуждается в искренности. В несмысленности она

думала, что неискренности не бывает. Печально отказываться от такого родного осознанного, но... Люди слишком разные. Это великолепно и прекрасно, и даже высоко. А когда видишь притворство и неправду, это совсем как-то низко... И очень-очень грустно. Когда касается меня, думаю, ну неужели я недостойна прямых, настоящих, пускай даже страшных или неприятных слов и действий? Когда касается других, думаю, неужели я на такое способна? Мне тогда тоже страшно, и я уже совсем не помню свою улыбку. А то, неискреннее, адресованное другому, то, что выглядит как улыбка, есть всего лишь физическая операция. Я сама марионетка и кукловод. Деревянная и ненастоящая. Игра закончится, и кукла окажется брошенной без дела. Что может быть хуже, чем стоять на месте? Не существовать?

Мне кажется очень страшным потерять свою улыбку. Не уметь быть с ней. Ведь она частичка меня, и хотелось бы, чтобы стала частичкой еще кого-то. Многих людей, тех, для которых можно стать кем-то больше, чем просто прохожий. Нам нужно уметь собирать, а главное – сохранять эту коллекцию улыбок, цена которых намного превышает цену блестящих вилок, яхт, дорогих машин и плюшевых игрушек. Эта цена не знает цифр, значит, исчисляется размером наших ощущений друг друга, а знаем их размеры только мы сами. И размер сдачи на данные нам улыбки создаем только мы, и так мы строим свое счастье, оно ведь в наших руках. Оно не может быть искусственным. Любая иллюзия рано или поздно рушится под ветром реальности, как бы мы ее ни оберегали.

Все очень просто. Я так много могла бы вам рассказать о приключениях моей улыбки! Но не могу, и совсем даже не к сожалению. Я только начинаю жить, не знаю размера моей книги и очень хочу, чтобы моя улыбка читала с выражением, громко и как можно медленней, ведь это интересно – наблюдать и слышать жизнь.

Начинать жизнь... Так страшно и так сладко звучит... Это может делать каждый, нельзя зависеть от возраста и момента, только от себя и своей веры и надежды. Желание *любить*, наверное, есть у всех? Так давайте не делать это потребностью.

Константин Хвилишевский

г. Иркутск

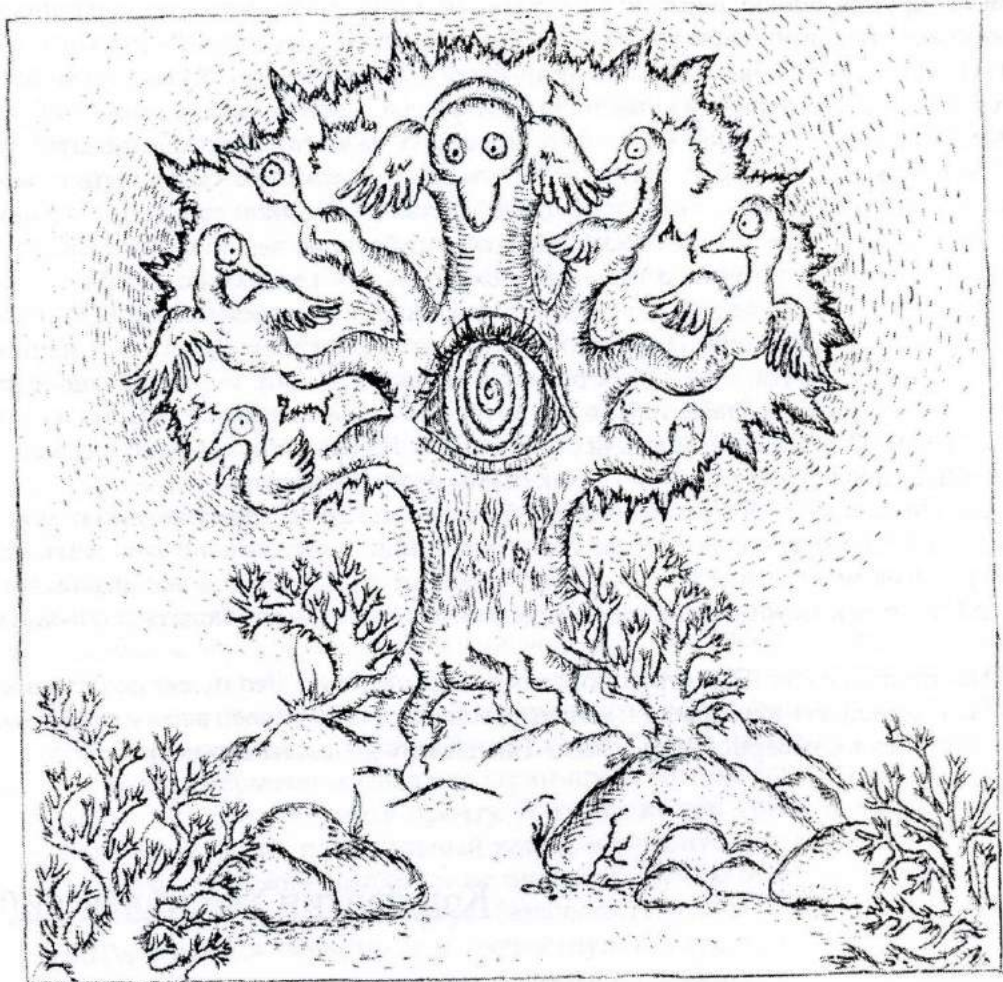
ВЛАСТЕЛИН МИРОЗДАНИЯ

Человек по фамилии Григорьев с отрешенным видом шагал по улице. В его маленьких, глубоко посаженных серых глазах отражались ветви деревьев, машины, блочные дома, пестрые, снующие туда-сюда прохожие, яркие вывески магазинов и серый асфальт. Все, что Григорьев мог охватить взглядом, умещалось в бездонных впадинах его глаз. Григорьев закрывал глаза – и мир погружался в небытие. Открывал – и жизнь вновь пышно цвела. Закрыв глаза, Григорьев не видел мира, но чувствовал лишь себя, всего себя, до последней клеточки. Когда мир исчезал, Григорьев становился вопиюще глобален и заполнял собой все окружающее пространство. Вселенная растворялась в Григорьеве, и он чувствовал себя властелином мироздания.

Григорьев ступал по чахлой траве, помахивая полиэтиленовым пакетом, который оттягивала к земле двухлитровая бутылка пива, и упивался осознанием собственного величия. Он совершенно отчетливо ощущал средоточие мира в собственной персоне. «Вселенная происходит из меня», – думал Григорьев, и сердце его от этих дум судорожно сжималось и проваливалось куда-то желудок.

Митхашоры

Константин Хвителищевский

Мимо неторопливой утиной походкой прошла рыхлая старуха в беретке. «Знает ли она, – подумал Григорьев, – что мироздание держится на мне?» – и пристально взглянул на старушонку. Та остановилась, кашлянула и пренебрежительно окинула Григорьева мутным взором, словно это был и не Григорьев вовсе, а какой-нибудь мусорный бак. Затем кашлянула еще раз, сплкнув на землю комочек чего-то желтого и густого, и деловито поковыляла восвояси. Григорьев досадливо хмыкнул, поглядел, как старуха скрылась за поворотом, и представил, как на нее обрушивается бетонная стена.

Навстречу Григорьеву попадались и другие люди. Они казались ему пустыми, плоскими картонными трафаретами с прорезями вместо глаз и рта. Черты их лиц не несли в себе никакого смысла – они казались неумело намалеванными цветным карандашом на белом картоне. Люди проходили мимо и тут же исчезали, не оставляя никаких следов в григорьевской душе. «Как они несовершенны! – воскликнул Григорьев. – Как же им далеко до меня! Весь этот мир, все эти люди, машины, дома – всего лишь порождение моей гениальной фантазии, игрушки в моих могущественных руках. Стоит мне только пожелать – и все это бесследно исчезнет, я – владыка Вселенной, и все то, что окружает меня, находится в моей власти, является продолжением меня самого. В моей власти населить землю жуткими чудовищами или, наоборот, усеять ее прекрасными цветами. Я вечен и всемогущ, я...»

Вдруг голова его закружилась, кровь прилила к вискам, и всего его пронзила острая боль. Все внутренности Григорьева скрутила судорога, его словно бы вывернуло наизнанку: все то, что окружало Григорьева, засосало внутрь его существа, а снаружи осталось лишь плотная, густая белесая пустота, сдавливающая Григорьева со всех сторон своим удушливым гнетом. Перед глазами зашлясали, словно бесенята, разноцветные искорки. В мозгу Григорьева треснуло что-то, похожее на стеклянную перегородку, и осколки посыпались вниз, звеня и царапая нутро. Часть осколков осела где-то под грудной клеткой, остальные полетели дальше, пригвождая Григорьева к земле. Григорьев упал на спину, невидящими глазами уставясь в бесконечное серое небо, кое-где прорезанное голыми ветвями деревьев.

Последним образом, промелькнувшим в мутившемся разуме Григорьева, был смачный старухин плевок, пузырящийся гнойной слюной. Он разросся до гигантских размеров, заполнив собою все окружающие предметы и сущности и растворив в себе самого Григорьева и всю его глобальность.

И так рухнул еще один мир. Еще одна вселенная рассыпалась на мелкие пылинки, которые устремились, словно мотыльки к огню, в черную зияющую пропасть небытия.

ЛЮБОВЬ

Я никогда не мечтал о большой и светлой любви. Мечтал о чем угодно, но только не о ней. В детстве, например, я страстно желал быть волшебником, обладать каким-нибудь необычными способностями. Читал очень много сказок и фантастических историй, воображая себя тем или иным персонажем, как правило, явно отрицательным. Вообще, в книжках я всегда любил злодеев и до невозможности сильно их жалел. Я всегда придумывал оправдание тому или иному «плохому» персонажу, мысленно убеждая невидимого собеседника, а иногда и вполне видимых немногочисленных товарищей по играм, в том, что «он не виноват, просто его никто не научил быть хорошим, его обижали, мучили, и поэтому он всем мстит...» и т.п. И потом – не всем же быть хорошими? Сия особенность – защищать того, против которого ополчилось большинство, каким бы негодяем и сволочью он ни был в глазах окружающих, – сохранилась у меня и по сей день. Похоже, что на всю жизнь.

Михаил Сергеевич

А вот положительные персонажи, за редким исключением, никогда мне не нравились. В сказках они были скучными, плоскими и шаблонными. Эдакие картонные герои.

Что касается сентиментальных историй о принцах и золушках, то их я не понимал, не любил и решительно отвергал. Вообще считал, что любовь – чушь собачья, глупые выдумки напомаженных девочек и одиноких домохозяек.

Когда я подросток, появилась новая мечта – стать великим поэтом и музыкантом. В ту пору я уже начал панковать, отрастил длинный хаер, и мою взъерошенную башку нередко посещали суицидальные мыслишки. Я пописывал стишки, все больше о гробах-могилах, безликой толпе, собственной ничтожности и т.п., рисовал картинки, брэнчал на гитаре, дрался с одноклассниками, грубил учителям и постоянно кочевал из одной школы в другую. Существование любви по-прежнему решительно отвергал, оставив эту привилегию своим раскрашенным одноклассницам, круглосуточно щебечущим о том, какой из окружающих их мальчиков наиболее симпатичен.

И вот тут-то на меня и свалилась та самая, «большая и светлая», над которой я так безбожно глумился в своих матерных стишках. Я был раздавлен – весь мой старый мир был разрушен до основания! Я боялся признаться себе в том, что другой человек стал для меня Вселенной! Я старался забыть лицо, неумолимо всплывающее в памяти и упорно маячащее перед моим внутренним взором. Существование было для меня мучительным. Мне хотелось зарыться в землю поглубже, чтобы ничего не видеть, не слышать и не чувствовать. Мне хотелось рассыпаться на мельчайшие пылинки, прекратить свое тягостное бытие. Я боялся всего, что окружало меня, мир казался мне страшным и бессмысленным. Больше всего я боялся самого себя.

Так промучился я с полгода. Депрессия была жесточайшей, я не знал, куда спрятаться от ледящей душу безысходности. Мысли о самоубийстве не покидали мою голову, я подолгу стоял у открытого окна на третьем этаже, смотрел на крюк, прибитый к потолку, бродил по пояс в холодной речной воде.

Пришла осень. Я в одиночестве ходил по улицам и, запрокинув голову, глядел в полупрозрачное небо, обожженное пылающими ветвями деревьев. Вот тут-то я понял, в чем дело. Озарение пришло внезапно. Стало ясно, что это за новое, непонятное чувство поселилось в моем сердце. Любовь. Может быть, я слишком высокого мнения о себе, но это новое чувство разительно отличалось от дешевых мелодраматических страстей, которыми нас кормят телевидение и бульварная литература. С момента, как я четко осмыслил все то, что со мной происходило, я с каждым днем осознавал себя заново и открывал в себе новые, непривычные для меня черты. Хотя... в то время я мало думал о себе. Все мои мысли были заняты другим человеком. Признавшись самому себе в том, что я влюблен (это стоило мне долгих душевных терзаний), я всецело посвятил свои мысли объекту моей любви.

Любовь открыла мне дверь в таинственный, манящий, подчас опасный и жестокий мир – мир непрерывных духовных исканий, упорных поисков смысла, истины, единственного верного Пути. Когда я понял, что люблю, я будто прозрел, промыл свои невидящие глаза целебной родниковой водой. Я стал смотреть на мир другими глазами. Прежде не замечая красоту природы, я вдруг увидел, как ярок и многообразен мир вокруг меня. Все происходящие со мной события были наполнены глубоким внутренним смыслом. Я ощутил прилив жизненных и творческих сил, начал строчить стихи пачками.

Большинство из них, как и следовало ожидать, не сохранилось...

Я и по сей день безнадежно, неизлечимо влюблен. Разумеется, моя любовь безответна. Нередко бывает, что из-за этого я впадаю в краткосрочные, но жестокие депрессии, подолгу мучаюсь, плачу по ночам, когда этого никто не видит. Я

тщательно скрываю свои чувства от посторонних – боюсь показаться нелепым, боюсь насмешек. К тому же подобное чувство плохо вяжется с намертво приросшей к лицу маской «пробитого панка», бескомпромиссного, радикального, одержимого бредовыми идеями.

Тем не менее я не проклиная судьбу и не хочу (по крайней мере, пока) добровольно уходить из жизни. А иногда мне даже кажется, что я самый счастливый человек на свете.

Марина Шелепова

г. Красноярск

СУМАСШЕДШАЯ ЗВЕЗДА

- Ой, смотрите!..Смотрите скорее! Вон туда... Вон она! Звезда полетела!
- Это не звезда, это комета! Видишь хвост?
- Сумасшедшая...
- Она разобьется?!
- Нет. Наверное.
- Она красивая.
- Ну... не знаю. Похожа на все остальные.
- Да, она красивая.
- Что вы понимаете в красоте?
- У каждого свой вкус. Я и не сомневаюсь, что вам она не понравилась!
- Да что вы спорите?! Она же сейчас исчезнет, и мы ее уже больше никогда не увидим!
- Это правда. Все прекрасное так быстро кончается.
- Да что же в ней такого особенного?!
- Вам этого не понять.
- Так медленно летит!..
- Это только так кажется. Скорость света равна...
- Она не хочет сгорать до конца. Хочет еще немного пожить на этом свете.
- Какая глупость!
- Нет. По-моему. Очень интересное предположение.
- Спасибо. Но я действительно так думаю.
- Вам бы только сказки сочинять!
- А я их и сочиняю, когда звезды падают.
- Ну так сочиняйте. Только не в слух же!
- А я хочу послушать!
- Я не умею *сразу* сочинять. Мне надо прожить момент.
- Пока вы будете «проживать», звезда 10 раз Землю обогнет!
- К этому времени она сгорит. Она ведь была так молода!..
- Почему «была»? Звезда еще и сейчас на небе...
- А я не о звезде...

Мистификация

МАРТ

ЭЛЕГИЯ

Мальчик любил весну. Мальчик любил маму. Кхе-кхе. А еще любил кота Мурзика, который уже неделю не появлялся. И было скучно. Болело горло. Он не ходил в детский сад, а сидел у окна, ждал Мурзика: ждал маму. Кхе-кхе. По дороге basiли машины, туда-сюда, туда-сюда. По тротуару шуршали прохожие, сюда-туда, сюда-туда. Мурзика не было. Напротив окна, в которое смотрел мальчик, стояла чуть покосившаяся изба с резными потрескавшимися ставнями, а на воротах восседал петух с отломанной головой. Мальчику всегда было жаль петуха. Из ворот вышел засаленный старик с расхлыстанной гармошкой. Он сел на скамеечку перед избой, снял с головы обшарпанную шапку, положил ее на землю, задымил папиросой и добро посмотрел на мальчика. Стариковские глаза были сини, в них стыла весна. Старик докурил папиросу и аккуратно прижал ее сапогом. Затем он так же аккуратно, степенно расстегнул гармошку и ...

Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело, -
жалобно зачавкала она на всю улицу. Старик доиграл песню до конца, пошамкал губами, подумал и начал сначала. Еще, еще и еще.

Тара-ра-ра-ра, туда-сюда, тара-ра-ра-ра, сюда-туда шлялося, шлялося.

Из ворот вышла обрюзгшая женщина. «Батя, хватит народ смешить», - сказала она. Резко сняла с его плеч гармошку и скрылась в проеме. Старик как-то сразу вдруг согнулся и опустил голову. Желтые кисти рук с черными жилами обвисли до земли. Сидел он так долго. Мартовский ветер нежно целовал его седь. Наконец старик тяжело поднялся, вновь посмотрел на мальчика, что-то прошептал и как-то тихо-тихо и незаметно растворился за петухом. Мальчик тоже тихо заплакал. Хлопнула дверь. «Сына, сыночка, Мурзик нашелся! Иду, он навстречу, грязный, худ... Ой, что с тобой, сыночек? Что случилось?» Мальчик рыдал. «Что, что такое? - мать посмотрела в окно. - Ах, изба! Да, избу эту скоро снесут, а жильцам дадут комнату, как у нас. В новой девятиэтажке. Ну, что же ты плачешь, глупышка? Мурзик нашелся, а ты... Скоро в садик пойдешь. Скоро папа приедет. Скоро вырастешь взрослым». Мать говорила, говорила, говорила...

А ПОТОПАЛИ В ЦЕРКОВЬ?!

Нас было несколько. Нас было двое. «А потопали в церковь!» - рявкнул он, ошарашивая коньячно-лимонным перегаром. - «Ты пьян». - «Ну, пустое». - «Пустое, пустое!»

У крестьянина было два сына: первый - умный, второй... Вышли. Сумрак молчал и вздыхал. Голуби тюркались нервно.

- Ого-го-го, небо, смирись - мы идем разговаривать с Богом.

Глотка загрохотала. Я сказал:

- Тише. Пустое?!

Пустое! Церковка, церковь стояла в конце желтоватого забора. Мы почти подошли и...

- Смотрите-ка, смотри ты - Ве-ерка, Верунчик!

Он шваркнулся к ней.

У крестьянина было два сына: один умный, второй... Я стоял. Ах, ну да, на этом самом месте меня поцеловала мать. Старая рука протянула платок и перекрестила на этом месте или... Это было давно. Это был не я. Это было.

- Эй, корефан, а потопали с нами!

Здесь это, здесь: угольный купол церквушки.

- Ну, потопали!

- Нет!

- Ну, как знаешь.

Я целовался с нею. Я целовал. Было ли это? О! Сумрак харкнул на мостовую красную капельку окурка. Окурочек, подрагивая, жётся. Жглась и жалость во мне.

У меня два имени: одно произносилось вслух, вторым... Пустое, пустое, пустое... В доме у нас не мерцают свечи, не блекнут, не вянут на наших глазах. Тыра-тыра-там, тура-тура-ра.

- Вещь какая, подохну сейчас, ха-ха-ха!

И ушли эти трое, распластавши верхушки церквей.

У японцев слывёт икебана, разноцветье. Но что это я? Нет, конечно, мой мир гармоничен, мой духовный излаженный мир. Бесхитростной непринужденности.

Из церкви выходили люди, тени, лица, моменты. Последней шла Ве-ерка, Верунчик, Вера. И плакала.

ВАРАВВА

Их было много. Лица, лица, лица. Внезапный праздник и внезапный грех. Внезапный ли? Так обнимали, жали руки и целовали без стыда. Они, наверно, правы, он подумал и проснулся, лежа на поляне, далеко за городом. Маленькая птичка сидела на мизинце Вараввы и грелась на солнце. Варавва поднялся. Птичка улетела. Но пело солнце, и листва смеялась и щебет птиц, вдруг щебет птиц стал неприятен уху. Где все, подумал вновь спасенный. Где все? И он окинул взглядом. Дубы столетние шумели и лоснились, лоснились от величья своего. Цветы ловили редкий миг надежды, надежды отдаваясь - умирать. Травинки умоляли - пощадите! Мы так еще внезапно не взошли! И ручеек хрипел - я сохну, сохну, сохну! Не наступай! Что-то случилось, подумал Варавва. Что же? Коршун, порвав крылом небосвод, спланировал на поляну. Две черные ядринки глаз пронзили вараввину душу! Клок-чек! Это клюв его. Клюв угрожал! Но за что? С-ши-к из-под коряги блеснула змея - жалю смеющимся жалом! - из трав умоляющих, так вот сказала она.

Варавву передернуло. Все тело болело. Он вспомнил, что было вчера. Он вспомнил.

- Распи, распи его!

Так было. А сейчас Варавве почему-то показалось, что на него смотрят тысячи глаз.

Смотрят со всех сторон и справа и слева, и сверху и снизу.

«Что такое?» - подумал Варавва и поднял глаза.

Тук, тук - это паук, он спускался со своей паутины. Паук был огромный, с лоснящимся белым крестом.

«Мы звери, мы гады, мы пресмыкающиеся, пришли спросить тебя, пришли судить. За что предал, за что продал его ты?»

Варавва побежал, нет, он понесся, помчался как загнанный зверь. Зверь? Какая нелепость? Бежало животное человеческого образа. Не то, не так. По поляне,

Митинская

визжа от страха, смешно подпрыгивая, падая лицом в грязь и снова поднимаясь, коверкалось чудовище. Нет, это просто бежал Варавва, вор, убийца и предатель. Он долго бежал, о корень споткнулся, упал.

Лес шумел, он безумствовал.

«Это предал Иуда. Его предал народ, я здесь при чем. Это они, это он».

Лес кипел все сильнее, ураган собирался. А черные зрачки смотрели на него и прожигали насквозь, выворачивали наизнанку.

- За что ты предал? За что?!

Листья трясла лихорадка. Порыв, еще порыв! Зеленая эпилепсия!

Где-то рядом с Вараввой в предсмертном хрипе упали два мощных ствола. Лес уже не кипел, он ревел криком какого-то огромного, насмерть израненного, загнанного в ловушку зверя. Почти не сознавая того, что он делает, Варавва впился всем своим телом в огромный дуб. Корни дуба скрежетали; «Кровь за кровь!» Вспышка света и гром. Гром такой силы, что из ушей Вараввы брызнула кровь. И ему показалось, что сам он раскололся надвое. Очнулся Варавва от боли еще более сильной. Это капли дождя, расстрел. Птицы падали замертво. Весь лес огласился звериным визгом и воем. Казалось, что сама земля стонала.

«Господи, - прошептал Варавва, - неповинен я в крови его!» Вспышка света, и дуб загорелся, и стало вдруг тихо, и дождь перестал. «Дуб сгорит», - подумал Варавва. А дуб дотлевал. «Лес сгорит», - он подумал. А было все сыро. Сыро насквозь, от ливня и слез. Сын человеческий поднялся с трудом, было больно и пусто, и чисто внутри. Там, внутри, возле сердца. Прозрачно, воздушно в природе. И пахло озоном. А может, душой. Той душой. А она отлетела из этого тела. Все раздвоилось.

«Что-то случилось», - подумало существо, именуемое раньше человеком.

Правда и ложь, жизнь и смерть, цельного нет. И не будет.

Что-то безумное подняло голову и посмотрело в небо, там была радуга. Казалось, очень, очень близко над самой головой, что-то протянуло руку, но тщетно, не достать.

Семь цветов. Красный - кровь его. Оранжевый - цвет его ран. Желтый - это измена, измена, измена. Зеленый - цвет жизни, оборванной в срок. Цвет истины - это зеленый. Голубой - это цвет его глаз, прямо смотрящих, правду дарящих. Синий - цвет его губ, мертвых губ, мертвых, мертвых. Фиолетовый - гроб, его гроб.

Пустой гроб!

Радуга переливалась и смеялась в солнечном луче. «Человечество будет смотреть на солнце сквозь прозрачный кристалл», - так он сказал.

А тот, внизу, все руки тянет, но не достанет, недо-ста-нет!

Сирена поэзии

Стефанович

№ 2 (23) 2006

Светлана Добогоева

п. Усть-Ордынский, шк. № 2, 11-й кл.

***

В свои права вступила осень.
Она хозяйка этих дней.
И кроме елочек и сосен,
Уж нет зелененьких ветвей.
Замерзли лужи. Вместе с ними
Остыла пылкая душа.
Снежинки падают резные,
И в гости к нам идет зима.
Придет. Накроет одеялом,
Растопит тонкий сердца лед.
И там, под снежным покрывалом,
Искра любви огонь зажжет.

Наталья Андреева

*п. Усть-Ордынский
мед. училище, II курс*

***

Солнце, ветер,
Дождь, скамья.
Собака сеттер.
Рядом я.
Луна, туман,
Скамья и ты.
А ты – обман
Одни мечты.
Квартира – ночь
Я не живу.
Все та же боль,
Я ухожу.
За белый кров.
За пелену причин.
Сгустилась кровь.
Ты не один...

Жанна Дыренова

п. Усть-Ордынский, шк. № 1, 7-й кл.

Я ДОЖДОЧК

Когда на небе облака
И дождь все не кончается,
Ты знай: так будет не всегда,
И солнышко появится!

АРО ВЕЗМЕРОК

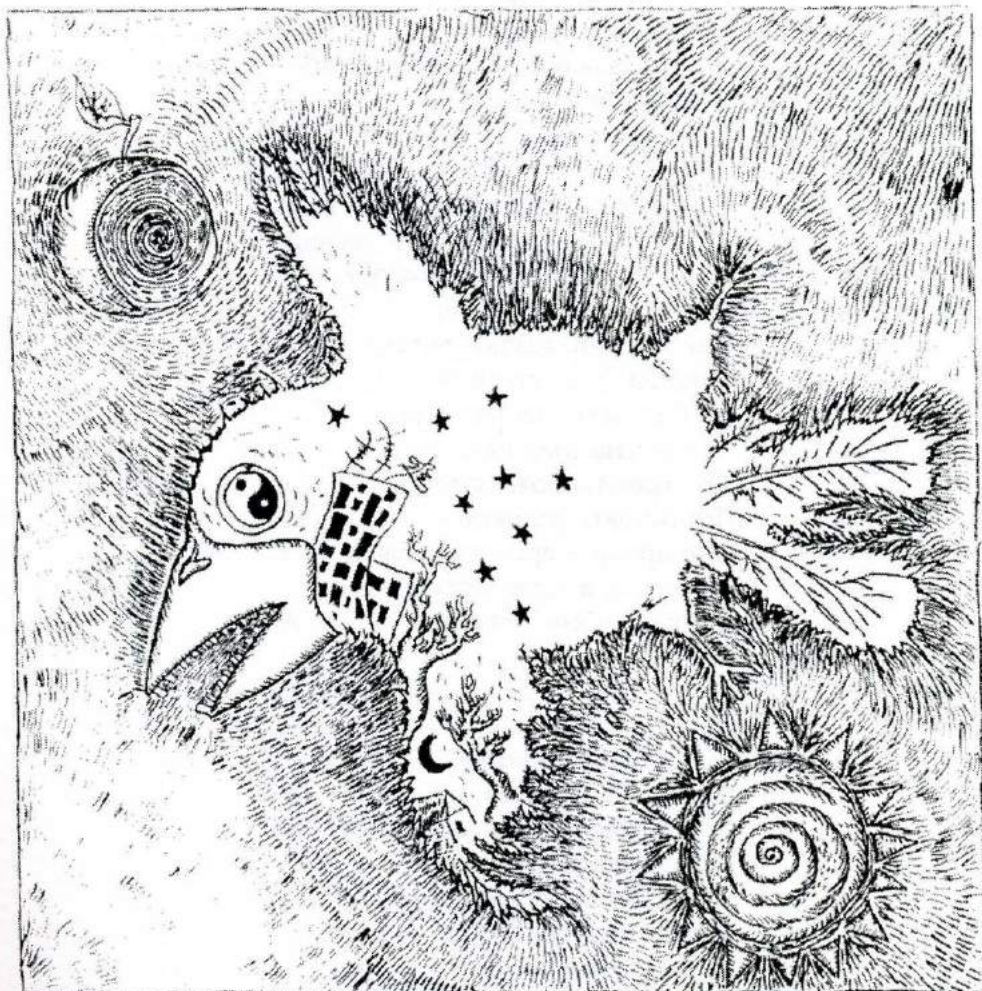
Листья пожелтевшие
Кружатся над землей.
В быстром вихре ветер
Несет их над рекой.
Мы бежим за листьями
И кричим им вслед:
«Стойте! Подождите!»
А они нам: «Нет»!

Наталья Калинина

г. Иркутск

***

Ожидание, словно проклятие –
Гаснут краски, тускнеет свет...
Я никак не могу понять тебя –
То ли любишь ты, то ли нет?
То ли просто боишься встречи,
То ли вечно мешают друзья?
Вот и жду тебя каждый вечер,
И почти каждый вечер – зря.
Может, это игра такая
Под названием «Кто кого»?
Может, я напрасно страдаю,
Да и жду совсем не того?
Может, все это просто выдумка
Или злое проклятье весны?
Я совсем заблудилась, видимо,
Не меж трех, у одной сосны!
Разорву этот узел – и точка!
Хватит думать о пустяках!
...И опять мне приснится ночью,
Что несешь ты меня на руках.

Константин Хвилищевский

***

Я стихов не пишу -
Я боюсь что - нибудь напрогчить,
Ну а ты все молчишь из далекой своей стороны.
Проклинаю тихонько
Пустые холодные ночи,
Жду тебя, как возлюбленных ждали с войны.
Я не плачу давно.
Я в слезах больше смысла не вижу.
Только снятся ночами
Какие-то смутные сны;
Не пиши, не звони -
Я пойму, я совсем не обижусь,
Я ведь жду,
Как когда-то возлюбленных ждали с войны.
И когда ты вернешься,
Сказать не сумею ни звука,
И повиснет над нами
От страсти дрожа, тишина,
Только звякнет окно -
Это прочь уберется разлука.
Вот и все, и закончилась
Наша с тобою война.

***

У последнего снега
Нет вкуса и запаха.
И до первой грозы еще долгие дни...
Мы расстались с тобой
Слишком быстро и запросто.
Ничего не осталось,
Лишь сомненья одни.
Может, я не права,
Что тебе не ответила,
Но мое одиночество
Страсти сильней.
Может, где-то в душе
И осталась отметина,
Но и это пройдет
Через несколько дней.
У последнего снега
Есть такая особенность -
Он немедленно тает,
Превращается в грязь...
У последней любви
Права нету на собственность.
Я, конечно же, знала,
Да не убереглась...

***

Главное промолчать,
Чтобы ни «да» ни «нет»,
Главное не кричать
И не смотреть на свет.
Главное – спрятать взгляд,
Чтобы не видеть страх.
Главное – устоять
И на своих ногах.
Ну а теперь – бежать,
Только бы не упасть.
Главное, не дрожать –
После пошлachu власть.

***

Человек играет на трубе...
Из окна гостиницы доносит,
Как его мелодия заносит,
Как она претит его судьбе.
Он веселый, этот человек,
А мелодия грустна безмерно –
Что-нибудь не клеится, наверно,
А из окон по соседству смех.
Мне не нужно видеть глаз твоих.
Мне уже и музыки довольно,
На душе и сладостно, и больно,
И – спасибо за счастливый миг.
Ухожу, мне вслед труба поет,
Словно за молчание в награду,
От меня ей ничего не надо
Ей и так все ясно наперед.

***

Полумолчанье... полуфраза...
Полукасанье рукой...
И ничего не нужно сразу,
И на душе покой... покой...
Полупризнанье... полувстреча...
Полунамек... и полустрах...
Полуинтимный полувечер
При двух оплавленных свечах.
И пусть не станешь ты Героем,
И пусть не я тебе нужна.
Но как же я люблю порою
Неспешные полутона.

***

Снова сердце растревожила
Безобразница-весна.
Ну, на что это похоже -
По ночам лежу без сна!?
И от глаз твоих зеленых
убегаю - не сбежать.
Что-то мне определенно
В жизни надо предпринять!
Может, плюнуть на условность,
Да как в омут головой...
Но за эту безголовость
Мы поплатимся с тобой!
И пожаловаться некому,
И во всех грехах грешна -
А на улице потеха,
Безобразница-весна...

Николай Номоконов

с. Урик, ср. шк., 4 кл.

Синичка

Желтая синичка
Села на кусток.
Не пугайся, птичка,
Подожди чуток.
Сделал я кормушку,
Чтобы ты зимой
Прилетала в гости.
В тихий садик мой.
Семечки, орехи
Положу сюда.
И теплее станет
Лютая зима,
А весной зеленой
Не забудь меня.
Прилетай в мой садик,
Буду ждать тебя.

Светлана Волчкова

с. Чеботариха, Куйтунский р-н, ср. шк., 11-й кл.

ТЫ НЕ УШЁЛ, ЧТО Ж...

Я. Ты. Она.
Вместе или одна?
Усталая бродит тень.
Лентою тянется день.
Звезды на небе. Ночь.
Нам уже не помочь.
Холод. Немая дрожь,
Ты не ушёл, что ж...

ТЫ УХОДИЛ

Ты уходил, а я молчала,
Я не хотела громких слов,
А может, я не понимала:
Уходишь ты - с тобой любовь?
Наверно, знала - время лечит,
А боль растает навсегда.
И тихо падала на плечи
Любви угасшая звезда...

Сергей Стерх

г. Иркутск

НОЧЬ ПОСЛЕДНИХ УТРАТ

I
Неужели про ночь?
И кому же?
Вон, березе невмочь,
Искорёжила стужа.
Ты, береза, не плачь,
Это - холод,
Это ветер-палач,
Одиночества голод.
Ты, береза, не плачь -
Это бремя,
Это ночь - чёрный грач
Лишь на время.
Ты, береза, не плачь,
Это звезды...
Был я слишком горяч,
Понял поздно.

Понял, это январь,
Плач навьлет,
Хоть в лицо мне ударь -
Кровь застынет.

II

Неужели про ночь?
И кому же?
Вон, собаке невмочь,
Ей я нужен.
Ты, собака, не плачь,
Это - холод,
Это ветер-трюкач,
Вой и голод,
Ты, собака, не вой,
Это время.
Ночь стоит за спиной,
Дышит в темя.
Ты, ушастый, не вой,
Это звезды.
Мы с судьбою одной,
Только поздно.
Поздно. Ночь.
Погоди! Ну, куда ты?
Нечем брату помочь.
Ночь расплаты.

III

Неужели про ночь?
Ну и что же?
Вон, луна, ее дочь, -
Стынет тоже.
Эй, луна, ты не плачь,
Это - холод.
Эй, луна, звездный мяч,
Я ведь молод.
Эй, луна, ты не плачь,
Дай-ка руку,
Брось-ка неба кумач,
Бросим скуку.
Эй, луна, ты не плачь,
Плюнь на звезды,
Понесёмся-ка вскачь!
Или поздно?
Поздно. Ночь. Циферблат.
Нет луны, растворилась.
Ночь последних утрат
Мне сегодня явилась.

IV

Неужели про ночь?
Надоело!
Так кому мне помочь?
В этом дело.

От чего же не плачь,
Если холод,
Если ветер-палач,
Если вымерший город?
Отчего же не плачь?
Если бремя,
Если ночь – черный грач
Долбит в темя.
Отчего же не плачь?
Колят звезды,
И не будет удач,
Слишком поздно.
Это так. Это шаг.
Топчет утро,
Развевая свой стяг,
Хоть и смутно.

ЭПИЛОГ

Это зимнее утро, береза,
Скоро, скоро весна,
Потому вытри слезы,
Если нам не до сна.
Это утро, собака,
Хочешь, будем дружить?
Сколько силы, однако,
Если б жить мне да жить.

Лина По

г. Тулун

***

Ты объявил мне шах и мат.
Обезоружил меня ловко.
И был никто не виноват,
Всего лишь ловкая уловка.
Ты бил улыбкой точно в цель.
Не зная промахов и сбоев.
Ты мне шептал: «Поверь, поверь».
На миг поверила. Не боле...
На миг поверила, сдалась,
На шаг от правил отступила.
Любовь во мне тотчас зажглась,
И жизнь вокруг ключом забила.
Я в небо вышла, не боясь,
Расправив крылья на мгновенье.
Но вниз упала, прямо в грязь,
В нелепые души сомненья.
Ты объявил мне шах и мат.
Продуманно, легко и ловко.
И ферзь убит был наугад,
И не поможет рокировка.

Евгений Корзун

Засл. деятель искусств,
г. Иркутск

КОЛЬКА

В небольшом флигельке нашего двора поселилась семья: муж с женой и их две дочери дошкольного возраста, Вика и Лида. Муж был похож на жену, жена на мужа, а эти две девчонки, как на одну колодку – смуглые и глазки-смородинки, а их старший братишка был совсем не похож на своих сестер. Живые серые глаза, открытое лицо, на макушке его волосы вечно стояли, как будто их кто-то поставил по стройке смирно. Выяснилось, что его сестры Вика и Лидка родные ему только по отцу, матери у них разные. Колькина мать умерла, отец женился вторично, вот и появились эти две девочки. Отец Кольки работал в райисполкоме, а мачеха продавщицей в небольшом магазинчике, где продавали табак, спички, сахар, чай, хлеб.

Мы быстро подружились. Сестры за Колькой ходили, как цыплята за наседкой. Он был им брат и нянька. Кольке хотелось побегать с нами, но «пришитый» к своим сестрам был часто вынужден прозябать во дворе, и видно было, что они ему иногда надо-едали хуже горькой редьки. От своей обязанности – нянчиться с ними – ему никогда нельзя было уйти, пока мачеха его не приходила с работы.

Она была женщина невысокого роста, ширококостной, с полным отсутствием шеи и короткими ногами. От того она смотрелась квадратной и очень смахивала на клопа, вернее на клопиху, если у клопов имелись особи женского пола. Она у меня особой симпатии не вызывала, потому что жила,

как мне казалось, с одним и тем же выражением лица. Ни приветливости, ни печали, ни радости ее лицо, на мой взгляд, не выражало. Правды ради надо сказать, что со своими дочерьми она бывала улыбочива и ласкова. Я на первых порах даже не понимал, как она относится к своему пасынку.

Колька попал в мой класс, занял место на последней парте в среднем ряду. Учился Колька средне – не хуже и не лучше других, исключение составляла математика. Те задачи, над которыми пыхтел весь класс, Колька щелкал как орешки. Как-то не вязалась его способность быстро и оригинально мыслить в математических хитросплетениях с манерой говорить косноязычно и просто вопиюще неграмотно. Дошкольное детство и начало учебы Колька провел в деревне у своей родной тети, может быть, поэтому он усвоил манеру изъясняться таким простецким образом. Все учителя вели борьбу с неграмотностью Колькиной речи.

В школу он ходил в одном и том же, как и многие из нас, но внешний вид его говорил о том, что живет он один, без материнского глаза. На нем и в праздники, и в будни были штаны, сшитые неумелой портнихой, и лыжная куртка от дешевого спортивного костюма на два размера больше, чем надо. Поэтому воротник этой куртки висел хомутом, обнажая тонкую шею. Сразу было видно, что никакой рубашки под курткой и в помине нет. Рукава этой куртки были ему длинноваты, у

запястий собирались в гармошку, ботинок у него тоже не было. Осенью их заменяли истоптанные кирзовые сапоги, наверняка купленные не ему, но по случаю доставшиеся. Зимой он ходил в широких подшитых серых валенках, похожих на лыжи, и старенькой телогрейке, которая была ему широковата и, наверно, не очень-то держала тепло. Он грел свои руки в просторных рукавах этой телогрейки. Вообще, в послевоенное время в деревнях и райцентрах хорошо одетых детей не вдруг можно было встретить. Но Колькина одежда являла собой не только его бедность, но и брошенность.

Математику у нас вела наш классный руководитель Мария Романовна. Она была самая красивая учительница в школе. Мы все ее любили, хоть и влетало нам от нее иногда за наши делишки. Это была молодая женщина. Точёный носик, тонкие красивые черты лица и взгляд человека, которому только что сообщили хорошую новость. Она любила свой предмет, но еще больше любила свою профессию учителя. Как-то на классном часе Мария Романовна рассказывала историю нашей школы, которая началась больше века тому назад. В том рассказе она не могла не коснуться и своей семьи, потому что ее предки тоже были связаны со школой. Ее дед и отец были учителями. Дед был директором начальной школы, средней тогда еще не было. То небольшое здание школы, к сожалению, сгорело. В начальной школе было два учителя-мужчины. Своих учеников они учили еще по дореволюционной программе.

Она показывала фотографии тех лет, отпечатанные на толстом картоне. Мы с жадностью разглядывали четко отображенные лица, костюмы, галстуки, учителей. Казалось, что они пришли к нам на минуточку в гости. С отпечатков на нас смотрело само благородство, уверенность и незыблемость убеждений, которые они исповедовали. Хотелось переместиться во времени, сесть с этими людьми рядом, послушать их голос. Мне поче-

му-то всегда мечталось заглянуть в ТУ прошедшую жизнь, попавшую под слом, признанную негодной. А вот эти лица, которые глядели на нас оттуда, не выражали никакой непригодности, даже наоборот, была видна их причастность к большому, важному, значимому делу, которому не стыдно посвятить всего себя. А если сравнить старинные и современные фотографии, на которых были изображены мы с нашими учителями? Сами отпечатки сделаны на тоненькой, какой-то «временной» бумаженции, такая фотография долго не протянет, свирепые исторические бури не перенесет, какие выпали, например, на те, что нам показывала Мария Романовна. А уж если сравнить персонажи, населявшие эти фотографии, то можно с уверенностью заключить, что мы-то ничуть не лучше наших предшественников – учеников, даже по тому, как мы одеты и какой взгляд несут наши лица. На фотографиях ушедшего времени я не увидел в лицах детей никакого гнёта, пришибленности или неуверенности в завтрашнем дне. Тогда, может быть, я так не думал, но ведь остались же в сознании эти впечатления, чувства...

Мария Романовна вошла в класс и объявила:

- Сегодня у нас с вами задача не из простых. Будем решать одни и те же уравнения несколькими способами. Давайте для начала возьмем что-нибудь несложное. Вот я вам запишу на доске.

Мария Романовна взяла мел и размашистым почерком записала уравнение. Не такое уж простое – подумал я. Для меня математика была предметом тяжеловатым. Вот если бы каждый день рассказывали про Галикарнасский мавзолей, Троянскую войну, Одиссея, восстание Спартака, Древний Вавилон или походы Александра Македонского – вот это было бы по мне. Там прямо на уроке можно помечтать. Представить, что ты на коне в доспехах сражаешься с персами, а лучше еще с самим царем царей Дарием. Он не выдерживает твоего

Мир снова

натиска и поворачивает своего коня за ряды телохранителей... а математика... ведь думать надо.

- Решаем. Кто пойдет к доске? У..у..у.. желающих не вижу... Тогда к доске пойдет...

- Хоть бы меня, - пожелал я сам себе.

Мария Романовна окинула взглядом класс.

Зоя была девочка худосочная, небольшого росточка, с жиденькими косичками; вышла к доске и стала молча решать уравнение, поглядывая на запись Марии Романовны.

- Не слышу рассуждений, - произнесла Мария Романовна и отошла от стола к окну.

Зоя повернулась к Марии Романовне, и ее тоненький голосок запел теми рассуждениями, которыми двумя уроками раньше нам объясняла Мария Романовна решения подобных уравнений. Все было верно.

- Хорошо, но наша-то задача решить это уравнение по-другому. Как можно еще это сделать?

Зоя стояла у доски и молчала. Мария Романовна обратилась к классу, мы тоже молчали.

- Что, никто не может предложить другой вариант решения? Боже мой! Что же я здесь делала полчетверти? Вы такие задачи должны решать. Садись, Зоя. Что же мы будем делать?

Она посмотрела в сторону отличников. Таня Тарасова и Володя Беломестных сидели с напряженными лицами, но ответа у них тоже не было. Мария Романовна разом опустила руки, как бы показывая беспомощность положения.

- Здесь есть еще решение, которое вы должны непременно найти. А что вы будете делать на контрольных? Там задание будет на порядок сложнее... на порядок! Что, никто в классе так и не знает?

Она укоризненно посмотрела на нас. Я оглянулся на Кольку, и в это самое мгновение он вскрикнул руку вверх, чуть улыбаясь.

- Опять один Шадрин из всего класса! Ну, хорошо, иди, Коля.

Колька встал, уверенными шагами прошел к доске, взял мел и заговорил:

- Еслиф...

- Коля, я тебя просила не говорить это «еслиф», слышать не могу, ведь проще, а главное правильно сказать «если».

Колька кивнул в знак согласия и снова заговорил:

- Если взясь...

- Коля, ты меня в гроб загопишь! Нет такого глагола «взясь», есть «взять», чтобы я подобного больше не слышала.

Колька снова кивнул и продолжал:

- Если взять выражение в скобках, упростить его... - и Колька стал быстро записывать буквенные и числовые значения. Он легко, без единой запинки решил уравнение, совсем не так, как это делала Зоя.

- Коля, ты просто молодчина! Прекрасное решение! Неси свой дневник. Это пятерка с плюсом! Только обидно, что из всего класса один Коля Шадрин мог справиться с этим уравнением. Ведь такие упражнения выявляют и развивают ваши аналитические способности. Понимаете?..

Мария Романовна сделала паузу, обводя нас взглядом, словно убеждалась, что мы ее поняли.

Математика - это не только дважды два, ее изучают не только для того, чтобы сосчитать сдачу в магазине. С помощью математики были открыты невидимые спутники некоторых звезд, находящиеся за пределами астрономических наблюдений. Их «обнаружили» математическими расчетами, так сказать, на листке бумаги. Невежды считают математику скучной, наукой для пожилых людей. А вот, французский математик Эварист Галуа стал великим в двадцать лет! Всего-то на шесть - семь лет старше вас. Он, к сожалению, был убит на дуэли. Из-за нехватки времени он каждый раздел записывал не до конца, считая, что дальше само

собою понятно, «очевидно», как он выразался. После его смерти европейские профессора, светила математики того времени, бились над его записями еще семьдесят четыре года, столько времени понадобилось, чтобы понять его «очевидность». Вот такая это была голова, несмотря на возраст...

Кто-то из класса спросил: «Мария Романовна, почему вы не занялись математикой как наукой?»

Мария Романовна встала из-за стола, отдала Кольке дневник с поставленной пятеркой и просто сказала:

– Во-первых, еще в младших классах решила, что буду учителем, может быть у меня это наследственное, – она улыбнулась. А вообще-то педагогика – не менее интересное дело. Во-вторых, и это, пожалуй, главное, я не видела в себе тех особенностей, которые должны быть, чтобы заниматься наукой.

Она посмотрела на Кольку.

– Вот, может быть, из Коли вырастет математик или конструктор, потому что такое мышление, как у Коли, позволяет взглянуть на проблему совершенно с неожиданной стороны. Это очень ценное человеческое качество, не у каждого оно есть, но развивать его надо обязательно. Когда я имела в виду второй вариант решения этого уравнения, то это было не то решение, которое предложил Коля. Он предложил свой, третий вариант, не похожий на мой...

Мы все неожиданно для самих себя громко зааплодировали, к нашим аплодисментам присоединилась Мария Романовна. В это время дверь классной комнаты открылась, и на пороге появился Алексей Прокопьевич – директор нашей школы. Он стоял и с удивлением смотрел на нас и на улыбающуюся Марию Романовну.

– По какому поводу такие бурные аплодисменты? Я проходил мимо, и в коридоре слышу ваши аплодисменты, не утерпел и заглянул...

Мы встали, приветствуя его. Алексей Прокопьевич жестом попросил нас сесть.

– Алексей Прокопьевич, мы сейчас решали одно нелегкое уравнение, – Мария Романовна пощадила нас и не сказала, что мы опростоволосились и оказались слабаками, – и вот Коля Шадрин предложил свое видение решения этого уравнения. Мы все поздравили его аплодисментами, которые вы слышали.

– Ну, что же, Шадрин, поздравляю тебя! Ты наша надежда на будущей областной математической олимпиаде. Обязательно позовем тебя в город.

Тут, несмотря на присутствие директора, воцарился радостный шум. Все стали говорить, обсуждать сообщение Алексея Прокопьевича. Колька сидел с горящими ушами, ни на кого не глядя. Мне показалось, что вся одежка на нем от общего к нему внимания стала еще беднее. Я почему-то готов был заплакать...

Директор вышел из класса. Мария Романовна подняла руку, прося тишины. Все замолчали. Мария Романовна подтвердила слова Алексея Прокопьевича, что в следующем году наша школа будет участвовать в областной математической олимпиаде, что от нашей школы на нее поедут два ученика. Один из них – это, несомненно, Коля Шадрин, а вторая кандидатура с течением времени определится. Урок снова продолжался, потом прозвенел звонок, все вскочили с мест, загудели, поднялся шум и всеобщий гвалт. Большинство ребят столпились у Колькиной парты. Все на Кольку смотрели как-то по-новому. Колька поедет на олимпиаду, увидит город! Такого еще в нашей школе не бывало. Среди нас была и Таня Тарасова, которая раньше Кольку просто не замечала.

– Коля, – сказала она, – к следующему уроку Мария Романовна задала кучу уравнений за наш сегодняшний провал, – и она показала рукой на доску, где были написаны номера упражнений на дом, – давайте останемся, разберем хотя бы два – три из них...

Колька просто, без всякой позы, как будто Таня обращалась к нему каждый день, сказал:

Мир
своев

- Давайте останемся, кто хочет. Ты останешься? - спросил он меня.

- Конечно, останусь, - я был горд за Кольку.

Потом мы вместе тихонько шлепнулись домой. День был серый и теплый, уже пахло весной, в такую погоду не хотелось торопиться. Мы с Колькой шли, что называется, цепляя ногу за ногу. Мне было неловко поучать Кольку, потому что я сам от него не далеко ушел в культуре речи, но я не утерпел и сказал ему:

- Слушай, ты что, на уроках не можешь правильно говорить, ты же все слова и обороты знаешь назубок? Сколько можно слушать твои «еслиф», «взясь», «хочут» и кучу других словесов. Ты как поедешь на олимпиаду? Мария Романовна там с тобой со стыда сгорит...

- Да это по старой привычке, у нас в деревне многие так говорили, вот и привык. Я теперь буду следить за собой, а то действительно, она бьется со мной, а я как бык упертый...

- Не только она. Русачка скоро взбесится и начнет кусаться...

Мы, видимо, враз представили, как русачка, взбесившись, кусает Кольку, и развеселились.

Потом мы замолчали.

Считается, что самое беззаботное время жизни человека - детство. Мне, например, в юные годы моя жизнь беззаботной не казалась. Я, наоборот, завидовал взрослым. Они приходили со службы и все свои заботы, как мне казалось, оставляли там до следующего дня, а мы приходили из школы, и над нами висел груз домашнего задания. Завтра в восемь утра уже будут спрашивать, к девяти, а то и к половине девятого уже можно схлопотать двойку, если ничего не делал дома. Двойка - неприятности в школе и дома... и так изо дня в день, ну, никакого житья... Как хорошо, что учебный год подходил к концу!

Прошло несколько дней. Я вечером сел за уроки, открыл дневник, а в строке против «русского» ничего не было записано. Решил спросить у Кольки. Я быстренько пересек двор,

подошел к дверям Колькиного дома и уже было взялся за ручку, чтобы открыть дверь, как услышал раздражающий душу Колькин рев и глухие удары, возню, угрожающий рык отца. Я оцепенел. Страх вперемешку с чувством гадливости и стыда мгновенно охватил меня. Мне показалось, что я присутствую при самом постыдном, унижительном, грязном деле, не только присутствую, но и каким-то образом участвую в нем. Я отскочил от двери и кинулся обратно домой. Понятно, что отец за что-то наказывает Кольку. Что надо натворить, чтобы получить средневековое наказание? Я не представлял, что Колька мог сделать, чтобы разъярить отца до такой степени. Но что бы он ни сделал, так зверски лупить нельзя. Меня трясло от возмущения и бессилия помочь Кольке.

На следующий день Колька в школу не пришел. Про услышанное у двери я Кольке не сказал, у меня просто язык не повернулся. Я потом все время поглядывал на него, может быть, он поделится со мной своим несчастьем, ведь трудно же носить в себе этот мерзкий груз, оскорбляющий твоё человеческое достоинство, но Колька пережил это один.

Время шло, оставалось учиться две - три недели. Настроение было веселее. Хотя впереди были экзамены, но мы уже предвкушали летние каникулы. Что может сравниться с этой порой жизни? Хотелось воли, безделья, такого состояния, когда над тобой не весят школьные заботы, а с наступлением теплых ночей перебраться спать на сеновал. Об уроках думали все меньше. Самым безответственным был урок рисования, а в конце учебного года это было развлечение. Учитель рисования Мирон Миронович был человеком мягким и спокойным. Потом, спустя годы, вспоминая Мирона Мироновича, мне почему-то стало казаться, что внешне он смахивал ни много ни мало на Ван Гога. Такой же художкей овал лица. Такая же рыжеволосость и иногда такой же измученный, печальный взгляд, каким художник изобразил

себя на автопортрете. К нему во время урока без спроса можно было встать и подойти, вертеться за партой, разговаривать – не урок, а блаженство! Этакая школьная богема. Обычно на урок Мирон Миронович приносил какой-нибудь несложный предмет: банку, графин, чайник для заварки и прочую нехитрую утварь. Он на стол ставил стул, на него водворял предмет, чтобы с задних парт было хорошо видно. Мальчишки на этом уроке свободой пользовались, кто как мог.

Некоторым из нас было не до рисования. Пока учитель объяснял, как надо переносить линии предмета на лист бумаги, катали пульки для стрельбы из импровизированных рогаток.

На указательный и большой пальцы цепляешь тонкую резинку. Заряжаешь ее туго скатанной бумажкой пулкой и стреляешь в выбранного тобой противника, тот с удовольствием отвечает тебе тем же. Урок проходит в радости и веселье. В коротких перерывах от главного занятия, что-то там рисуешь для отвода глаз. Особый восторг вызывало, когда появлялась возможность всадить пульку тому, кто находился рядом с учителем, прямо за его спиной, чтобы тот подпрыгнул или завопил, а учитель сделал бы ему замечание, дескать, где ты находишься, на улице или в классе? А еще лучше, чтобы этого ученика выперли из класса за хулиганское поведение. Это происходило, когда Мирон Миронович идет меж рядами, рассматривая наши рисунки.

У нас в классе учился крупный, упитанный мальчишка, сын военнослужащих. Он питался офицерским пайком, поэтому, наверное, был в теле. Нашей стрельбой не занимался, сидел и добросовестно рисовал. Кольке, видно, захотелось пощекотать его, когда Мирон Миронович стоял рядом. Учитель приближался к парте упитанного мальчишки. Он уже стоял рядом, к мальчишке спиной. Пока Колька собирался, Мирон Миронович повернулся к нему, посмотрел на рисунок, взял карандаш и, наклонившись, стал что-то

поправлять. Мальчишка сидел прямо, загоразивая голову учителя своим массивным телом. Колька, видимо, целил в жирненькую шею парнишки. В момент выстрела учитель поднял голову, а мальчик, как на грех, наклонился.

Пулька пролетела над мальчишечьей головой и вонзилась в голову Мирона Мироновича, чуть выше его уха. Выстрел, видимо, был удачный. Мирон Миронович от неожиданности и боли мгновенно покраснел. На его лбу, носу, верхней губе высыпали маленькие капельки пота. Колька наклонил голову, делая вид, что рисует.

– Кто?! – заорал учитель.

Мы еще ни разу не видели его в таком свирепом состоянии. Впервые на уроке рисования в классе повисла гробовая тишина, придавившая нас к своим местам. Учитель глянул в ту сторону, откуда могла прилететь пулька. В этой тягостной тишине из-за парты поднялся Колька. Он стоял, глядя на листок, лежащий перед ним, не смея посмотреть на Мирона Мироновича.

– Во-о-он! – проревел учитель.

Колька вышел из класса, но тягучее напряжение не спало, оно висело над нашими головами, как вестник большой беды. Все наши веселье улетучилось в долю секунды. Мирон Миронович вернулся к столу, стал складывать в папку свои бумаги. Урок должен был вот-вот закончиться. После этого урока Кольку вызвали в учительскую. Он вернулся оттуда подавленный. Я подошел к нему.

– Ну, что?

Колька безнадежно махнул рукой.

– Отца вызвали в школу по телефону, – сказал он упавшим голосом.

– Ты бы попросил Марию Романовну, чтобы она не вызывала, пообещал, что, мол, такого никогда больше не случится.

Колька через силу выдавил:

– Я просил, но она сказала: «Твой отец никогда не бывает в школе, даже на родительских собраниях, пусть хоть по этому поводу появится».

*Мир
чужой*

Он собрал учебники и ушел из школы, не дожидаясь меня.

Единственный раз мне хотелось, чтобы этот хулиганский поступок случился со мной. Я понимал, чем это кончится для Кольки...

На другой день Колька в школу не пришел. Мне неудобно было к ним заходить, поскольку я считал себя соучастником этого безобразия. Утром следующего дня я следил, когда мачеха и отец Кольки уйдут на работу. Как только они скрылись за калиткой, я заскочил к нему.

Из прихожей я увидел, что Колька лежал в кухне на большом крашенном сундуке. В ногах была приставлена табуретка. Под ним был старенький овчинный полушубок и подушка. Я понял, что это и есть его постель. Вид у него был ужасный, будто он перенес тяжелую болезнь и теперь выкарабкивается из этого состояния. Глаза провалились и стали еще больше, прямо как у телят. В комнате под столом в куклы играли Вика и Лидка. Кровать взрослых была не убрана. Ватное одеяло, подушки торчали комками, на полу валялись перевернутые тапочки, чьи-то носки, под кроватью зиял яркосиний ночной горшок.

- Как ты?

- Ничего, - он попытался улыбнуться. - Сегодня в школу не пойду, просто не хочу.

Видно было, что общаться ему ни с кем не хочется. Он мне махнул рукой, мол, ладно, иди, потом поговорим. Я вышел, не в силах осмыслить поведение отца, который может забить до смерти своего сына. Комок стоял в горле. Что сказала Мария Романовна Колькиному отцу? Безусловно, она возмутилась этим поступком. А мне тогда казалось, что не надо бы сбрасывать со счетов, что Колька не специально засадил учителю пулькой в голову, а это у него получилось помимо его воли, так сказать, стечение обстоятельств. Но там было не до оттенков, такого в нашей школе еще не бывало, чтобы кто-нибудь саданул учителю в лоб из рогатки. Видимо, Мария Романовна

еще вкатила и самому отцу за его наплевательное отношение к Кольке, что он никогда не бывает на собраниях, не смотрит, в чем его сын посещает школу, в общем, нашла что сказать. Отец расвирепел до крайности и все свое раздражение за сына и за себя выместил на Колькиной спине.

Если бы Мария Романовна знала, что отец Кольки так поступает с ним, я уверен, что об этом деле он никогда бы не узнал. Она и сама была в силах навести в классе порядок. С нами-то она поговорила так, что теперь до окончания десятилетки никто из нас эти резинки и в руки не возьмет.

Колька появился в школе тихо, как чужой, прошел на свое место. В классе его как будто и не было. Он не поднимал руки даже на математике, вел себя как-то отстраненно. Тут начались контрольные, повторение пройденных материалов, опросов почти не было. Я за эти дни ни разу не слышал от него ни единой высказанной обиды. Он все снес молча, по-взрослому, это касалось только его.

Учебный год был завершен. По математике у Кольки была пятерка, по русскому едва-едва тройка. Русачка взяла Колькин учебник русского языка, красным карандашом отметила упражнения и параграфы, которые он должен был повторить за лето. Отдавая ему учебник, сказала:

- Тебе, Шадрин, надо за лето прочесть. Не ленись, потом мне спасибо скажешь.

Я стоял рядом с Колькой и слушал наставления русачки.

- Тебе тоже не мешало бы выполнить эти упражнения, - обратилась она ко мне, - недалеко от Шадрина ушел, вот и позанимайтесь вместе.

Наступили летние каникулы. Колька приспособился бывать с нашей ватагой вместе со своими девчонками. Он их не ругал и не шпынял, скажет им вполголоса, они безоговорочно слушаются, не лезут к нему с просьбами и жалобами, займутся своими делами. Например, мы играем в лапту, а девчонки где-нибудь рядом на траве

между собой тоже играют в свои игрушки. Когда начались купания, там вообще было все просто. Девчонки купались около нас на мелководье или просто бродили у берега, забавляясь на причальных к берегу бревнах. Казалось, что жизнь у Кольки идет нормально. Он никогда не жаловался и не хныкал, наверно, кроме меня, никто и не знал, что Кольке зверски влетает от отца. И вот однажды, наверно, после очередной взбучки, он исчез. Отец и мачеха всполошились.

Отец бегал по всей родне, узнавал, не спрятался ли Колька у кого-нибудь из них, но его нигде не было. Я ума не мог приложить, где он мог быть. Наше село небольшое, долго прятаться невозможно. Меня немного обидело, что Колька не поделился со мной своим «замыслом». Я бы никогда его не выдал.

Через какое-то время Колькиному отцу из деревни от двоюродной сестры Колькиной матери пришло письмо. Она сообщила, что Колька находится у нее, с ним все в порядке. Письмо шло долго. Тогда почту из низовья летом возили вьючными лошадьми, а зимой санным путем по Ангаре. Мне показалось, что Колька и не думает о возвращении. Надеется, что путь за несколько ангарских порогов сложный и вряд ли отец захочет мотаться по этому дикому бездорожью.

Мачехе же Колька был нужен. Надо было кому-то водиться с девчонками, тем более что 1 сентября Вика должна пойти в первый класс, кто-то должен с ней заниматься. Отец все-таки нашел возможность и привез беглеца. По приезде я целую неделю Кольку не видел, гулять ему было запрещено. Вика и Лидка гостили у бабушки.

Наконец, Колька после домашнего заключения появился во дворе. Мне показалось, что за это время он подрос, его засаленные штаны стали ему маловаты. Из-под коротких штанин торчали крепкие босые ноги, не мытые, видимо, в это лето ни разу. Я встретился с Колькой с искренней радостью. Я даже

по нему соскучился. Мы тут же решили побежать на речку.

Прибежали, разделись... и я увидел на Колькиной спине широкие темно-малиновые отпечатки, следы отцовского воспитания. Кроваподтеки были хаотично разбросаны по всей спине от лопаток до ягодич. Я сразу все понял.

- Колька, что это? - вырвалось у меня.

Его глаза наполнились слезами. Он отвернулся.

- Отец отлушцевал за побег.

- Он что, сдурел? Так ведь можно калекой сделать.

- Да это все мачеха... Эта кикимора его науськивает, а он как войдет в раж, лупит почем зря. Она сядет на кровать и смотрит, как он меня охаживает.

Раньше-то он стегал меня ремнем со своих штанов. Она стала зудеть: «Что ему этот ремешок, как оладушки, есть же ремень...» Вот он и взялся за широкий ремень от гимнастерки. Ремнина тяжелый, а этот раз еще и пряжкой попадало... думал, сдохну. Девчонки даже заплакали и стали просить, чтобы он остановился...

У меня голова шла кругом. Я представил себе, как этот здоровенный мужик сворачивает Кольку в бараний рог и упражняется на его спине, пока не устанет. Колька кричит, корчась от боли, а этому, с позволения сказать, папаше плевать на Колькины муки. Боже, в каком аду живет Колька. Разве за ангарские пороги надо убегать? Бежать надо куда глаза глядят.

- Колька, это же садизм.

- Что это такое? - он уставился на меня, глаза были полны какой-то безысходной тоски.

- Это... жестокое отношение к живому существу... Они не имеют права истязать человека. Ну, поддать по заднице пару раз или подзатыльник, и то обидно. Мама меня вчера, например, полотенцем огрела, а так...

- Я же его сын.

- Ну и что, что сын. Ты же человек... я знаю, что надо делать.

Мир
предан

- Что? - он опять тоскливо посмотрел на меня.

- Надо пойти и рассказать Марии Романовне, что, мол, так и так.

- Ты что, обалдел? Он потом придет домой, своей стерве расскажет, а она его опять на меня науськает, мол, мало тогда ему всыпал. Нет уж, мне и этих побоев невпроворот.

- Ну и дурак! Вот сейчас пойти к Марии Романовне и показать ей твою спину. Этого вполне достаточно, чтобы она поговорила с твоим отцом и мачехой. Они забудут, где у них висит широкий да и узкий ремень. Вон, Витьку Киселева отец избивал, а Мария Романовна каким-то образом узнала. Я слышал собственными ушами, как она в учительской отчитывала Витькиного отца. Я пришел после четвертого урока за керосиновой лампой, чтобы отнести ее в класс. Дверь в учительскую была приоткрыта. Смотрю, ко мне спиной стоит Витькин отец, в одной руке держит свою шапку и мнет ее. Видно, стыдно ему было. Я не знаю, что до этого она ему говорила, а тут слышу: «Если вы еще раз позволите себе изтязать ребенка, вы будете отвечать на бюро райкома партии. Вот перед вами, - она показала рукой на Алексея Проккопьевича, - член райкома. Он позаботится, чтобы вас там выслушали. Не смею более вас задерживать. До свидания». Витькин отец, уходя из школы, сбегал по лестнице через две ступеньки. Понял?

- Понял, но я не могу жаловаться на своего отца.

- Значит, пусть они тебя убивают?

Колька молчал, потом вяло махнул рукой.

- Давай искупаемся, - предложил он.

Мы неторопливо забрели, проплыли немного и вышли из воды. Колька подгреб к своей груди кучку теплого песка, положил на него подбородок и закрыл глаза. Было начало августа...

- Колька, а твой отец всегда к тебе так относился?

- После смерти мамы я жил у тети Паши, там пошел в школу. Когда родилась Вика и стала уже ходить, отец забрал меня водиться с ней. Сначала вроде ничего, а потом мачеха начала меня замечать и началось...

- О чем они с тобой говорят?

- Ни о чем.

- Ну, что-то же говорят? - недоумевал я.

- Например, мачеха нальет тарелку супа и отцу скажет: «Пусть ест». Отец мне говорит: «Иди ешь». Или мачеха распорядится: «Пусть наколет дров и наносит в ушат воды». Отец мне приказывает: «Наколи дров и наноси воды».

- Сама она к тебе не обращается?

- Иногда обращается, - ответил Колька, а потом вдруг выпалил, - она идиотка, дура и ненормальная.

- Ха-а-а - закатился я.

Колька открыл глаза.

- Ты че?

- Идиотка, дура и ненормальная - это одно и то же...

Мы засмеялись вместе.

- Ты знаешь, когда впервые ее увидел, - поделился я, - мне почему-то показалось, что она смахивает на клопа.

- Ты угадал, в ней что-то есть от кровопийцы. Если начинает яриться, ее лицо сразу становится красным... а я-то думал, на кого она похожа?

- Колька, они учебой твоей интересуются?

- Да ты што... Им хоть совсем не учись.

- Они не знают, что ты лучший по математике в школе? - удивился я.

- Откуда... плевать им на эту математику. Вот если в школе пожалуются, что у меня двойка, изобьют.

- Ну, сволочи... Ты знаешь, иногда не верится, что такие людишки вообще существуют. Я, например, в своей жизни такую погань вижу впервые.

Колька криво усмехнулся:

- Много ли ты живешь?

- Да уж порядочно... четырнадцатый год.

Мы опять засмеялись.

- Колька, лето-то проходит, а мы с тобой задание русачки так и не сделали, все из-зи твоего побега... Я смотрел, там работы, если не сильно себя утруждать, дней на десять, не больше. По два упражнения в день. Читаем параграф и к нему упражнение, его надо выполнять как диктант. Один раз диктуешь ты, а другой я, по очереди. Понял?

- Но.

- Колька, ты опять за свое «но»...

- Ха-а-а - закатился Колька, - грамотей нашелся. Сам все время говорит «ну», «ну», а меня учит.

- Я-то хоть «нукаю», а ты вообще «нокаешь».

- Теперь я буду говорить только «да», - и Колька скорчил рожу примерного ученика. А я сказал:

- Не начинай резко. Если ты первого сентября русачке скажешь вместо своего обычного «но» «да», ей может стать плохо.

Тут я вспомнил, что русачка еще задавала на лето что-то прочесть.

- Колька, ты что-нибудь читаешь?

- Нет. Статью одну прочитал... давно.

- Какую статью?

- Помнишь, нам Мария Романовна рассказывала про французского математика?

- А... Про Галуа?

Колька, наверное, хотел мне ответить своим излюбленным «но». Наши взгляды встретились. Он опять скорчил рожу примерного ученика и протянул:

- Да, - потом продолжил, - мне захотелось узнать о нем, я зашел в районную библиотеку. Зайти-то зашел, а как там действовать, не знаю. Библиотекарьша сама спросила, мол, чего хочешь? Я ей сказал: «Биографию Галуа», а имя-то его забыл. Она посмотрела: «У нас такой биографии нет». Я, было, пошел, а она говорит: «Подожди, я, по-моему, видела о нем статью в журнале «Наука и жизнь». Пошла и принесла. «Читай только здесь». Я сел и прочитал.

- Интересно?

- Не очень. Он больше занимался революцией, против короля. Башка-то у него, видно, варила! Я там прочитал, что дуэль-то эта была убийством. Он в письме своему брату так и написал: «Прости тех, кто завтра меня убьет». А ты, небось, тоже лето проносился, как Савраска? - спросил он меня.

- Ну, да, - признался я, - купались несчетное количество раз в день, рыбачили, несколько раз ходили с ночевкой. Бурундуков на петельку ловили... во потеха была! Потом как-то ныряли с пристани, смотрю - Мария Романовна идет. Она билеты на паром брала в кассе, в город всей семьей собрались. Спросила, как лето провожу, что читаю. Я признался, что ничего, а она говорит: «Пойдем». Пришли к ним, она стала приглашать меня чай пить, я, говорит, сегодня пирожки пекла с картошкой и грибами, кое-как отказался. Мария Романовна дала мне книжку «Два капитана» и сказала, что в сентябре спросит, как она выразилась, с «пристрастием». Вот, думаю, нарвался. Пошел на сеновал, завалился, надо же хоть посмотреть, о чем там речь. Начал читать и, знаешь, оторваться не мог... Колька... Там такая интересная история! Ты обязательно прочти. Теперь я стал думать, что, наверное, тоже летчиком стану и попрошусь работать в Арктику... А ты кем хочешь стать?

- Я? - Колька секунду подумал и неожиданно ответил: - Киномехаником.

- Почему киномехаником? - я вопросительно смотрел на него.

- Сколько фильмов пропустил. Отец денег на кино дает редко, а тут я сам буду показывать и заодно смотреть. Сколько хочу, столько и смотрю...

Меня Колькин ответ почему-то сбил с толку и с заоблачных высот опустил на землю.

- А ты мать свою помнишь?

Колька задумался и грустно ответил:

- Плохо, какими-то кусочками. Теперь уж думаю, что, может быть, я это видел во сне.

Мне нрав...

– А как звали твою маму?

– Евдокией... Евдокией Михайловной. Мама одна из всех женщин нашей деревни, своих годков, окончила курсы счетоводов и работала в контроле, а не на ферме. Потом заболела. Она болела месяца два и умерла. Тетя Паша, к которой я сбегал, была с ней в ту ночь, в ее последние часы и минуты.

– Паша, Павел – это же мужское имя.

– Не знаю, как правильно, вообще-то она Прасковья Макарова, все зовут ее по-простому тетя Паша.

– А отца что, не было?

– Тогда уже не было... он же от матери ушел. Мне тетя Паша в этот раз рассказывала. Ты теперь, говорит, большой стал, надо знать, что к чему. Может, мы с тобой боьше не увидимся, кто тебе расскажет? И рассказала...

Твой отец, говорит, пришел после войны домой, все честь по чести. Он служил на Востоке и в боях не участвовал. Слава Богу, обошлось. В деревне оставаться он не захотел, хотя из колхоза уйти тогда было трудно. У него друг работал в райисполкоме, посодействовал ему попасть на годичные курсы землеустроителем. Отец твой уехал в город учиться, а Евдокия осталась в деревне. Сначала шли письма, а потом писать стал редко. Видать, он там где-то и снюхался с твоей мачехой. Сразу после учебы его взяли на работу в райисполком. Он в деревне даже не появился. Они же жили не зарегистрированно, а так... Евдокия-то переживала... ей иногда по вечерам казалось, что кто-то стучит в закрытые ставни. Выскочит, а там никого...

У нас в соседней деревне жила бабка Махоня, царствие ей небесное, ворожила на картах она, как в воду глядела. В войну к ней ездили даже издалека. Бросит карты и сразу скажет, живой аль нет... Поехали мы к ней. Она Евдокии бросила на червового короля, стало быть, на молодого мужчину, отец-то у тебя молодой. Сначала ему выпала шестерка пиковая – это дальняя дорога. Отец твой на самом деле уехал. Потом дама пик с тузом

пиковым, острым концом знака вниз. Это означает неприятность, жизненный удар. Потом бабка карты собрала, перетасовала и разложила снова на червовую даму. Выпал валет пиковый. Бабка сказала, что это пустые хлопоты, мол, что не делай все напрасно...

После этого Евдокия все-таки написала ему прямо на работу, хотя слухи доходили, что у него уже кто-то есть. Он ответил, дескать, не жди, не вернусь. Дусю это так шибануло, как травинку заморозком обдало, свернуло ее прямо на глазах. Может, через это она и заболела... а ведь молодая была, правда, характером мягким, никогда из вредности не перечила. А сколько он ее сватал... и так, и сяк, а вот, поди ж ты, бросил... Так что бабкина ворожба сбылась... как есть сбылась.

Наверное, твоя мачеха похарактернее Дуси... Тут как судить? После войны были нарасхват... Повыбило их на фронтах. Вот бабы и рвали дружка у дружки... кто смел, тот и съел...

Умирала она тяжело о..ё..ё... Вечером мне говорит: «Не уходи, я, наверно, скоро помру». Говорят же, что люди иногда чувствуют конец своей жизни. Может быть, и Дуся тоже поняла свой край. Ей воздуха все время не хватало, задыхалась она. Лежать не могла. Я ей подушку под спину подложила, но все равно ее душило... Ночью кровь пошла горлом, и все... Как какое-то проклятье на нее навалилось... Сгорела разом, как лучинка смолевая...

Мы лежали на песке и молчали. Было грустно и от прошлого, и от настоящего.

Спустя какое-то время возвратились во двор. Кольке надолго от дома отлучаться было нельзя. Задание ручачки мы все-таки решили сделать. Поставили детский столик на сеновале, где я спал, и там каждый день занимались. Нас это никак не обременяло, к одиннадцати часам, а то и раньше, мы были уже свободны. К приезду девочек у нас все было сделано.

Подступила осень с мягкой прохладой, с заметными переменами. Теперь подолгу не просыхали лужи.

Хозяйки убирались в огородах, только астры на цветной клумбе бабушки стояли безбоязненно и бодро, радуя своей неброской красотой. Начался новый учебный год. Первые школьные дни прошли словно праздник. Парты, полы в коридорах и классах пахли только что высохшей краской. Учителя улыбочивые, в классных журналах еще не единой двойки. Все наши муки и печали были впереди, а казалось, что их вовсе не будет. В один из осенних дней я зашел к Кольке домой. Отец и мачеха были на работе, Вика в школе, а Лидка гуляла во дворе. Он сидел перед окном и что-то вычислял.

- Что это? - поинтересовался я.

- Вот смотри, - он карандашом показал в окно.

За окном в двухстах метрах от дома был берег реки, за рекой на противоположной стороне вздымалась гора, по ней, в нижней ее части, было проложено железнодорожное полотно, по которому время от времени, не торопясь, тащились товарники, груженные лесом. Вдоль полотна тянулись столбы с натянутыми проводами.

- Вон от той одинокой сосны до трубы, проложенной под железнодорожным путем, один километр.

- Откуда ты знаешь?

- От верблюда. Между столбами тридцать пять метров... посчитай.

- Как ты узнал, что тридцать пять?

- Это стандарт.

- Понятно.

- Я засек время прохождения состава и получилось, что здесь паровоз тащит состав со скоростью 14-16 километров в час. Эта скорость, с которой мы бегаем. Быстрее груженный состав здесь идти не может. Тут паровоз только что сошел с моста, там скорость ограничена и почти сразу начинается подъемник...

- Зачем тебе эта мутота? Скорость, подъемник... Ты что, в машинисты хочешь податься?

- Нет, в машинисты не хочу. Я хочу на одном из этих составов уехать...

- Опять? Куда?.

Меня как будто ушатом воды облили.

- Колька, тебя поймают, и на этот раз он тебя убьет или сделает калекой. Вон, полено схватит и зашибет... Тебе это надо?

- На этот раз им меня не видать как собственных ушей.

Вид у Кольки был решительный и уверенный. Я беспомощно опустился на стул. Что ему сказать?

- Колька, ты что, думаешь, это так просто? Далеко «зайцем» ты не уедешь. Это не в деревню убежать. Железнодорожные мильтоны ловили и не таких, как ты, у них глаз наметан. Тебя засекут вмиг.

- «Зайцем» на товарнике я доеду только до Заярска, и все, здесь каво ехать? На разъездах и полустанках никакой милиции нет, а дальше куплю билет в общий вагон. Он стоит ерунду.

- На что ты купишь... на что?

Я смотрел на него с искренним непониманием, как на человека, затеявшего абсурдную авантюру.

- Я у мачехи ворую деньги, уже украд девяносто семь рублей из магазинной выручки.

Я лишился дара речи. Он что, совсем спятил?

- Колька, воровать подло, даже у нее. Ведь будет недостача, с этим не шутят, это же тюрьма.

- Никакой недостачи не будет. Она сахар со склада получает сухой, а продает его влажным.

- Каким образом?

- Очень простым. Она в ведре смачивает порошковые мешки и прикрывает ими на ночь мешки с сахаром. Я сам это видел. Сахар втягивает влагу и становится тяжелее.

У меня не было больше аргументов, чтобы остановить Кольку. Я вдруг понял: все, что он задумал, исполнит.

- Колька, послушай. У меня к тебе есть просьба, огромная просьба.

Я пододвинул поближе свой стул, к сидевшему передо мной Кольке.

- Если вдруг тебя разоблачат...

Мне нравятся

- Не разоблачат...

- Подожди ты, можешь помолчать две минуты? Если вдруг тебя разоблачат... например, найдут деньги или застукают во время кражи. Ты должен понимать, что тебе каюк... Все, кранты... Так вот, сразу же выскакивай из дома, в чем есть, и беги к Марии Романовне. Не вздумай бежать к нам. У нас, тебя возьмут, как пить дать... Беги к Марии Романовне и рассказывай все на чистоту: про побои, про мачеху - стерву, про то, что было после урока рисования, почему два дня не ходил в школу и убегал в деревню, про воровство денег и желание снова убежать. Не ври и не мухлюй... Тебе больше никто не поможет, кроме Марии Романовны. Никто. Они пожалеют, что когда-то прикоснулись к тебе. Ты понял меня? Я тебя спрашиваю, ты понял?..

- Понял. - Колька с серьезным выражением лица кивнул мне.

- Обещаешь что сразу, без всяких выяснений, оправданий, слов и прочего, выскочишь из дома и удерешь к Марии Романовне?

- Обещаю.

- Все, договорились! Если ты этого не сделаешь, это сделаю я. Просто боюсь, что будет поздно.

Мы сидели и молчали. Не знаю, о чем думал Колька, а я думал о том, понимает ли он в полной мере, чем все это для него может обернуться.

- Колька, а как ты ворует деньги? - нарушив молчание, спросил я и посмотрел на него. Он секунду-другую думал. Казалось, что он размышлял о том, каким способом со мной поделиться. Мне от этого стало смешно, но Колька был серьезен.

- Первый раз, на которые мы купили «Гвардейский» шоколад, помнишь?

- Еще бы... ты и те деньги украл?

- Так вот, первый раз было так: мачеха пришла с работы со своей сумкой. Вечером она считает выручку, пишет какие-то бумажки. Деньги запаковывает и сумку убирает в ящик, который стоит в комнате. Она села считать вы-

ручку, а я делал за столом уроки. Через какое-то время Вика стукнула Лидку и та заревела. Мачеха пошла к ним. Я в это время привстал, запустил руку в сумку и вытащил то, что мне попало в руку. Жаль, что мелкими и получилось мало... Оказывается воровать-то страшно.

- Куда ты их спрятал? Ты же не мог выйти из-за стола, было бы подозрительно.

- Я вмиг приподнял клеенку на столе под своей тетрадкой и сунул эти деньги туда, а сам стал продолжать писать в тетради, хотя все буквы ходили ходуном.

- Зачем же ты полез в сумку, ведь тогда ты не собирался бежать?

- Назло.

- Я бы, наверное, не смог... струсил.

Колька, не обращая внимания на мою реплику, продолжал:

- Она вернулась, я тихо-мирно пишу.

- А почему она в кухне-то деньги считает, а не в комнате?

- У нее на плите что-то варилось, и она все время вскакивала посмотреть, вообще-то она это делает в комнате.

- А эти девяносто семь рублей как стырил?

- Это была такая потеха. Как-то я сижу, делаю уроки. На столе лежит мой дневник. Мачеха смотрит, а в нем стоит жирная пятерка, поставленная Марией Романовной, помнишь?

Он посмотрел на меня вопрошающе, я кивнул ему, что помню.

- А перед пятеркой Мария Романовна написала: «Ваш Коля молодец». Мачеха увидела запись красным карандашом, взяла дневник, прочитала и, видно, глазам своим не поверила. Как это я могу быть молодцом? Она меня спрашивает: «По какому это?». Я ей говорю: «По математике». «Ты что, так хорошо считаешь?». Я говорю: «Хорошо». Через несколько дней мачеха говорит мне: «Сосчитай мне выручку». Помнишь, Мария Романовна говорила, что некоторые люди думают, что математика нужна только для того, чтобы в

магазине сдачу считать, вот мачеха из таких. Я сел, все сосчитал, на бумажку ей записал. Потом она еще несколько раз заставляла меня считать выручку, а я, не будь дураком, помаленьку, раза за три, стырил деньги. Так постепенно, я думаю, на побег себе наберу, другого выхода у меня нет.

- А что ты в городе собираешься делать? - снова спросил я.

- Я прочитал в отцовской газете статью, называется «Рабочая смена». Там рассказывается о ремесленном училище. В нем одевают, кормят и учат два года. Даже названы мастера прямо по фамилиям и где оно находится, все подробно. Я эту газету сохранил. Потом выпускников распределяют по заводам, дают общежитие... Что, плохо?

- Совсем неплохо, просто здорово! Когда ты хочешь рвануть?

- Все дело в деньгах, без них меня поймут сходу, да и холода приближаются, а я хочу наверняка. Надо скопить хотя бы рублей пятьсот - шестьсот...

Я схватился за голову. Ничего себе у Кольки масштабы! Это же месячный заработок взрослого человека! Для нас тогда это были непомерные деньги. Больше двух - трех рублей в моем кармане никогда не бывало.

- Колька, послушай меня. Пока ты доберешься до Заярска, будешь похож на чушку. Роба будет чернее сажи. Как только ты покажешься на Заярском вокзале, тебя по этой робе и определят, что ты курсируешь по товарнякам.

Колька с удивлением смотрел на меня, мол, ты-то откуда это знаешь. Сразу было видно, что он об этом не подумал.

- Я видел в художественном фильме. Там один пацаненок во время Гражданской войны ездил в песочном ящике под вагоном. Милиционеры сразу по его чумазой рожице определили и забрали в детский дом. Я думаю, тебе надо в Заярске, прежде всего, зайти в общественный туалет, там вымыть с мылом лицо, шею, уши, чтобы никаких подозрений не вызывать, а уж потом идти к кассе за билетом. Зайдешь

в вокзал, не шнырь глазами в поисках дежурного, не оглядывайся, иди к кассе спокойно и уверенно. Начнешь косяки бросать, туда, сюда, сразу будет заметно, что ты чего-то боишься. купишь билет, смойся из помещения вокзала, на всякий случай. Можно до посадки посидеть в укромном месте... А ты можешь в побег надеть телогрейку мачехи?

- Могу, но не хочу, пошла она...

- Ну и дурак. В мачехиной телогрейке меньше подозрения, она у нее новенькая, не то, что у тебя.

- А вообще, ты прав. Можно и мачехину...

Так мы обсуждали детали Колькиного побега, стараясь ничего не пропустить.

Однажды проснувшись, я увидел нашу комнату необычно светлой. Я встал, подошел к окну. Снег белым полувоздушным пирогом обволок землю до самого горизонта. Он украсил собой каждый предмет, попавший на его пути. Даже бельевую веревку и висящие на ней прищепки принарядил белыми кокошниками. Я понимал, что этот красивый гость на день - два и растает. Так уж получилось, что зимой мы ждали лета как манны небесной, а осенью - зиму. Скорее бы выпал снег, скорее бы нацепить на валенки лыжи или снегурки. Но наши зимние забавы начинались не с лыж и снегурок, они начинались с заберег.

В конце октября появлялся лед у самого берега. Он ширился до пяти - семи метров. Цельного снежного покрова на берегу еще нет, а этот начальный лед был источником первой зимней радости. После уроков ребята бежали на реку кататься по этим заберегам. Лед как стеклышко, иногда под ногами потрескивал, но держал наш бараний вес. С каждым днем забереги увеличивались, и через какое-то время наша протока одевалась новеньким, как с иголочки, льдом. Катайся хоть до упаду! Мы знали, что этот каток закроется до следующего года. Пока лед был тонким и прозрачным, ребята по старше

Мир и правда

ездили на коньках вдоль берегов с топорами на плечах глушить рыбу.

Едешь медленно, внимательно разглядывая прибрежное мелководье. Почему-то около берегов в тихих местах кое-где стояли довольно крупные экземпляры налимов. Рыбу увидеть не просто. Иногда спинка налима сливается с цветом дна реки. Если увидел добычу, не зевай, обухом топора со всего плеча лупи по льду, стараясь нанести удар над головой рыбы. Пока оглушенная рыба не в состоянии уйти, быстро вырубаешь прямоугольную прорубь, выбрасываешь лед, рыба сама всплывает в твои руки. Такая охота-рыбалка длится недолго, пока лед тонкий и прозрачный, до первой пороши.

Я сказал Кольке:

- Завтра воскресенье, чем без пути кататься, давай поедem глушить рыбу, а то снег повалит и все пропало. Тебя отпустят?

- Не знаю. Да у меня и коньков-то нет, на чем я поеду?

- Коньки у меня есть, только без ремней.

- У отца сыромятина в кладовке висит, можно нарезать, - загорелся Колька.

- Он тебе за эту сыромятину так нарежет... и на охоту не отпустит. Не надо у него ничего брать, найдем что-нибудь. Ты только обязательно у него спросись.

Вечером Колька прибежал сообщить, что его отпускают. Мы все организовали лучшим образом, наточили «дутики», в воскресенье отправились на охоту. Мы катились через протоку к острову.

- Ну, что мачеха сказала, когда ты попросился на охоту?

- Ничего хорошего, - ответил Колька, - «только обутки рвать этими коньками, да еще чего доброго провалится, охотник», - процитировал Колька и отмахнулся от ее слов, мол, слушать эту дуру, только время зря тратить, и спросил:

- Лучше скажи, как будем действовать?

- Давай так, - предложил я, - ты поезжай первый, только медленно, а я за тобой метрах в пяти - шести. Сильно коньками не скреби, отталкивайся плавно, если вдруг заметишь рыбину, но будет уже поздно, не тормози и не разворачивайся, покажи мне рукой и проезжай дальше. Понял?

- Понял.

- Поехали!

Мы проехали довольно много без всякого результата, и вдруг Колька, объезжая затонувшую корягу у самого берега, сходу треснул обухом по льду. Мы быстро вырубили прорубь и вытащили прекрасного налима, наверно, около килограмма весом. Потом рыбины уходили, каждый раз казалось, что они-то самые большие. Все-таки под конец нашей охоты опять подфартило Кольке. Мы вернулись не с пустыми руками.

На следующее воскресенье мы загадали поехать к дальнему острову, где мало кто бывал. Но сначала недели зарядил снег, и я понял, что охоты больше не будет.

Колька о побеге как будто забыл. После летнего разговора он ни разу со мной об этом не заговорил. Я не лез к нему с вопросами. В школе Колька по-прежнему удивлял Марию Романовну и всех нас своими математическими способностями.

На олимпиаду Колька, к сожалению, не поехал. В середине января ударили крещенские морозы. Воздух стал неподвижен, все в природе приостановилось, застыло, как будто холод не давал ничему шевелиться. Только из печных труб тянулись высокие белые столбы дымов, не нарушая своей стройности. Дальние дома, заплоты проулков тонули в студеной серости размытыми очертаниями. Холод навалился на крыши, ставни и двери домов, может, поэтому люди неохотно их открывали. На улице почти не было прохожих. Все повисло в тихом оконеченшем пространстве. Сельский радиоузел каждое утро извещал об отмене занятий в школе. Нас никакой мороз дома удержать не мог. Колька время от

времени тоже бегал с нами по этому холоду в своей никудышной телогрейке и простудился. Он схватил воспаление среднего уха. Вместо Кольки на олимпиаду поехал Серега Перфильев. Он учился хорошо по всем предметам и по математике тоже, но он был всегo-навсего отличник. Из него Галуа бы не получился. Колькиного полета в нем не было. Когда наши ребята с Марией Романовной были в городе, Колька таскался в амбулаторию на уколы. Ему столько их вкатили, что больно было сидеть.

Я думаю, что Кольке зимой время от времени попадало от отца, может не в такой степени, как за урок рисования. Он мужественно переживал эту зиму, мечтая о предстоящей свободе. Колька выкрал и показал мне свои метрики. Они и украденные деньги лежали в надежном месте, о котором никто не знал. Правда, я не спрашивал, какая разница, где это спрятано?

Пришла весна. Колька хотел убежать именно весной, пока стоял на реке лед, по которому можно незамеченным уйти на противоположный берег к железнодорожному полотну. Зимой ехать на товарняке гиблое дело - околеченешь. Летом надо было обязательно ехать на станцию. Добраться туда незасвеченным было невозможно. Тут все друг друга знали, обязательно бы встретились знакомые. Когда бы пошел шумок о Колькином исчезновении, сразу бы сообщили, что его видели на станции или по дороге к ней. Колька хотел уйти без свидетелей, чтобы никто не знал, в каком направлении вести поиск.

На какой день Колька назначил побег, я не знал. Думаю, конкретного числа он не намечал. Просто выбирал удобное время. Надо было торопиться, потому что лед на реке уже начал темнеть. У берега, где особо припекало из-за близости земли, лед становился игольчатым, начинал сыпаться.

В тот день я был дежурным в классе. Мы учились со второй смены. Дежурный, как обычно, приходит в класс чуть раньше. Надо приготовить доску,

собрать, если есть на полу, бумажки, отполоскать тряпку, принести мел. На первый урок Колька не явился, и я сразу подумал, что он ушел. Не опоздал, не заболел, а ушел. Я ни о чем думать не мог, кроме Кольки. Что говорили учителя, что мы писали, я не знаю. В голове все время «тукала» мысль: «Где сейчас Колька?».

Примерно с трех, т.е. с пятнадцати до восемнадцати часов по железнодорожному полотну проходило два состава. На один из них Колька должен заскочить. После второго и третьего уроков я бегал к учительской, где висели старинные стенные часы с боем, смотреть время. Что это могло мне дать? Ровным счетом ничего, но я все равно бежал к часам и смотрел на золотистые кружевные стрелки, прикидывая возможное Колькино место нахождения.

Закончились занятия, я шел домой, готовый услышать «новость», которая для меня таковой не была. Меня же будут спрашивать: «Знал ли ты о Колькином намерении?». И я «честно» должен сказать - нет. Мачеха-то, наверное, больше всего будет переживать об украденной новенькой телогрейке. Если бы она знала, что Колька спер у нее около шестисот рублей, она бы повесилась. А уж если б он попался, то она не сидела бы на кровати и не наблюдала сложа руки, когда отец избивал Кольку. Она помогла бы истязать его собственными руками... Но теперь Колька уже далеко, и в какой стороне его искать, не знал никто, кроме меня.

Вечером Колькин побег был обнаружен. Поднялись шум, беготня. Мачеха опять говорила те же слова, что и в прошлый раз: «Дармоед проклятый. И что ему не живется? Все нервы вымотал, еще телогрейку украл за все-то хорошее...».

К ночи подул сильный ветер, лед на реке стал сизо-черный. Утром я увидел, как, толкаясь и шурша, огромные и небольшие льдины движутся вниз по реке.

Мы побежали смотреть ледоход. День был яркий и ветренный, небо вы-

Мур
чирок

сокое, синее, синее... Вдоль берегов, куда хватало взгляда, лежали вытолкнутые на берег толстые льдины. Я смотрел на противоположный берег, на железнодорожное полотно, и думал о Кольке, который успел, что называется, проскочить под самый занавес и был не досягаем.

Через несколько дней в наш двор пришли двое мужчин из деревни, стоявшей в девяти верстах ниже по течению реки. Они рассказали, что ребяташки, бегая по берегу во время недавнего ледохода, увидели на застрявшей на отмели льдине какой-то предмет. Когда ледоход прошел, спустили лодку и сняли с этой льдины мешок. В нем были две буханки хлеба, шматок сала, маленький складешок, кусочек мыла, несколько конфет и тщательно завернутые в газету метрики на имя Николая Иннокентьевича Шадрина.

Эту ошеломляющую новость я узнал, придя в школу. В первые минуты невозможно было постичь, что Кольки нет на свете. В голове, словно в кипящем котле, клокотало: «Кольки нет, Кольки нет». Что бы я ни делал: умывался, раздевался, ужинал – в голове как молотком било – «Кольки нет». В этот вечер я в кровать лег рано, потому что не знал, куда себя деть. Как это произошло? – в сотый раз спрашивал я себя. Конечно, Колька затянул срок побега. Возможно, ему было тяжело решиться на последний шаг. Это ведь не в кино убежать, надо одному, без всякого жизненного опыта, броситься в заправдашную жизнь. Что та будет? Вот он, наверно, и медлил. Как назло, мы с ним давненько не бывали на реке и не видели, в каком состоянии лед. Весна в тот год поначалу дружно взялась за дело, но потом вдруг отступилась. Похолодало. Это его, по всей вероятности, дезориентировало.

Я знал, как уйдет Колька. Он должен был выйти из нашего двора прямо на берег через заднюю калитку. Здесь маловероятно, что среди дня можно кого-нибудь встретить. Он вышел к реке, пересек часть реки, которая отде-

лялась от основного русла небольшим островком, затем пересек сам островок, и уже за островком его никто не мог увидеть. От этого островка надо было прямо идти к противоположному берегу, где ходили железнодорожные составы. Ширина реки против нашего села была около четырех километров. Через час с небольшим неторопливой ходьбы он должен был одолеть этот ледовый путь.

Где это с ним произошло? Я пытался представить трагический миг. Раз его кулек с продуктами и метриками нашли на льдине, значит, он не сразу обрушился под лед. Иначе бы он ушел вместе с этим кулком. Иди он хотя бы в двух – трех метрах в стороне от этого места, скорее всего, прошел бы благополучно.

Он, видимо, сначала провалился по пояс или по грудь. Провалившись, он отшвырнул кулек в сторону, чтобы его не замочить, ведь там были метрики. Потом стал выкарабкиваться, хвататься руками за скользкую кромку образовавшейся дыры или пытался на локтях опереться на край полыньи, но и край оказался непрочным, лед, не выдержав, осыпался. Течение тут же затянуло Кольку под лед...

Может быть, это происходило, когда я бегал на переменах смотреть на часы, пытаясь определить по времени, где сейчас Колька. А он, возможно, в это самое время погибал в полынье и кричал, кричал... Я представил его отчаянные глаза, кричащий рот... Наверно, все произошло в несколько секунд, но и они были бесконечно длинные и страшные...

Колька провалился, это слово «провалился» витало около меня, жило в моем сознании. Оно беспокоило меня и, как мне казалось, было связано с Колькой до этой жуткой трагедии. И тут в моей памяти всплыл разговор, когда мы катились с ним через протоку глушить рыбу. Я тогда, помнится, спросил: «Что сказала мачеха?». А Колька ответил: «Только обутки рвать этими коньками, да чего доброго провалится, охотник». «Провалится» – вот

откуда это слово... Меня вдруг полоснула мысль, может, это проклятие мачехи?

А болезнь Колькиной матери? Евдокия Михайловна заболела после письма Колькиному отцу. Он наверняка обсуждал это письмо со своей новой подругой, советовался, как ответить или не отвечать вовсе. Может, она и послала Евдокии Михайловне свои проклятия, чтобы навсегда избавиться от нее. Тетя Паша же сказала, что «Евдокию как будто кто-то проклял». Болезнь ни с того ни с сего неожиданно навалилась и задушила Колькину мать. Я лежал и никак не мог прогнать этот бред из головы. Но такое ведь бывает только в сказках... С этими сумасшедшими мыслями я уснул.

На следующий день до начала занятий ко мне подошла Мария Романовна. Ее лицо было потухшим и голос

без той энергии, к которой мы все привыкли.

— Ты знал о его побеге? — тихо, как то по-домашнему спросила она.

Я не мог дальше управлять собой. Слезы, мимо моей воли, текли по щекам. Я помнил, что обещал Кольке рассказать Марии Романовне все без утайки, если он сам этого не сделает. И я рассказал. Когда поднял глаза, поразился выражению ее потемневшего, как будто изувеченного моим рассказом лица. Оно было таким, словно ее жестоко избили. Видно, ничего подобного она услышать не ожидала.

— Почему ты не сказал мне?

Я молчал. Как объяснить? Не мог я без Колькиного согласия пойти и рассказать Марии Романовне, как ему живется у отца и мачехи... Мне тогда искренне верилось, что только побег спасет беззащитного Кольку...

Галерея

Александра Мартынова

Родилась в Ангарске. В 2000 г. окончила ИГЛУ, факультет филологии. Затем, в 2002 г., – Иркутское художественное училище по специальности «Графический дизайн». Член молодежной секции Союза художников России. Принимала участие в международном фестивале современного искусства, в выставке «Третий глаз», а также в других городских и областных художественных выставках. Сейчас работает дизайнером в одной из ведущих иркутских типографий. Член творческого объединения М'АРТ. Живет в Иркутске.

По дорогам вдохновения

Ее мир – это мир графики, сотканный из собственных наблюдений и переживаний.

В листах Александры Мартыновой присутствуют гармония и цельность, это целый мир, вмещающий в себя представление о цвете, форме и пространстве. Ее листы тонки и лиричны, в своих работах она тяготеет к образному высказыванию, комбинируя многослойную композицию и технику.

Пространство в ее работах плоскостно, но глубока и таинственна фактура, в ней свои законы и свои измерения. В работах Александры можно увидеть и переплетение линий растений, и вековое спокойствие Хубсугула, но больше всего в работах – внутренней художественной жизни, которая превращает ее в самостоятельное, существующее явление.

Умело используя реалистические средства, она создает вымышленную вселенную, в которой узнаваемые реалии – будь то большие листья лопуха, сидящий в траве кот или таинственные рыбы – предстают перед нами в преображенном виде, превращаются в некий обобщенный символ.

Еще более камерное и душевное начало в работах Александры отличают изображения ближайшего окружения, домашнего обитания, полноправные герои которых – и члены семьи, и кошки. Они служат постоянным, неиссякаемым источником вдохновения для автора. Все «домашние» работы распахнуты вовне, втягивая одновременно в свой духовный микрокосмос ближайшее окружение. Вернее назвать их художественными вселенными, ибо они, отображая реальные события, создают новый образный мир в соответствии с эстетическими и этическими идеалами самой художницы.

Одно из самых главных достоинств работ Александры Мартыновой – их духовная неисчерпаемость для зрителя, который, погружаясь в глубины созданных и создаваемых автором художественных миров, становится вечным странником по бесконечным дорогам искусства.

Р. Лапшина

А. Мартынова
"Апельсиновая долька", 2006 г.,
52x72 см,
графика,
смешанная техника

А. Мартынова
"Оранжевый", 2006 г.,
50x60 см,
графика,
смешанная техника

А. Мартынов
"Метелица"
50х60 см,
графика,
смешанная

А. Мартынова
"Хрустальное яблоко", 2002 г.,
75х55 см,
графика,
смешанная техника

Вера Гульева

Родилась в Иркутске. Среднюю школу окончила в селе Хомутово. Писать стихи начала с 9 лет. Основное увлечение – литература. Любимые писатели: Достоевский, Булгаков, Бредбери.

Кроме литературного творчества увлекается живописью, музыкой, театром. Сейчас учится на 3-м курсе ИГУ на факультете филологии и журналистики. Живет в Хомутово.

КАНАТПОХОДЕЦ

На днях меня снова размазали об асфальт. Я, как всегда, забылся. Снова посмел вылезти из своего логова на свет Божий и посягнул на внимание людей. А они, как всегда, загнали меня на мое место.

На этой планете я бываю чаще всего. Здесь меня впервые скинули со сцены, и чувство какого-то мазохистского кайфа вновь ведет меня сюда. Снова этот город. Центральная площадь. Базарный день. Между двумя башнями над фонтаном натянут канат. За дверью одной из башен я с замиранием сердца жду своего выхода.

Внизу проходят люди. «Что это тут готовится?». «Канатный плясун, говорят». «Хм, плясун...». «Интересно, может, глянем». «Да надо тебе на всякие глупости смотреть». «Ух, ты!». «Делать ему нечего». «Опасно ведь, высоко». «Да что ему делается». «Пивка возьми, вон там сядем, посмотрим». «И что на этот раз?». «Ну, ну...»

Вот заиграла музыка, загремел барабан. Я толкнул дверь. Задержал дыхание. Медленно выдохнул. И... пошел.

Началось действие... Я превратился в танцующий на ветру огонь. Руки, ноги, волосы – все извивалось, дрожало, текло в небо. Я забылся. Я стал движением. А внизу...

А внизу площадь пустела. Медленно, но верно люди расходились по своим делам. Кто-то, глаза на мои потуги, зевал и чесал нос. Кто-то, упившись пивом, начал говорить громче обычного. Кто-то уже целовался. Полнейший разброд и шатание. Мой танец стал веселеньким фоном для их вечерней культмассовой вылазки.

Но я этого не замечал. Я продолжал двигаться, продолжал гореть. Очнулся я только тогда, когда выкрики там, внизу, стали слишком громки, чтобы их можно было не замечать. Я бросил вниз беглый взгляд. «Боже, такое чувство, что они меня просто не видят. Может, нужно танцевать лучше. Опаснее...»

И движения мои стали порывистей. Прыжки рискованней. И взгляд то и дело возвращался вниз, на площадь. «Ну что же, что же...» Делая очередной разворот, я посмотрел вниз. Голова закружилась. В ушах зазвенело. В глазах поплыли цветные ленты. Нога соскользнула и...

Константин Хвилищевский

Падение было таким стремительным, что я успел понять, что же со мной случилось. Когда я вновь открыл глаза, то увидел над собой вечернее небо, перечеркнутое ровно посредине. На мое тело падали брызги воды. Я лежал в фонтане и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. А люди шли мимо, занятые своими мыслями, и даже не заметили, что я упал. Им было все равно. ВСЕ РАВНО!!!

Так и лежал бы я вечно, если б мой возлюбленный не влез в фонтан и не собрал бы мои разбитые останки в корзину. Он унес их подальше от города высоко в горы. В одной из пещер, вооружившись иголками, нитками, гвоздями, скрепками и скотчем, стал чинить мое тело.

Когда, весь перебинтованный и залатанный, я лежал у него на коленях, я сказал: «Больше никогда не стану танцевать». «Но почему же? Ведь твои раны скоро заживут, и ты снова станешь так же гибок и ловок, как всегда». «Но зачем? Ведь это никому не нужно. Ты видел, им стало скучно и они ушли». «Но неужели из-за того, что эти люди не поняли тебя, ты перестанешь танцевать? Ты перестанешь зажигать огонь? Если это не нужно им, это еще не значит, что это не нужно никому. Это нужно в первую очередь тебе, чтоб ты мог выражать свои мысли и чувства. Это нужно мне. И вполне возможно, что где-то еще, на далеких звездах, есть те, кому очень нужно твое искусство. Они ждут тебя. Они верят в тебя. Не предавай...»

И сегодня я снова танцую. Ради себя. Ради него. И ради тех, кому нужен мой танец.

ИМЯ ЕЙ ЭЛЬЗА

Имя ей Эльза. Собой – египетская царица. И характер такой же – своенравный, капризный и самобытный. Умеет громко заявить о себе. Любит внимание и умеет его получить. Но до Клеопатры ей еще далеко.

Это случилось в 19-й день 8-го месяца по принятому здесь времяисчислению. Мы с моим любимым Котом проснулись после полудня, то ли от солнца, наконец-то пробившегося в комнату, то ли от странных звуков за дверью.

Я встал, открыл дверь, и в дом вошла Эльза. Она сказала, что хочет есть. Я дал ей её любимое блюдо – молоко и печенье – и вернулся в постель.

Мы с Котенком вели неторопливо-ленивый утренний разговор, когда Эльза, решив, что ей не хватает вдруг тепла, залезла в постель и легла между нами. Мы конечно, попытались возразить, но не тут-то было...

Она громко требовала внимания и ласки. Она, не переставая, говорила, что ей грустно, одиноко, страшно и больно. Она не отпускала нас. Она плакалась, стонала, взыкала...

Поняв, в чем дело, решил позвать на помощь. А когда попытался вылезти из кровати, она запротестовала. Я успокоил ее, сказав, что иду за Карасем. Она уступила, но проводила меня печальным взглядом.

Карась пришла сразу же. Она погладила любимую по русой головке, приласкала, пожалела. Нас же она выгнала взычей. Это из нашей же постели. Обиженные, мы пошли смотреть «Звездные войны», а после читали друг другу стихи вслух.

***

Где-то около шести вечера прямо на нашей кровати Эльза родила трех чудных котят (черного, белого и черно-белого).

Имя

СНОХОЖДЕНИЕ

Ночь поглотила землю.
 Прячется внутрь дождь.
 Только и есть, что на небе
 Месяца алый нож.

Ветер терзает деревья,
 Ветви стирая в пыль.
 Снег ядовито-желтый
 Жжет придорожный ковыль.
 Город в руинах печали.
 Лишь тени гуляют в нем.
 В дебрях покинутых улиц
 Тихо и ночью и днем.

Япш - красноглазая кошка -
 Держит над городом власть.
 Радиоактивной рябины
 Голубь наелся всласть.

Поздно ронять рыдания -
 Влага земле не нужна.
 В саване бледно-зеленом
 Жизнь от нее ушла.

* * *

Сломлена вера. Любовь покалечена.
 Подлостью в спину надежда расстреляна.
 Мало досталось нам мудрого, вечного.
 Наша беспечность навеки потеряна.

Замерло сердце в припадке отчаянья.
 Вперились в небо глаза постаревшие.
 Солнце померкло, увидев нечаянно
 К Богу летящие души безгрешные.

* * *

Посмотрев из окна на деревья,
 Я понял, что полет не иллюзия,
 Что он мне по силам
 И что начало ему -
 Подоконник.

* * *

Можно ли выразить это словами,
 Чувство, что мир рухнул
 И на руинах расцвел
 Одуванчик?

* * *

Трудно вернуть бабочку,
 Выбравшуюся из куколки.
 Вот так и уходит жизнь.

Евгений Суворов

г. Иркутск

№ 2 (23) 2006

СОСЕДКА

Отрывок из новой повести

*Ты снова вспомнишь тишину
И край родной... И даль... И дымку...
И лучезарную одну,
Сквозь ночь летящую косынку.*

Анатолий Передреев

1

Мне давно хотелось написать о Нюре, моей соседке, и я не однажды рассказывал о ней моим знакомым. Несколько эпизодов из ее жизни заставляли оживиться или хотя бы просветлеть лицом каждого, но эти эпизоды и сценки не связывались в одно и даже противоречили друг другу, как будто речь шла о двух разных женщинах. Я даже как-то подумал: должно было родиться две девочки, а родилась одна...

Понять глубже, что же я хотел поведать о Нюре, никому из моих знакомых не удалось, и даже не так: главная-то мысль доходила, но поверить в нее никто не мог, да и я - тоже. И тридцать, и двадцать лет назад эта мысль казалась фантастической, и мои знакомые поглядывали на меня как на выдумщика. Нюрина история выбивалась из общей жизненной колеи, в которой мы все пребывали и даже неплохо себя чувствовали, принимая эту колею пусть и не за самую лучшую в мире, но зато - самую справедливую!

А теперь представьте далекую, беззвучную вспышку молнии, или когда сквозь густые, иссиня-черные тучи, нависшие над широким болотом и лесом, вдруг появится перед закатом луч яркого солнца и быстро исчезнет вместе с необычным освещением, которого ты никогда не видел, и нарисовать это мгновение сможет далеко не каждый художник. Может быть, нарисовать, не осознавая даже, что же он такое успел, сумел схватить взглядом, сердцем, а скорее всего, рука как бы сама кистью перенесла на холст какую-то загадку природы...

Что-то похожее на вспышку молнии или на необычное освещение облаков испытывал я, глядя на Нюру. Все, до чего она дотрагивалась, в чем была, что даже летом говорила своим слегка простуженным голосом, имело для меня особенное значение. Она все время как будто над чем-то думала или ждала чего-то: стоишь с ней рядом, в полушаге, и чувствуешь, что она далеко-далеко от тебя! Такое Нюрино поведение и другие замечали. И вот это даже в детстве заставляло меня задумываться: что ей не нравится, кто ее обидел, и - когда?

Отец мой был учителем в начальной школе, уж он-то, думаю, все знает, и я как-то спросил у него, почему Нюра не такая, как все?

Отец внимательно посмотрел на меня, раздумывая, отвечать или не отвечать на мой вопрос, и, зная, что я не отстану, пока он хоть что-нибудь не расскажет о нашей соседке, усадил меня напротив себя на стуле и минуты две, если не больше,

не то разглядывал меня, не то думал, как отвечать человеку, который только еще пойдет в первый класс. Я вот что замечал: о Нюре он хорошо говорил, даже восхищался ею, но всякий раз чего-то недоговаривал, как будто за что-то сердился на нее. Я переживал за Нюру и приготовился, если надо будет, встать на ее защиту.

- Тебе, Коля, наш сосед Федор нравится? Как ты к нему относишься?

- Хорошо, - отвечал я.

- Из-за того, что он - Нюрин отец, так? Ну, вот. А он по-соседски хоть один раз поговорил с тобой? Ты видел, чтобы он когда-нибудь от души засмеялся?

Я попытался вспомнить, и, точно, ни разу дед Федор со мной ни о чем не говорил, хотя через забор часто виделись, ни разу не слышал я его смеха, и впервые по-настоящему удивился:

Как это можно жить, чтобы совсем не смеяться?!

- А как ты думаешь, почему? - спросил отец. - Ты не торопись, подумай и отвечай.

Когда я подумал, то вдруг обнаружил: живем-то мы рядом, огороды через забор, покосы наши возле реки, и ходить деду Федору надо мимо нашего дома - в ларек, в бригаду, на конный двор, и дорога в большую деревню, где колхозное правление, тоже возле нашего дома, но редко, редко увидишь Федора идущим по деревне, и на скамеечке за воротами, возле елки, он тоже не появляется, как будто скрывается от людей. Но когда возле бригады выют веревки из конопли, - длинные, в пол-улицы, - то Федор тут за главного. Но это случается редко, за лето один-два раза.

- От кого он прячется, как ты думаешь? - снова с какой-то значительностью спросил отец. Глаза у него в это время были почти что веселые. Для того, видно, веселые, чтобы я не подумал о Федоре чего-нибудь плохого, а правильно понял, что хочет сказать о нем отец.

Я пожал плечами: откуда мне было знать?

Я даже немного побаивался деда Федора, казалось, что он вот-вот за что-нибудь закричит на меня. Я хорошо смотрел на их дом, на елку, а главное, на Нюру, и он на меня ни разу не закричал, а только - на других.

- А ты не замечал, как он на своих соседей смотрит? - совсем тихим голосом, как будто сообщал мне большую тайну, проговорил отец.

Пора было защищать деда Федора, а то ведь и Нюре достанется, и я сказал, что не замечал.

- Надо замечать, - назидательно, с нажимом проговорил отец.

Глаза у него были синие, под цвет чистого неба, и когда он был не очень строгим, я любил в них смотреть, а тут они сделались как-то уж очень синими, в них даже холодок появился.

2

Отец, конечно, знал, как я подсматриваю за Нюрой, и наверное, знал, что пытаюсь понять, почему такой нелюдимый дед Федор, и только был удивлен, почему я так рано, еще от земли не отрос, задаю такие вопросы. Но тем и отличался мой отец, что любил разговаривать уж вовсе с маленькими! И уж, конечно, за то, что со всеми умеет разговаривать, его и учителем поставили, хотя у него было всего четыре класса, которые он закончил еще при царе!

За такое умение его все уважали, и даже с дедом Федором у них бывали какие-то интересные разговоры, после которых отец приходил домой возбужденный, и мы, старшие и младшие, понимали: отцу сегодня в чем-то удалось переубедить Федора, склонить на свою сторону. Может, не надолго, но - удалось. И я вместе со всеми радовался за отца, за деда Федора, но больше всех - за Нюру. Дома, также вместе с отцом, мы переживали, если что-то не ладилось в нашем колхозе «Победа Сталинграда». И только мама не очень-то разделяла с нами наши переживания.

- На что вам колхоз, занимайтесь своими делами.

Колхозницей-то была она, и отец на такие ее решительные слова не обижался.

Я никак не мог дождаться, когда меня примут в пионеры, и снова спросил у отца об этом.

- Нюре буду помогать, когда стану пионером! - пообещал я.

Он просветлел лицом и ласково дотронулся до моего плеча своей большой ладонью с длинными красивыми пальцами. По дому он делал самую тяжелую работу, с Игнатом Максименко каждое лето ремонтировал школу, а ладони и пальцы у него всегда были чистыми, гладкими, учительскими.

- Из Нюры бы хоро-о-ошая была пионервожатая, если бы стала учиться дальше, - ласково проговорил отец. - Федор никак не хотел, чтобы она вступала в пионеры. Мы его с трудом убедили, вот он и косится на меня.

Отец хоть и через силу, но засмеялся, глаза его весело поблескивали. Повернувшись к окну, он удовлетворенным взглядом проводил ребятшек, бегущих на занятия во вторую смену, и я уже не в первый раз увидел, как любит он своих учеников!

- О-о-о, Нюре бы полную школу, - продолжал он, - она бы в любой институт поступила! Очень одаренная девочка. Но что сделаешь, работать надо. Братья и сестры в город поуждали, а Нюра, как видишь, осталась. Не бросила старика. Лучше бы ее старший брат остался, учиться он дальше не хотел. Электриком мог бы и в колхозе работать, а Нюра бы училась. Но... сие от меня уже не зависело, - не без огорчения проговорил отец. - Ну, что ж, вольному воля. Только не думаю, что ему в Черемхово лучше будет. Одеваться стал хорошо, приобрел мотоцикл, а лицо скучное. Ты же видел. Жалеет, что уехал, а вернуться гордость не позволяет.

Занимаясь по хозяйству и стараясь не мешать нам, мама, проходя мимо, очень выразительно посмотрела в нашу сторону и, как умела только она, подмигнула мне, что означало: слушай отца, он тебе худого не скажет. И так же, взглядом и жестом, попросила: не задавай отцу лишних вопросов! И ты, отец, не забивай малому голову.

Мне все равно было непонятно, почему дед Федор не может подружиться с моим отцом.

На это отец ответил совсем коротко:

- Подрастешь - узнаешь.

И мы как по команде поднялись со своих мест, я - со стула, а отец - с длинной, широкой, чуть не во всю стенку старинной лавки, на которой сидел еще мой прадед. Лавка с каждым годом делалась отполированной и крепче, и казалось, переживет и дом, и всех нас.

Отец коротко взглянул на свои огромные ботинки и, удостоверившись, что они хорошо начищены, блестят как новые, через минуту размашисто прошагал мимо окон нашего дома и минуты через две был уже возле школы, мне это в крайнее окно, не загороженное цветами, хорошо было видно, а я заторопился к колодцу и, пока чуть не бегом спускался под горку, позванивая пустыми ведрами, чувствовал за спиной встревоженный взгляд матери. По отдельным словам, дошедшим до нее, она поняла, о чем шла речь, и боялась, что рано отец затевает со мной такие разговоры.

3

Вечером она сказала ему об этом.

- А это Коля затевает, а я - отвечаю! Он же просился нынче в школу, а ты его непустила, вот он и проходит ускоренную программу дома! - отшутился отец.

- Он же еще маленький. Разве лучше будет, если он в школу пойдет?

- Лучше, нисколько не сомневаюсь, - сказал отец. - Его дружки учатся, одному скучно, вот он и придумывает себе развлечения.

Мне нрав...

- Он же на полгода младше своих дружков!
 - Да он по росту выглядит наравне с ними, а по вопросам, которые задает мне, он своих дружков обогнал!

- Ты что, хочешь его в школу загнать?

- Почему «загнать»? Я с ребятами занимаюсь, а он чуть не каждый день стоит в дверях и тяжелым крючком брякает, срывает мне занятия. Вчера я не выдержал, взял его за руку и посадил за парту.

- И что?

- Сидел как мышь, вслушивался в каждое слово. Только его надо от окна пересадить подальше: мимо школы идет кто-нибудь или едет, дети посмотрят на дорогу и опять урок слушают, а он продолжает смотреть!

- На дорогу?

- И на дорогу, и на Нюрину елку.

- А чего на нее смотреть?

- Так он не на одну елку смотрит, он еще смотрит, когда Нюра пройдет!

- А она что ему?

- Вот об этом мы сегодня говорили с ним.

- И что ты ему сказал?

- Пока ничего особенного.

- Ты его уже в школу взял?

- А что мне оставалось делать: я его от дверей прогоню, он по чердаку лазит, воробьиные гнезда смотрит! Дети слышат, смеются. Урок, считай, сорван. А то встанет на завалинку и в окно смотрит...

- Ну, не-е-ет, мы были послушнее. Старших хоть и побаивались, но - уважали. Кто бы ни шел навстречу - из нашей или из чужой деревни, - с каждым здоровались, и это было потребностью, само собой получалось! А сейчас приходится повторять: здоровайтесь со старшими, уважайте старших... Давно ли дети совсем другим голосом здоровались, со стороны приятно было слышать. А сейчас, бывает, и не поймешь: поздоровался он или проворчал на тебя за что-то. Действует на них какое-то поветрие... А вот какое?

- Хватит тебе, не выдумывай, - стараясь отвлечь мужа от нелегких размышлений, которых она не понимала и побаивалась, примирительно проговорила Александра Васильевна. - Не дурили б себе головы, тогда бы и жилось легче, и на душе спокойней было.

- Кому это ты говоришь? - сердито спросил Петр Иванович. - Мне, что ли?

- Тем, кто шибко грамотные стали, - всей интонацией подчеркивая и жестом показывая куда-то в сторону, что последние ее слова к Петру Ивановичу не относятся, - его ученики еще издали здоровались с Александрой Васильевной, будто она, вот уже вторую зиму, не уборщицей в школе была, а тоже учительницей.

Уборщицами в школу Петр Иванович брал самых вежливых, аккуратных, старательных женщин. Такой свой выбор он объяснял очень просто: детей должна окружать красота дома, в школе и на улице! И не менее важным было еще вот что: в колхозе денег на трудодни не давали, и даже маленькая школьная зарплата женщин устраивала. А чтобы никто ни на кого не обижался, через два - три года Петр Иванович менял уборщиц.

Возле Саян военный самолет преодолел звуковой барьер, и в доме, как от взрыва, задрожали стекла.

- Ну, вот зачем он летает? Что ему надо? Уже до гор добрались! Ну, кому они мешают?

Петр Иванович засмеялся над таким рассуждением жены, оно ему даже понравилось своей наивностью, и начинавшийся какой-то трудный, неразрешимый разговор о молодых людях, о соседях сам собою заглох, а точнее, Александра Васильевна вот такими немудреными словами умела перевести разговор в другое

русло, каким-то непостижимым образом с помощью самых обычных слов оставливала ненужный спор, который, она считала, пользы все равно не даст, а настроение всем испортит. Петр Иванович в таких случаях восхищался Александрой Васильевой: спокойно подойдет и скажет именно в то момент, когда еще можно остановиться, когда еще никто никого не успел обидеть. Откуда у нее такое умение и такое знание? Вот загадка! Книг не читает, Коля у них – пятый ребенок. Надо всех обиходить. Скота полон двор, и в школе у нее чистота и порядок, – когда читать? Как за детьми, ухаживает за школьными цветами... Особое внимание – кленам: и политы они вовремя, и побрызганы свежей водой, как будто дождем... Разросшиеся клены – гордость школы: когда они зацветают, на них приходит посмотреть вся деревня.

4

Меня привела в восторг Нюрина соломенная шляпа, которую привез из Черемхово ее старший брат. Шляпы с такими широкими полями и такого цвета, напоминающего созревшее хлебное поле, в нашей деревне ни у кого не было. Ах, как мне хотелось дотронуться до этой шляпы, подержать ее в руках!

А как я ждал, когда Нюра в соломенной шляпе и в белой кофточке еще раз промелькнет в зарослях черемухи, которые с проулка, ведущего к руке, скрывали Нюрин дом, баню и даже колодец с высоким журавцом! Их можно было увидеть, когда спустишься к мосту с высокими перилами, с которых самые смелые из моих друзей и даже взрослые ныряли в неглубокую воду, рискуя удариться головой о песчаное дно, усыпанное мелкой разноцветной галькой. И внизу огромные кусты черемух украшали Нюрину усадьбу, от реки и от покоса огороженную высоким лиственничным тыном, ставшим от времени голубоватым.

Я, как только стал ходить на реку, а потом – за черемшой, за ягодами, за жердями и прутьями, всегда с непонятным волнением проходил мимо школы – самого большого дома в нашей деревне, и мимо высокой Нюриной елки, которую мне хотелось считать тоже нашей, ведь она была к нам ближе всех, и половина ее красоты доставалась нашему дому. Стоило появиться даже маленькому ветру, и шум ее густых темно-зеленых ветвей, особенно широких книзу, сразу был слышен из нашей ограды и даже с огорода! Бывало, все брошу, сяду где-нибудь недалеко от елки и слушаю, как она шумит на разные голоса, – и не надо мне никакой другой музыки!

Но долго слушать нельзя: я должен подмести в огороде и за воротами, чтобы хорошо было видно зеленую лужайку, сор на тележке вывезти, теленка угнать за кузницу, крапивы и лебеды нарвать и мелко нарубить пороссятам и курицам, и тех же куриц вовремя выгнать с огорода. Все это бегом, чтобы успеть послушать елку, как она шумит, и не прокараулить Нюру – увидеть ее на огороде! Как она легко наклоняется, как ловко приседает, как сверкают икры ее ног, как быстро достает она воду из колодца! Но я не успеваю получше рассмотреть ее: у нее уже все полито, прибрано, она уходит с огорода завтракать, и я жду, когда она пойдет мимо нашего дома в бригаду.

Мне никак не удается ее нарисовать: только начну, а она уже повернулась ко мне другой стороной... скрылась за срубом колодца, за баней или черемухой!

Наши женщины и девочки в чем по дому управлялись, в том и на колхозную работу бегут. А Нюра идет хорошо одетая – и юбочка сидит на ней лучше некуда, и голубоватая, с загадочным рисунком кофточка так хорошо смотрится! Такую кофточку тоже привез ей старший брат: старается для сестренки, не зря живет в Черемхово! И пуговицы на кофточке необычные – большие, тоже как будто с рисунком, и я не могу сказать, какого они цвета! Я представляю, с каким удовольствием Нюра притрагивается к ним, когда застегивает кофточку!

– Идет моя отличница! – обращаясь ко всем нам, восторженно говорит отец.
– На работу идет, как на праздник! Все бы так делали, какая бы жизнь была!

Мир и веселье

И я дольше всех смотрю за Нюрой в окно, пока она не скроется сначала за высокими, на столбах, деревянными сушилами – широкой площадкой для зерна, а потом – в бригадных воротах, которые закрывались только на ночь.

– У нас есть и покрасивее девочки, – уточняет мама, и мягкая улыбка завладевает ее лицом.

Я знаю, о ком она говорит, – о двух моих сестренках – Гале и Сонечке. Галя учится в Иркутске на фельдшера, Сонечка – в Черемховском педучилище.

Отец, конечно, догадался, о ком говорит наша мама. Он и сам не прочь похвастаться своими дочерьми, но ему надо быть самым справедливым: поменьше хвастаться своими и побольше хвалить чужих. Он так и делает.

– Не-е-ет, милая моя, тут я с тобой не соглашусь: Нюра – самородок! Быстрее всех научилась читать, умножать и делить на счетах, а это в четвертом классе редко кому удается. Задачи как орехи щелкала! Я запнусь, она тут же подскажет, и никогда не гордилась своими знаниями. И сейчас, посмотри, скромная, аккуратная. В работе ни одна ее не обгонит. Ты вспомни, в ее возрасте у нас полеводческим учетником был кто-нибудь? Ну, вот кому в четырнадцать лет можно доверить эту должность? – И сам же себе ответил: – Никому. Это ж надо все обмерять, и не ошибиться, и не поддаваться ни на какие уговоры. То одному, то другому кажется, что он и вспахал и посеял больше, а у нее все записано: пожалуйста, смотри! Другой бы и попросил ее сделать приписку, но увидит комсомольский значок и красный галстук и промолчит, ведь сам недавно и пионером был, и из комсомольского возраста еще не вышел.

Отец с глубоким вздохом отклонился от окна, взял со стола стопку проверенных вечером тетрадей и, уже в самых дверях, вдруг изменившимся голосом с огорчением сообщил нам:

– Сколько раз убеждал я Федора: дай возможность своей младшей семилетку окончить! Ну, что для нее четыре класса? Да она бы вернулась в деревню зоотехником или агрономом!

– У тебя тоже четыре класса, – как можно миролюбивее сказала Александра Васильевна. – И что, тебе плохо?

– Ты не сравнивай то время с нынешним.

– У нее есть отец, братья, сестры, вот пусть они и думают, а тебе зачем?

– Я так рассуждать не имею права, – ответил отец, закрывая за собой двери.

Я слушал их и не мог полностью встать ни на чью сторону, мне казалось: и отец прав, и наша мама права.

5

Зайти к соседям и посмотреть, как у них дома и правда ли, что книг у них почти столько же, как у нас, я пока не решаюсь – побаиваюсь Нюрино отца. Из-за окладистой бороды и глубоких морщин, избородивших лицо, чуть ли не все звали его «дедом Федором», хотя он был одного возраста с моим отцом. Не очень-то приветливо взглядывала на меня и Нюрина бабушка. Вся в черном, и сама черная, прокаленная на всех ветрах, с хмурым взглядом из-под плотно надвинутого на лоб белого платочка, она ходила по большой ограде, взмахивая руками, как будто падала, – прогоняла ястреба, – кормила цыплят, что-то им объясняя. Еще издали завидев ее, воробьи с шумом покидали заросли черемухи, и возвращались, когда старуха, медленно пройдя по всему огороду и возле колодца, где располагались гряды, пряталась в доме от жаркого послеобеденного солнца.

Воробьиное торжество с новой силой раздавалось в черемухе, на столбах и на крышах, где странная женщина с длинным прутом их не достает. Они ее, конечно, не боялись и перелетали с места на место для своего удовольствия.

По улице старуха, раскачиваясь, шла в новеньких, красиво спитых чирках, в клетчатом полушалке на полных плечах – вечером будет холодно, – редко поднимала голову, как будто все время что-то искала и никак не могла найти. На людей она не смотрела, а только перед собой – на дорогу.

Куда она шла и зачем, для меня было загадкой.

Позднее я узнал: на улице Боковой жила ее младшая сестра, тоже старенькая, с которой они говорили об одном и том же – как их раскулачили, раскидали по чужим краям, и как они – те немногие, кто остались живыми, – с пустыми котомками вернулись домой, чтобы начать свою жизнь заново. И стали жить не хуже других, а вскорости и получше, да вот обида на несправедливость так и не прошла, съедает последние силы.

Старуха, придя с Боковой, потом долго нигде не появляется, – не то успокаивается после разговора с сестрой, не то опять сердится на старое и новое начальство. Петр Иванович в сельсовете не работал, никого не раскулачивал, но кажется ей, что их сосед-учитель тоже виноват за те страшные годы, а иначе «че бы он стал переживать за советскую власть?».

Ни от самой Нюры, ни от кого-нибудь другого я ни разу не слышал, чтобы она пожалела о своей потерянной жизни, оставшись в деревне. Потерянной в том смысле, что она отказалась от своего большого будущего, о котором ей говорили и мой отец, и другие. Говорили, но сами тоже остались в деревне, и не всегда только из-за бедности.

Нюра держалась так, будто гордилась, что ее деда и бабушку раскулачили, в этом было для нее что-то особенное, с чем не надо расставаться, пока жив хоть один из ее стариков, и что потом, когда их никого не останется, ей все равно нельзя расставаться с этим чувством – оно делало ее жизнь таинственной и значительной. Она не могла пока что осознать, в чем же все-таки заключалась эта таинственность и значительность, – не в одной же любви к работе, к деревне, к старикам, – ведь и еще в чем-то?! Власть не пощадила тех, кто лучше других работал, но память о них уничтожить не смогла: Нюра взяла на себя их печаль, непосильный груз воспоминаний, – ведь она молодая, ей легче перенести, да и не с ней все это произошло... А если бы уехала, не смогла бы взять на себя их переживаний, которые страшнее бедности...

6

Я не заметил, как начал вставать утром раньше своих сестер, приехавших домой на каникулы.

Солнце давно взошло, его лучи все сильнее пригревают, но еще очень прохладно. Чтобы не замочить в траве перешитые из отцовых штаны, я их повыше подворачиваю и, еще полностью не проснувшись, обогнув угол дома, сажусь на завалинке с той стороны, где бревна дома уже нагрелись от утреннего солнца и обнимают меня своим теплом. Я первый услышу, как проснутся и заговорят в амбаре Галя и Сонечка! Слов не разобрать, да это и не надо – мне приятно слышать их голоса, видеть, как они выходят из амбара! Галя с важным видом спускается с приамбарка по ступенькам, а длинноногая Сонечка, пренебрегая узкой лесенкой и не желая ни на шаг отстать от старшей сестры, соскакивает с приамбарка, продолжая о чем-то говорить. Мне нравятся эти ее соскакивания, стремление везде перешагнуть не одну, а сразу две или три ступеньки, и по этим красивым соскакиваниям я делаю вывод: из нее через три года будет хорошая учительница! Но пока что больше похожа на учительницу Галя, хоть и учится на фельдшера.

Сестры уже не удивляются, что я первый встречаю их, зовут с собой в избу, но я отказываюсь: мне надо хорошенько рассмотреть все, окрашенное подрагивающими лучами солнца и белым туманом, клубящимся над рекой и широким болотом, – утром с туманом не сравнится ни один художник! Рисовать туману помогает солнце, лес, разноцветное болото и даже птицы, а художнику никто не помогает: я уже рисую карандашом и знаю об этом.

Доставая из колодца воду, в мою сторону, когда я стоял на выступающем бревне приамбарка, несколько раз посмотрела Нюра. С меня этого довольно, и я, счастливый, соскакиваю с высокого выступающего бревна и бегу в дом: Сонечка и Галя в один голос зовут меня завтракать!

Мир через

Наверное, из-за того, что Галя вот уже два года видела меня только на каникулах, она этим летом нет-нет да как-то уж очень внимательно посматривала на меня. Эти ее взгляды я ловил на себе дома за столом, в огороде, когда шли в лес или на реку... Я начинал думать: она ведь уже городская, а я города еще не видел, - конечно, что-нибудь не так делаю...

Сонечка, бывало, пожурит меня, я слушаю, а делаю все равно по-своему и нисколько на нее не сержусь - она ведь будет учительницей, ей сначала надо научиться делать замечания своей родне. А Галя всегда, так мне казалось, смотрела на меня одобрительно. Я уже много читал, может, из-за этого? Мне было не очень интересно читать книжки, которые были тоньше школьной тетради, и я радовался, когда попадала в руки книга потолще, которую не очень-то разрешалось читать даже в седьмом классе.

Как-то после завтрака Галя остановила меня возле окна, попросила повернуться к свету и пристальной, чем до этого, стала рассматривать, как будто долго не видела меня. Я не успел смутиться, как услышал:

- У тебя не такие глаза, как у твоих братьев...

- Как «не такие»? У нас у всех глаза похожие.

- Они у тебя... задумчивые, глубокие, в них есть что-то такое... чего я не могу объяснить. Сонечка, ты согласна?

- Хорошие глаза, а что еще надо, - ответила Сонечка и строже, чем обычно, но все же с интересом взглянула на меня.

Да ты не бегом смотри, а повнимательней, - попросила Галя. - Огурцы и капусту успеём полить.

- Он и так никого не слушается, а ты его ни за что хвалишь, - ответила Сонечка. - Мы уедем, он после твоих слов совсем разбалуется.

- Не разбалуется, как возьму веревку, - вмешалась в разговор наша мама.

Все засмеялись, и я тоже.

Сонечка, никого не дожидаясь, мигом, как умела только она, прошелестела в дверях, и почти сразу же дважды проскрипели ворота на огород, она их прикрыла, зная, что мы не сразу выйдем, и я успел заметить в кухонное окно, как она сбежала под горку к колодцу, где каждый год на одном и том же месте появлялась высокая, длинная, чуть не до самого тына, огурцовая гряда на навозе.

Когда все вышли из избы, Галя мне одному сказала:

- У тебя будет не такая жизнь, как у наших деревенских, только учишься хорошо.

Я и сам знал, что надо хорошо учиться, а вот про то, что глаза у меня задумчивые и еще какие-то, никто не говорил. Я издали мог первый сказать, кто идет навстречу, кто купается на реке или кто за вторым мостом идет из леса. Так же далеко узнавал человека мой дед. Это сблизало нас, и меня он чаще, чем других, брал с собой в лес. Таблицу умножения я с ним в лесу выучил еще до третьего класса. Галя, не сядя за стол, успела выпить еще один стакан душистого чая, заваренного бабушкой, и мы не в припрыжку, как Сонечка, а торжественно спустились с Галей к колодцу, по левую сторону от которого располагались гряды с капустой и земляными огурцами.

7

Со столба возле приамбарка я увидел, как Нюра читает какую-то книгу на сарае, от плотной стенки которого начинается изгородь, разделяющая наши огороды. Нюрин сарай от приамбарка всего в нескольких шагах, и если смотреть сверху, то он оказывается совсем рядом. И до того мне стало интересно, что Нюра читает не на траве, расстелив одеяло, как это делали Галя и Сонечка, а на сарае, и только я один вижу ее! Но чтобы и меня, кроме Нюры, никто не видел, надо по углу на огороде залезть под крышу приамбарка, где, сидя на верхнем бревне, можно привалиться к толстой доске с засохшей смолой, - солнце сюда не проникает, - и,

свесив ноги, смотреть на реку, откуда раздаются смех и визг девчонок, которых кто-нибудь топтит... Но я еще успею искупаться, мне надо запомнить, как Нюра читает, лежа то на животе, то на боку, то на спине, и совсем не замечает, что я за ней подсматриваю. Меня устраивает, что она ни разу не повернулась в мою сторону, - дает посмотреть на нее подольше.

Какую книгу она читает? Как жалко, что не видно отсюда. Книга толстая, как раз то, что мне нравится. Отец пока не разрешает читать такие книги, но я уже прочитал «Белые ночи», «Неточку Незванову» и «Анну Каренину». Не все я там понял и ходил после каждой книги как в тумане, стараясь приблизить ту жизнь к нашей, деревенской. И Неточку Незванову, и Настеньку из «Белых ночей», и Анну Каренину я полюбил сразу, и если бы они жили в наше время и как-нибудь оказались в моей деревне, то я бы поселил их в самом большом и красивом доме - в школе! В ней, когда меня еще не было, жили Нюрины дедушка с бабушкой и Нюрины отец с матерью, когда дом у них отобрали...

Очарование и колдовство Анны Карениной не только из-за имени какими-то загадочными путями переходило на Аню, мою соседку, и бывший их дом тоже сюда примешивался... Все-таки богатый был дом, как будто дворянский... В тех книгах и у моих соседей было столько несчастий... Трудно сказать, кому из них было легче, я ведь не жил в то время... Все это при моей попытке разобраться запутывалось еще больше, и под впечатлением такой загадки жизни я смотрел на Нюру, надеясь, что она поможет мне - пусть не сейчас, а позднее! - понять что-то такое, к чему я стремлюсь, едва научился читать.

Меня громко окликает Сонечка - я зачем-то нужен, - но я не отзываюсь, и она уходит домой - слышно, как захлопнулись двери в сенях.

Нюра откладывает раскрытую книгу в сторону, поворачивается на другой бок, лицом ко мне. Поглаживая до самых колен полные, еще не загорелые бедра, увидела меня, не торопясь села на зеленом одеяле, как будто на траве, все так же, лицо ко мне, старательно поправила белый плотный лифчик, который не сразу ей поддался, и, чего я никак не ожидал, весело стала смотреть в мою сторону, как будто мне было столько же лет, как и ей. Я онемел от ее веселого взгляда, от плавных движений, которых не замечал раньше. Их, наверное, скрывала одежда?

Нисколько не стесняясь - все-таки далековато было, - Нюра показывала себя и всем своим видом как будто говорила: посмотри, какая красота прячется под одеждой, мне самой нравится, какая я без юбки и кофточки!

Я спрятался в холодок: меня прикрывала крыша приамбарка, застланная лиственничной корой, мне было не так жарко, а Нюра вся сидела в лучах июльского солнца, которое сегодня старалось светить больше всего для моей соседки, чтобы она загорела побыстрее и чтобы я лучше видел и радовался ее красоте. Но вот она сняла соломенную шляпу, обмахнулась ею, как веером, а я воспринял как приветствие эти взмахи и новые Нюрины слова:

- Коленька, ты мне нравишься, ты хороший мальчик, но мне некогда с тобой переглядываться, мне надо везде успеть, а то нам попадет обоим, я же слышала, как тебя звала Сонечка!

8

Мне бы первому покинуть мое укрытие - лучше, если никто не увидит нас в это время! Нюре-то ничего, она уже взрослая, нашлось время, позагорала и опять побежит на работу, а я-то зачем рискую свалиться на доски и кирпичи в приамбарке. Если забуду, что надо левой рукой удерживаться за очень гладкое бревно, я-то зачем мешаю читать человеку, вместо того чтобы пойти на реку, где весело, где мои ровесники, быстренько искупаться с ними и - домой. Но я не могу сдвинуться с места, и Нюра так хорошо еще ни разу не смотрела на меня! Значит, ничего плохого я не делаю? И еще вот о чем я подумал: может, Нюре не понравится, если я

Мне нрав...

уйду первый? А если она больше не будет читать на сарае? Ведь не читала же до этого. И я похвалил себя, что нечаянно, а может, не совсем нечаянно, увидел, как она по лестнице, с одеялом и с книгой, быстренько поднялась на сарай, как будто боялась, что ее остановит отец или бабушка.

На сарае, и опять не отворачиваясь от меня, Нюра, не вставая, ловко набросила на себя цветастый сарафанчик, такой же, как у Сонечки, красиво поднялась, нагнулась, свернула одеяло, лицом к лестнице осторожно сделала вниз шаг, другой и – скрылась за высоким заплотом. Не видно было, как она ступила на землю, но я слышал, как она убрала лестницу и уже в сенях что-то ответила своей хмурой бабушке, недовольной, что Нюра читает на крыше, – кругом вон сколько места! Но без всякого неудовольствия, а, наоборот, с неожиданной для меня симпатией подумал: «Она же Нюрина бабушка, и когда-то, молоденькая, пусть немного, но была похожа на свою внучку!». И я еще вот что знал: все бабушки больше на себя сердятся: молодыми-то лучше быть!

Мне все труднее сидеть на бревне, левая рука занемела, да и Сонечка звала, – но я еще минуту – другую продолжаю смотреть на то место, где только что сидела Нюра, и вижу: раскрытая книга осталась лежать на крыше! Издали она напомнила неподвижно сидящую бабочку, подрагивающую крыльями. Даже маленького ветерка не было, а книга как будто ожила, просила Нюру вернуться! Конечно, это мне так хотелось, но разве хорошей книге все равно, если ее оставишь неп прочитанной? Нюре, может, некогда будет – у нее дел побольше моих! – и тогда я выручу Нюру – обязательно прочитаю книгу! Надо только узнать название...

Все Сонечкины просьбы я выполнял быстро, чуть ли не бегом. Она была довольна, что я ее во всем сегодня слушаюсь, и пообещала привезти из Черемхово еще два альбома и плотный белой бумаги для рисования, которую ни в Троицке, ни а Заларях не продавали.

Солнце не зря так палило днем: когда до вечера было еще далеко, из-за Широкого болота вдруг надвинулась не очень-то большая туча, стало погромыхивать по пустым ведрам, перевернутым на полке возле крыльца, звонко ударили первые крупные капли дождя. Я перелез через прясло, кинулся к сараю, поставил лестницу и, помню, был сражен красотой первых капель, расплывшихся на страницах тургеневский повестей «Вешние воды» и «Первая любовь». От раскрытой книги пахло конфетами, которые заворачивают в разноцветные бумажки. Я схватил книгу и, счастливый, что мне удалось ее спасти, унес в Нюрин дом, в котором никого не было. Старуха старательно, как крот, копалась на огороде, ничего не заметила и не имела возможности ни отругать меня, что без спросу лазаю где не надо, ни похвалить за спасенную книгу.

Не успел я перелезть через прясло к себе в огород, как ливанул дождь. Был он короткий, но для книги бы хватило. Старуха, пригнувшись, юркнула в баню. А когда уже дождь только слегка накрапывал, я увидел, как Нюра взлетела по лестнице на сарай, оглядываясь, и не могла понять, куда же девалась книга? Еще через минуту она обнаружила ее лежащей на столе рядом с самоваром и, торопясь на работу, увидела меня возле нашего палисадника, обо всем догадалась, с правой стороны дороги перешла на левую, к нашему дому, и прошла так близко около меня, что если бы я чуть-чуть наклонился, то прикоснулся бы к Нюре. Она не остановилась, но сбавила шаг и с такой милой улыбкой посмотрела на меня, что я от радости и непонятного для меня какого-то нового чувства пошел было за нею, но быстро свернул к забору с другой стороны, сел на гладкую верхнюю заплотину и, как уже было не один раз, смотрел, пока Нюра не скроется в бригадных воротах. Перед воротами она оглянулась, и я нисколько не сомневался, что ей надо было еще раз посмотреть не просто в мою сторону, а на меня, потому что не каждый увидит оставленную на сарае книгу и так вовремя спасет ее.

Не знаю, что на меня подействовало – окружающая природа, таинственная соседка, книги русских писателей, которые я читал чаще всего ночью, когда все спали, – но к пятому классу я заполнил своими стихами две школьные тетради. Дед мой сумел разглядеть, что я сочиняю стихи, и стал первым моим читателем. В тот год Америка напала на Корею, и я в одном из стихотворений заступался за маленькую восточную страну. К лирическим стихам дед отнесся спокойней, а вот стихи про Корею посоветовал послать в районную газету, в которой они очень скоро были напечатаны, да еще за них деньги прислали.

Приведу строчки, которые в особенности понравились деду:

Руки прочь от Кореи, захватчик,
Трупами ты ее всю устлал,
Поверни автомат, автоматчик,
На того, кто тебя в бой послал.

Я, помню, попытался убедить деда, что лирические стихи лучше получились, красивее, но дед настаивал на своем:

– Красивые стихи ты еще напишешь, а Корею надо помочь сегодня. Тут каждый час дорог.

И я послушался деда – самого большого моего доброжелателя.

Письмо от редактора районной газеты, поздравившего меня с публикацией и просившего не терять связи с редакцией, первым прочел отец, поскреб в затылке, не зная, радоваться за меня или печалиться. Он сочинял стихи в школьную, а чаще в колхозную стенгазету и не придавал своему сочинительству особого значения. Нередко он даже говорил в рифму и за одну минуту мог развеселить заскукавшего человека. О лодырях и нарушителях дисциплины писал с юмором, и я не помню, чтобы на него кто-нибудь сердился, – все смеялись вместе с моим отцом, особенно если он тут же сочинял новые, еще более веселые стихи. Я еще в начальной школе узнал от него: «Шутка – самая могучая сила на свете и самая грозная... Смеющийся человек сильнее опечаленного...»

Отец хотел видеть меня если не инженером, то техником, и, наверное, поэтому еще раз поскреб в затылке, прочитав письмо от редактора районки и тут же придумал не очень-то веселые стихи о моем будущем, если меня занесет на стихотворную дорожку. Но он был уверен, что этого не случится, – литературный талант все-таки редкость, а «для развития кругозора» – пиши, печатайся в районной газете, а может, и в областной, и еще школьником будешь иметь свои деньги на конфеты и книги.

Отцу своему я доверял, как и деду, и очень скоро на некоторое время расстался со стихами и каждый свободный час отдавал, как и прежде, чтению. Отец был доволен, а дед не очень, и нет-нет да, бывало, спросит, не пишу ли я стихи тайком? Он хорошо помнил, как зимой, после войны, задернув длинную, на всю печь, цветастую занавеску, в полночь, когда все уснут, я зажигал керосиновую лампу и, выкрутив фитиль, чтобы на стекле лампы теплилось маленькое красноватое пятно, и почти касаясь щекой горячего стекла, читал очередной роман или повесть. Дед спал на полах, видел мою хитрость и ни разу не выдал меня. Когда все же хитрость обнаруживалась, я гасил лампу, а при вторых или третьих петухах снова зажигал ее с тщательно протертым семилинейным стеклом – иначе при тусклом свете долго читать не сможешь. Дед поощрял мое чтение. Он и сам любил когда-то читать религиозные книги. При такой защите говорить со мной об экономии керосина и о том, чтобы я не портил зрение, было бесполезно. Ночное чтение мне удавалось, пока отец был на фронте, а потом еще два года – райком партии заставил – ему пришлось быть председателем колхоза чуть не в ста километрах от нашей деревни.

В пятом и шестом классах «Подростка» Достоевского, «Петербургские рассказы» Гоголя и все четыре книги «Тихого Дона» я прочитал на уроках, удерживая

Мир чудовищ

раскрытую книгу на коленях или, чтобы не видели учителя, отклонившись, по мере чтения подвигал ее к себе из парты. Текст я хорошо видел не только в таком положении, но мог прочесть почти любой шрифт и на соседней парте! По этой причине чуть не полкласса старались занять парту впереди меня, и я во время диктанта или изложения подсказывал впереди сидящему его ошибки – и грамматические, и пунктуационные. Запятые, тире и двоеточия для большинства моих сверстников были загадкой, и они ставили их где вздумается или не ставили совсем. Из класса меня за чтение на уроках и за подсказки не выгоняли – ни одна школьная газета не обходилась без моих стихов, и лесозащитные полосы чуть не во всю стену после уроков доставалось рисовать мне.

Хорошо помню: за «Подростка» Достоевского я схватился сначала из-за названия: я – подросток, а тут целый роман с таким названием! С первых же страниц я увидел: главный герой постарше меня, и это только еще больше привлекло – может, чему-то научит, да и фамилия у него историческая – Долгорукий! Звать – Аркадием. С таким же именем жил недалеко от нас, в соседней деревне, молодой человек – высокий, кудрявый, улыбчивый, не снимавший даже зимой военной фуражки, хотя в армии ему еще только предстояло послужить. В него была влюблена моя сестричка Сонечка, о чем я узнал, когда она еще училась в педучилище и готова была выйти замуж только за Аркадия. Его имя все чаще упоминалось в нашем доме, и я был уверен: если прочитаю «Подростка», то не так плохо разберусь и в нашем Аркадии, о котором Сонечка, никого нас не стесняясь, даже вслух мечтает. По моему тогдашнему разумению наш Аркадий внешне и в некоторых других отношениях превосходил Аркадия Достоевского, да к тому же еще оказалось, что никакой он не Долгорукий, а Версилов...

Отец очень был недоволен, когда узнал, что я так рано взялся читать «Подростка».

– Зачем ты про Ротшильдов читаешь, хватит с тебя «Белых ночей» и «Неточки Незвановой»...

– Читаю, – ответил я. – Написано же!

– Это не для всех написано.

– Как? – не понял я.

Чтение великих мастеров слова без всякого заучивания правил позволяло мне писать изложения и диктанты без ошибок, и по русскому устному мне ставили пятерки, не спрашивая. По этой причине я редко заглядывал в правила правописания, а если, бывало, спросят, тут же придумывал правило. И хоть оно не очень-то совпадало с тем, что было в учебнике, – четверка все равно была обеспечена – за творческое размышление.

Когда кто-нибудь выкрикивал, что в учебнике не так сказано, Зоя Сергеевна заступалась за меня:

«Не надо отвечать слово в слово, говорите по-своему, так будет и вам, и мне интереснее! – И добавляла: – Есть правила, которые вы зубрить невозможно, вот и берите с него пример!»

Брать пример с меня никому не хотелось – по математике у меня были сплошные тройки, а большинство деревенских, да и городских, лучше учились как раз по математике. Почему так получалось, нам даже учителя объяснить не могли.

Я не мог понять еще вот чего: по математике никакое творческое размышление мне не помогало. Когда в наш класс заходила математичка Евдокия Васильевна, солнечный день для меня сразу же превращался в пасмурный. На ученика, плохо отвечавшего по ее предмету или, как я, совсем не отвечавшего, она кричала так громко, что у нас звенело в ушах, а молочно-белые щеки Евдокии Васильевны в этот миг делались ярко-красными, огненными, и мы ее боялись больше, чем директора школы.

Заканчивался урок математики, и солнце для меня появлялось снова.

...Когда немцев погнали от Москвы, в нашей семилетней школе появилась новая учительница – русачка из столицы. Она не шла, а как будто бежала за директором маленькими шажками и острым, глубоким взглядом окинула сразу весь класс. Мы замерли от неожиданности: новая русачка сразила нас своей старостью, худобой, был у нее тонкий, хищный нос, похожий на птичий клюв; смотрела она так, будто собралась каждого из нас на своей лопате забросить в пылающую печь. Даже я, любивший предмет, пришел в уныние.

Взялась она за нас без промедления: не успел Павел Филиппович выйти из класса, как она тут же зачитала наши фамилии, смерила каждого строгим, пронизывающим взглядом, и, ничего не рассказав о том, как отважные сибиряки отстояли Москву, из сборника диктантов, который мы видели только у Зои Сергеевны, прочитала первое предложение. Поправив свою необычную, как будто из болотной травы короткую прическу и очки с большими стеклами и с золотыми дужками, – конечно, в Москве дужки очков могут быть золотые! – Татьяна Акимова, диктуя, стала ходить между рядами парт – издали, несколько не наклоняясь, проверяла нашу грамотность! Мои сверстники, да и я тоже, приуныли еще больше: при таком чтении на ее уроках и о подсказках придется забыть! Проходя мимо нашей парты, она через голову Васи Кузьменкова и его широкие плечи чего-то не разглядела и на обратном пути, продолжая диктовать, но уже более приятным голосом, предложения, она вдруг ястребом, взмахнув раскрытой книгой как крыльями, кинулась ко мне, заглянула в парту. Там лежали закрытые учебники. Все оживилось, раздался даже сдвиг смехом. Что и говорить, так неожиданно к нам в парты еще никто не заглядывал: сделают замечание, и урок продолжается. Мы, конечно, восхитились московской ловкостью Татьяны Акимовны!

Смелейший Вася Кузьменков обрел дар речи (а точнее, он его и не теряет), с удовольствием отклонился от тетради с неожиданным диктантом и, улыбаясь, сообщил Татьяне Акимовне:

– Зря заглядываете, он у нас такой есть.

Для большей убедительности Вася небрежно кивнул в мою сторону. Я не обиделся, потому что по всем предметам, кроме русского, у него были сплошные пятерки.

– Что значит «такой»? – спросила москвичка.

– Пишет без ошибок.

Восторга в Васином голосе не было, а, скорее, недоумие, которое относилось ко мне, – как это можно писать без ошибок?!

Очень быстро тетради с диктантами были проверены, полкласса, чего еще ни разу не было, получили двойки, я из-за лишней запятой – четверку. Она первого вызвала меня к доске, и я попытался убедить Татьяну Акимовну, что зря она засчитала мне за ошибку ту самую запятую.

– Почему ты так считаешь? – несколько не сердясь, спросила она.

– Это тот случай, – отвечал я, – когда можно обойтись без запятой, но можно и поставить.

– По русскому устно я тебе, Мезенцев, ставлю двойку.

Полкласса засмеялись, думали, что она шутит.

– Разве из-за какой-то закорючки ставят двойку? – заступился за меня Кузьменков.

– Я ему ставлю за все сразу: за самоуверенность, за пререкание с учителем, за то, что вредит тебе и всему классу.

– Чем он мне вредит? – совершенно искренне удивился Кузьменков.

– Поощряет твое ненужное словотворчество. Ведь сам он таких слов, как ты, не говорит.

– А ему нельзя, у него отец – учитель.

Мур прогов...

Такой Васин ответ рассмешил не только весь класс, но и Татьяну Акимовну. Я думал, что Вася растопил суровое сердце москвички, но она, когда прозвенел последний звонок, подошла ко мне и сказала:

- Мезенцев, останешься сегодня после уроков.

Меня охватила досада: наши за пять километров веселой гурьбой уйдут домой, а мне придется топтать одному, а так хотелось вместе со всеми поговорить о москвичке, которая чуть не каждый день подкидывала нам какую-нибудь новость. Ее доверительный тон и взгляд тут же заставили меня переменить настроение: дружки мои никуда не денутся, а побыть с московской учительницей один на один не каждому удастся, и я веселее взглянул на Татьяну Акимовну, пытаясь угадать, зачем я ей понадобился. «Наверное, узнала, что пишу стихи, вот и оставила. Даст тему, и я, пока иду домой, сочиню, мне это не трудно».

11

Но я ошибся. Она самым настоящим образом оставила меня после уроков по русскому устно. Я приготовился обидеться на нее, но тут распахнулась узкая, высокая дверь и в класс не вошла, а влетела такая же остроглазая, как наша новая учительница, девочка постарше меня, совсем не так одетая, как наши деревенские, и кинулась Татьяне Акимовне на шею, и только потом увидела меня. Она нисколько не смутилась, что какой-то мальчишка увидел ее нежности, тем более приняла меня, наверное, за двоюродника. Я сделал вид, что никакой я не двоюродник по русскому и литературе, и сижу для того, чтобы поговорить, как я понял, с ее бабушкой о стихах. Я настолько был оглушен ее щебетанием и резкими движениями, что не расслышал, что ей сказала Татьяна Акимовна. Девочка, с любопытством взглянув на меня, тут же исчезла. Татьяна Акимовна со словами: «Я сейчас приду» - тоже исчезла. Жила она рядом со школой, во второй половине директорского дома, и я видел в окно, как она совсем не по-учительски наперегонки с внучкой двигалась в своей дошке с коротким поблескивающим мехом по глубокой в снегу тропинке. Не скажу, что мне так уж понравилась ее внучка, но своим веселым шумом и быстрыми движениями она оживила меня, и уже не так скучно было сидеть и ждать Татьяну Акимовну.

Ее внучке, Идее, было столько же лет, как и Нюре, но как поигрывает москвичка: худенькая, все куда-то торопится (издалека мы ее уже видали), а ведь торопиться ей некуда - все рядом; у нее девять классов, а десятый, говорят, она проходит дома с Татьяной Акимовной! И я сделал открытие: вертлявость ее вот от чего - боится, что ее неправильно увидят, недооценят, не поймут, что она на самом деле не такая, а это только вид один, что она куда-то торопится... Пополняют ножки, грудь, щеки... и тогда... тогда вы пожалеете, что не отличили ее раньше!.. А Нюре не надо было казаться, у нее все это было само собой с детских лет! Вы же замечали: бывают до того прехорошенькие маленькие девочки, что выглядят женщинами: конечно, в уменьшенном размере но - женщинами... из-за этого с ними раньше времени разные истории присходят, даже комические, но чаще-то бывает хуже...

Мы знали: весной Татьяна Акимовна уедет в Москву. А ведь мы к ней так привыкли, столько всего узнали, чего не вычитаешь ни из какой книги! Слушаешь ее, и кажется, что ты идешь по Москве...

Надо же, как многое происходит весной!

О том, что придет осень, с таким чувством не говорят: осенью всего много, и свадьбы - осенью, а все равно не то... Не зря же говорят: «Вот придет весна!..» Это пора не зрелости всего, а - детства, юности... надежд, которые не всегда сбываются...

Стоило мне хорошо подумать о московской девочке, как в летней одежде возникла моя соседка, мне даже почудились летние запахи трав и цветов, короткий дождь и раскрытая на сарае книга. Я настолько ободрился, что готов был преодо-

леть любое недоброжелательство Москвы, если только оно было и пока что умело скрывалось.

Моя недоверчивость была рассеяна новым неожиданным поступком Татьяны Акимовны: вслед за нею с газетным свертком проследовала, не глядя на меня, ее внучка. Положила сверток на учительский стол, в упор посмотрела на меня, пытаясь понять, за что же мне оказана такая честь, и так же быстро исчезла, как и появилась.

Нарезанный городской хлеб, селедку и еще не остывшую круглую картошку я согласился съесть за своей партой. Татьяне Акимовне, видно, понравилось мое уважение к учительскому столу, и она чуть заметно улыбалась и, чтобы не смущать меня, листала какую-то книгу. Как она просила, я съел все до крошки. Теперь-то я не голодный, высижу после уроков хоть два часа! Она протянула мне сборник по синтаксису и пунктуации, который я ни разу не видел, и сказала:

- Это учебник для старших классов. Иногда после уроков будем с тобой по нему заниматься.

- Зачем? - спросил я.

Она засмеялась, и мое недоверие к ней полностью улетучилось.

- Ты уже этот учебник больше чем наполовину знаешь, и мы с тобой пройдем трудное в синтаксисе и пунктуации, где чувствуют себя неуверенно даже филологи.

Из книг и от отца я уже знал: филология - это те, те кто любит русский и литературу, преподают эти предметы в школе и в институте.

Она поинтересовалась, сколько у меня братьев и сестер, кто из них где учится, и, очень довольная моим ответом, отпустила домой.

Я тоже был доволен, что с особой гордостью назвал ей старшего брата Ваню, участника Сталининградской битвы. Это ведь и в его честь был назван наш колхоз «Победа Сталининграда!». Отца моего она уже видела на учительском собрании, которое он называл очень коротко - КМО.

На дорожку я услышал от Татьяны Акимовны:

- Я с тобой, Мезенцев, за эти полчаса, можно сказать, отдохнула! Хорошая у тебя семья!

Я отнял у нее полчаса, не меньше... Потом она собирается еще оставаться со мной после уроков, и не на полчаса, а, наверное, больше, и называет это отдыхом?

- Вот тебе и москвичка! - сказал я в слух себе, березам, соснам и видевшимся недалеко стогам соломы и сена возле нашей пасеки. Снег под моими подшитыми валенками скрипел намного веселее вчерашнего!

Настроение у меня было настолько приподнятым, что я, завидев Нюрин дом, снова вспомнил ее читающей на сарае.

Если кто-нибудь подумает, что мне больше понравилось название «Первая любовь», то он сильно ошибается: и тогда, летом, когда я перешел в четвертый класс, и сейчас, в пятом, всем моим существом завладело название «Вешние воды». В нем было все - весна и лето, зима и осень, и, само собою, первая любовь к женщине и ко всему на свете - всему, что я видел в моей деревне, в кино, в книгах... Любовь, я на это очень надеялся, ждет меня впереди, надо же хоть немного подрасти, чтобы я мог постоять не только за себя, да и не женится никто в четвертом или пятом классе... И среди зимы, сначала как далекая музыка, а потом все ближе и ближе стали звенеть весенние воды... Я их воспринимал не только шумящим, мутным потоком за нашей деревней, который перейти даже из взрослых никто не решал, а что уж говорить о нас, мальчишках. Смотреть на наши весенние воды бывает страшно, так грозно они шумят под горой и возле леса, так пенятся, такие создают воронки, зверем бросаются на берег, возле каждого препятствия поднимают фонтаны мутных брызг, отлетают и мчатся дальше. Слышно ночью, как на разные голоса, чаще всего звериные, низкие, ревет весенняя вода!..

Мур. уроки

А «Вешние воды» – совсем другие: всего два слова, но никаким стихам не сравниться с ними, вешние воды – в каждом из нас, мы с этим названием рождаемся, растем, влюбляемся... Сама эта повесть мне меньше понравилась, чем «Первая любовь», но я говорю о названии, которое как бы и придумать невозможно, – оно было всегда! Оно было растворено во всей нашей жизни, и увидеть его, назвать словами, да еще такими, на первый взгляд, очень простыми, невыдуманными... мог только один человек в мире – Иван Сергеевич Тургенев!

12

Мне иногда казалось, что Нюра из-за меня не выходит замуж – никто столько, как она и я, в нашей деревне не читал, и это, конечно же, сближало нас. И, сколько я помню, ни с кем она так таинственно, со скрытой веселостью не переглядывалась, как будто звала куда-то, что-то хотела сказать мне – и не говорила. Может, не знала, как сказать, а может, боялась: если она сама или еще кто-нибудь услышит эти ее слова – что-то очень важное будет погублено навечно?

Отец не очень-то был доволен, когда я поступил на филологический факультет, и говорил мне: «Учителя из тебя все рано не получится, а книжки читать можно при любой профессии».

Нюра знала, как я не послушался отца, и еще таинственнее стала поглядывать на меня.

Чем больше я буду знать из книг и лекций профессоров, рассуждал я на первом курсе университета, тем скорее пойму, чего недоговаривали мой отец, Нюра, да и вся деревня. Говорилось о наших бедах с опаской, чтобы никто лишний не слышал. Для меня и, видно, для всей деревни была в этом какая-то большая тайна, которую кто-то всесильный, огромный, опасный, с тысячью глаз и рук караулил. Что-то ведь и отец мой, самый грамотный в нашей деревушке, тоже недоговаривал или не знал и недоволен был «каким-то поветрием», которое путает карты и мешаает жить.

В книгах, я был уверен, найду ответ, и обо всем этом поговорим с отцом и, конечно, с Нюрой и ее родственниками. Книжки помогут разобраться, что же происходило до войны и после войны в городе и в деревне, найдутся нужные слова, которым Нюра, я в этом не сомневался, обрадуется, удивится и расскажет то, чего она никому не рассказывала... И тут примешивалось что-то такое, что было не только близкими отношениями между мужчиной и женщиной, а что мешало этим близким, желанным отношениям, и даже более того – уничтожало их!

Кто только из студентов моего курса куда не уезжал летом – посмотреть Москву, Ленинград и вообще – мир посмотреть! – а я сразу же после экзаменов мчался в свою деревню, хоть и зимой был на каникулах, и с Нюрой виделся! Она все еще была не замужем, и чего только по этому поводу я не передумал!

Год от года она делалась интересней: что уж говорить обо мне, на нее заглядывались мужчины не только из нашей деревни и даже женщины. Подчеркивали в ней все: тонкую, как у нас говорят, осиную талию, и всю фигуру с той особой полнотой, которая угадывается, будь Нюра хоть в самой широкой и длинной юбке! Смелый, открытый взгляд черных, слегка прищуренных глаз, затененных длинными ресницами, и загадочная улыбка, как будто оценивающая того, кто на нее смотрит, и заставляющая похотливый мужской взгляд сменить на покорный и восторженный...

Сразу же замечу: узких и коротких юбок тогда в деревне не носили, а про джинсы и говорить нечего – в них-то нынче каждая замарашка старается подчеркнуть свой зад, которого у нее, можно сказать, нету.

Я замечал: Нюрой женщины любовались, но не завидовали ей – им нравилось видеть себя в Нюре незамужними и такими же красивыми и беззаботными... Ну, какие могут быть особенные заботы у молоденькой деревенской красавицы, если она не замужем? И чего сидеть в девках? Про своих, ладно, примелькались. Из со-

седних деревень такие парни сватались, и ни один не пришелся ей по сердцу... Ну вот чего ждет? Одних такое Нюрино поведение начинало сердить, другие заступались: молодец, за кого попало не пойдет, не то что мы – обрадовались, выскочили, а теперь и бросить жалко, и жить никаких сил нету, терпишь ради детей. Каких только пересудов не было, доносились эти разговоры до Нюры – она не обижалась, и сама, наверное, не объяснила бы, почему никто не мил ее сердцу, и даже не так: хороший молодой человек, видный, из хорошей семьи, а чего-то в нем не хватало... Может быть, того, о чем она вычитала в книгах?

Приеду домой – она не замужем, и мне опять кажется – из-за меня! Разница-то у нас в годах небольшая – всего четыре года, – да еще вот какое чувство прибавилось: я как будто по возрасту стал догонять Нюру: она оставалась все такой же молоденькой, с каждым годом все лучше одевалась, ярче, даже мои сестренки удивлялись: для кого она так старается?! Я, слушал их, краснел, волновался, старался выглядеть старше. И однажды от Сонечки услышал: «А вот для кого!» – проговорила она строгим учительским голосом и указала на меня, из чего я мигом заключил: не верит она в мои серьезные отношения с Нюрой!

13

Сонечка, конечно, не знала, что я дважды побывал в гостях у нашей соседки, не видела, как Нюра обрадовалась, когда я зашел к ним на другой же день после выпускного вечера! Для меня было хорошим знаком, что Нюра вышла из дома, открыла калитку и до крыльца шла рядом, как с равным. На крыльце я остановился, оглядывая ограду, которая и так мне была знакома до мельчайших подробностей: столько лет я рассматривал ее со всех сторон! Была она просторнее нашей, приземистый амбар, высокий, подновленный сарай на красноватых листовенных столбах, большая баня по-чистому, изгородь из тонких бревешек – все было надежным, крепким, вечным. Кольцо у калитки, скованное в нашей кузнице, нисколько не отличалось от заводского... С улицы еще мальчишкой я много раз брался за него, чтобы открыть калитку, но что-то меня останавливало: красотой и строгостью веяло от дома, от калитки и от кольца, искусно скованного Михаилом Кофтоноговым, – не видно было, где оно соединилось! Гладкое, поблескивающее, приглашающее взяться за него!

Поднявшись на крыльцо, я объяснил Нюре, что давно собирался зайти, да все как-то не решался – боялся, что плохо буду встречен.

– Я всех одинаково встречаю, – проговорила она, даже летом как будто слегка простуженным голосом.

Я огляделся, надо было удостовериться, что меня слышит одна Нюра, и, вместо того, что думал, сказать настолько не те слова, что даже сам их испугался.

– Разве меня надо встречать как всех?

Нюра медленно повернулась от двери, которую не успела открыть, в глазах у нее – веселые искорки!

«Сейчас она меня обсмеет, и все лето у меня будет испорчено!..»

– А как тебя надо встречать?

– Так же, как я тебя.

– Может, скажешь, как ты меня встречаешь?

– Смотрю на тебя, пока не скроешься, и в это время никого и ничего вокруг не замечаю!

– А зачем смотришь-то?

– Ты же моя соседка! Я уже привык к тебе... И еще не только поэтому.

Дальше я не знал, что сказать, да и чувствовал: лучше не говорить самого главного, чему, мне казалось, нет названия.

– А что еще? – не переставая улыбаться, нежнейшим голосом спросила она.

– В другой раз скажу, – пообещал я, не очень-то уверенный, что в другой раз смогу объяснить, что же я к ней чувствую.

Мир прогов...

Мир праздн

Она неожиданно рассмеялась, довольная моим ответом, широко распахнула двери в сени, потом – в избу, и попросила первому переступить высокий порог, с обеих сторон которого лежали круглые разноцветные половики. В доме было настолько чисто, что я не решался проходить в ботинках дальше. Она легонько подтолкнула меня на середину прихожей, а сама тут же с каким-то веселым удовольствием сбросила с ног разношенные, но все равно хорошенькие туфли. Я видел ее в этих туфельках, когда они были новенькие, и как ловко она в них отбивала на танцах в клубе!

– Посмотри фотографии, книги, журналы – ты же любишь все это, – а я на стол приготовлю. Уж сегодня-то тебя и в самом деле надо встречать не как всех: ты, можно считать, первый раз у меня в гостях, а главное – среднюю школу окончил, аттестат зрелости получил! Теперь у тебя полное право не только подглядывать за мной, а даже влюбиться в меня!

Она перестала заниматься столом и с таким интересом ждала ответа, что отмолчаться никак нельзя было, и я признался, что влюбился в нее еще в первом классе, и только недавно мне стало известно, что все мои домашние знали об этом и никто не смеялся.

– И твой отец знал?!

– Отец – в первую очередь.

– И ничего тебе не говорил?

– Напрямую – ничего.

– А сейчас? – улыбка не сходила с ее лица, взгляд – прищуренный и тоже веселый.

«Неужели она только смеется надо мной?»

Она увидела мою растерянность, убрала шуточный тон, глубоко, с переживанием, вздохнула, глядя куда-то помимо меня, быстро села на старинный, но все еще крепкий диван, доставшийся, она сказала, от ее бабушки.

– Мы на нем редко сидим – только по праздникам!

Она почти сразу же поднялась, легко коснувшись рукой моего колена. Мне расхотелось смотреть фотографии на стенах, книги и журналы, расположенные на длинных самодельных полках возле уличной стены, – я был переполнен каждым ее движением, взглядом, выражением ее лица и всей фигурой сверху донизу, которую так близко видел впервые.

– Ты сказал дома, что к нам пошел? – спросила она за столом, который тоже был похож на старинный, сделал его еще до войны наш столяр Игнат Максименко.

– Не успел сказать, – напелся я, зная, что если буду слишком серьезным, то ей станет скучно.

– Станешь говорить, так еще не пустят, – в тон мне ответила Нюра.

– Кто не пустит?

– Твой отец.

– Почему ты так сказала?

– Он очень строгий.

– Разве это плохо?

– Я не в том смысле...

– А в каком? Скажи, если не секрет?

– Он в то же время добрый, всех оберегает. Меня – тоже.

– Как он тебя оберегает?

– Когда у него есть время, он обязательно со мной побеседует, совет даст.

Я и так знал, о чем он говорит со своими бывшими учениками, и все равно не удержался и спросил, надеясь услышать что-нибудь такое, о чем он мне никогда не говорил.

– Его слушать всегда интересно! Я другой раз смотрю на него и думаю: «Был бы он помоложе, ну и, конечно, холостой, пошла бы за него замуж!»

Я тут же перевел ее слова в свою пользу: мой молодой отец – это, конечно же, я! Вот так говоря об отце, она призналась в своем чувстве ко мне! Или я ошибаюсь?

– Ты ему не сказала об этом? – сам не знаю, как у меня вырвались эти слова.

Она пристально посмотрела на меня.

– Как же я могу сказать, и – зачем?

– Мне же ты сказала. Знаешь, как приятно было слышать?

– Тебе – одно, а ему – совсем другое. Таких внимательных, Коля, добрых, умных, как твой отец, я больше никого не знаю. Как он на все находит время?! Ты стал постарше и говоришь почти таким же голосом, как твой отец. Только у тебя голос не совсем такой – обещает что-то радостное, невозможное... Может, потому, что ты моложе? Я, когда слушаю тебя, даже теряюсь, никак не могу понять, почему он на меня так действует? Я даже как-то подумала: что бы мне такое сделать, чтобы стать на четыре года моложе?!

– Тебе не нужно, – мигом ответил я.

– Скажи, почему?

– Ты с каждым годом и так делаешься моложе, а я – старше. Это же видно.

– Кому видно-то?

– Мне, да и всем.

– Я об этом больше ни от кого не слышала. Так же не бывает.

– Почему не бывает, только мы не знаем об этом.

– Ты это придумал, чтобы успокоить меня?

– Зачем же мне придумывать, когда все так и есть, и даже еще лучше, чем я говорю.

– Беда мне с тобой, – как-то уж очень по-деловому и в то же время радостно проговорила она, блестя своими черными, с длинными ресницами глазами, такими глубокими, разрешающими мне утонуть в них и остаться там навсегда. И только ее слова, сказанные следом спокойно и рассудительно, не позволили мне сделать этого. – Отец твой говорит ясно, почти всегда удивляешься, как это я сама не догадалась раньше. После разговора с ним жить становится легче, интереснее. А ты заведешь меня в какие-нибудь дебри, я это чувствую.

– Так что же мне делать? – с тоской, граничащей с отчаянием, тихо поговорил я, не отрывая взгляда от ее как будто все расширяющихся глаз, носа и в особенности – рта, ее полноватых, спелых губ, к которым меня тянуло все сильнее, и я каким-то чудом удерживал себя, чтобы не встать и, забыв обо всем на свете, поцеловать ее именно в губы. Она, видно, это почувствовала, подвинулась ко мне, наклонилась и, как старшая младшего, поцеловала в щеку.

Я сказал:

– На выпускном вечере одноклассница поцеловала меня в щеку, но это было совсем не то.

Она обеими руками повернула мою голову к себе и поцеловала во вторую щеку. Голова у меня закружилась, я потянулся к ее губам, она отстранилась, но не резко, а плавно, как будто нехотя. Села на свое место, то есть чуть-чуть отодвинулась, и неуверенным голосом, поддразнивая меня каким-то особенным выражением прищуренных и, как в самом начале, насмешливых глаз, сказала:

– Прямо не знаю, что мне с собой делать... Может, ты знаешь?

Я с восторгом смотрел на нее, не представляя, что же я скажу в одну из лучших минут моей жизни?!

Нюра, подвинувшись ко мне, ладонью прикрыла пальцы моей правой руки, медленно сжала их, и, не помню, я сам или она глубоко вдавила их выше своих коленей, где-то возле самого живота, обдавшего мою руку горячим теплом, и тут же едва слышно попросила:

– Не надо, не отвечай.

Мир иродов

Отстранилась от меня и с удивительной быстротой, как будто боялась куда-то опоздать, из старинного самовара налила себе и мне чаю в большие фарфоровые чашки.

Через две-три минуты, что-то вспомнив, поднялась из-за стола, заглянула в окно, из которого было видно дорогу за мостом, так же торопливо и на полном серьезе сказала:

- Надо было налить в маленькие!

- Почему? - не понял я.

- Скоро отец из леса приедет.

Я постарался успокоить ее:

- Чай не очень горячий, я его быстро выпью.

- Я так же сделаю, - раздумываясь, скорее всего, не от чая, сказала, что же ей делать с собой. Никакие мои слова не могли сравниться с моими чувствами - к ее голосу, к ее до удивления простым словам, за которыми скрывается какой-то более глубокий смысл, прямо противоположный тем словам, которые были сказаны, и от этого она делалась еще более загадочной и привлекательной. Не по этой ли причине говорила она мало, куда больше говорили ее глаза, глубокий или короткий вздох, походка, от которой у меня кружилась голова и сильнее билось сердце, и разом охватывала радость, что вижу ее, и печаль, что вот сейчас мы расстанемся...

14

По тому, как заторопилась Нюра, сказав, что вот-вот должен появиться ее отец, я понял, что мне надо тоже поторопиться, чтобы не встретиться с Федором и, скорее всего, уйти не через калитку, а с Нюриного огорода перелезть через коротенькое прясло в свой огород, - и получится, что я как будто и не был у Истоминых. Я так бы и сделал лет пять назад, а нынче, да еще после такого Нюриного приема, после которого я, можно сказать, был на седьмом небе, и, конечно, чтобы не подводить Нюру, я и должен был так сделать, - пройти быстрыми шагами и легко, даже как будто весело перескочить через прясло в свой огород. Я не то чтобы так осмелел и мигом решил про себя ни в коем случае не спасаться бегством, - но в моем мозгу молнией пронеслось: я так и останусь для нее мальчишкой, а я уже считал себя вполне взрослым, готов был к любым неожиданностям. И к встрече с Федором у него дома был готов, и не боялся даже поспорить с ним, если мы в чем-то не сойдемся: все-таки у отца прошел я подготовку немаленькую! Но в то же время у меня не было никакого желания о чем бы то ни было спорить с Нюриным отцом. Со своим я хоть и не во всю силу, но иногда вступал в словесный поединок, а с Нюриным - зачем, наоборот, я постараюсь выслушать любое его недовольство и, может быть, сумею сказать ему что-нибудь хорошее, такое, чего ему никто из соседей не говорил, кроме моего отца, конечно. Но я скажу как-нибудь по-другому...

Да ведь и Нюра, если я сейчас сбегу, так и будет смотреть на меня, как на пятиклассника! И важно было еще вот что: к «деду Федору» я никогда не относился плохо: я хотел понять, почему он не такой, как все, и тут же прибавилась еще одна мысль: мне ни разу не удавалось рассмотреть его получше - все как-то издалека получалось! А если оказывались близко, то он не давал себя рассматривать своим каким-то очень сильным взглядом из-под разломчатых бровей, из-за которых, наверное, взгляд его казался еще более хмурым, чем это было на самом деле? Целиком, всю его коренастую фигуру я видел, а подробнее всмотреться в лицо не удавалось - он тут же, как нарочно, отворачивался. Ходил он не торопясь, а исчезал от моего взгляда быстро, и я не мог понять, как это у него так ловко получается. Мне другой раз казалось, что он играет со мной в прятки, подсмеивается надо мной, и я привык к тому, что он видит меня из своей ограды или еще откуда-нибудь, а я его - нет!

С Нюриной-то бабушкой понятнее было: она плохо видела, часто бывала недовольной, особенно нами, ребятишками, хотя в ее огород мы никогда не лазили, и только с проулка, когда идешь на реку, срывали у них маленькими веточками спелую черемуху, которая была ряснее нашей, крупнее и слаще. Это ведь сколько народу проходило к реке, ломали черемуху, а она, наперекор всем, разрасталась еще гуще!

Между толстенькими стволами была удобная скамеечка, возле которой с весны появлялся маленький столик, защищенный настолько густым шатром черемухи, что даже в ливневый дождь скамеечка оставалась сухой. На ней любили сидеть не только в жаркий день не сами Истомины, а гости из Черемхово и откуда-то совсем издалека, и все больше девчонки. Они тем, кто тянулся к черемухе, делали замечание таким приятным голосом, что никто ни на кого не сердился, деревенским только хотелось посмотреть, кто это такой вежливый сидит под черемухой? И у некоторых, я это видел, рука приостанавливалась – отказывалась срывать веточку, а всего лишь притрагивалась к ней. За черемухой в густой траве виднелись редкие и оттого еще более зовущие к себе высокие цветы иван-чая, клевера, медуницы, и какие-то еще незнакомые цветы по краям дуговой дорожки, ведущей к колодцу и бане.

Одну из приезжих – Лиду, мою ровесницу, я видел каждое лето, и больше всех она любила сидеть на этой скамеечке среди замерших, поникших от жары листьев черемухи, яблони и откуда-то привезенной и росшей только у них желтой акации. (Через несколько лет акация будет расти и возле нашего дома, но я уже в это время буду жить в городе.)

Я как-то подумал: мне бы бегать за Лидой, двоюродной Нюриной сестренкой, они и похожи были, только Лида чуть пониже ростом, громче, веселее и быстро говорила – так и казалось, что она тебе делает выговор, как только ты обратишь на нее внимание, – смотришь дольше, чем тебе полагается... Как будто угадывала, что ты о ней вот сейчас подумал. Как ловко убегала она вечером от кого-нибудь из наших! И мне запомнился один ее громкий, возмущенный и в то же время радостный выкрик, когда ее у самой калитки сумел догнать и прижал к себе мой двоюродный брат, самый рослый и сильный в нашей компании, хотя был он старше меня всего на один год. Я помню, как торопливо, будто у нее, научился, что-то говорил он ей, старался убедить в чем-то, и ведь она слушала его... У меня вот так догонять ее, так дерзко схватить и прижать к себе не хватило смелости. Я даже один раз подумал: почему он, а не я, догонял ее, и тут же отбросил эту зачем-то промелькнувшую мысль, довольный, что мне не нужно догонять Нюру, мы и так встретимся, и говорить будем не торопясь... Нюра для меня, если ее сравнивать с черемухой, – спелая, черно-поблескивающая, ее можно съесть много, пока не заболит сердце, а Лида – зеленая!

Гость номера

Татьяна Суровцева

Родилась в рудничном поселке в Забайкалье. Писать стихи начала с 11 лет. После окончания средней школы окончила Иркутское областное культурпросветучилище, библиотечное отделение. Затем училась на Высших литературных курсах при Московском литературном институте им. А.М. Горького. Автор поэтических сборников «Остров веры», «Северная песня», «Крылья судьбы», «Снежные птицы». Член Союза писателей России с 1998 года. Бесменный руководитель молодежной литературной студии «Лист». Живет в Иркутске.

ЭЛЕГИЯ

Не уходи. Пусть утро в окнах
Седой маячит головой,
Блестит асфальт, и тополь мокнет,
Дрожит и светится листвой.
Пока шампанское в бокале
Холодным искрится огнем,
Пока слова не перестали
Быть чудодейственной, чем днем, -
Не уходи. Ведь нам не часто
Приносит время радость встреч.
Звучит над городом молчащим
Дождинок сбивчивая речь.
Грохочут в трубах водопады,
Покорно падает вода,
Мерцают капли, как разряды,
На оголенных проводах...
Прекрасен мир дождливой ночи:
Он отрешен от суеты
И полон запахов и сочной,
И полнозвучной красоты!
Часы глубокого покоя,
Черты любимого лица...
И жизнь бессонною рекою
Течет до звёздного венца.

***

«Спасибо за то, что ты есть...»
Печальной судьбы посредине
Такая неожиданная весть:
Спасибо за то, что я есть.
А кто я – морская звезда?
Багульник, расцветший на льдине?
А что я – живая вода
Для жаждущей вечно пустыни?
И нас не любовь, а беда
Столкнула на самой стремнине.

И сказано слово твое,
Как будто пред вечной разлукой...
Я вздрогну от странного звука:
Мечта ли, надежда ль поет,
Чтоб нас заманить в глубину,
Своим волхованьем окутать,
С реальностью сны перепутать,
А после – обрушить волну...

Да полно вам выдумки плестись.
Вот сердце – для песни и пули.
Сегодня все бури уснули...
Спасибо за то, что ты есть.

В НАЧАЛЕ ЛЮБВИ

День начинался с утреннего ветра
Над прозеленью выпуклого льда,
С больших дымов, стеклянно-ломких веток,
С души не утоляющего света,
Студеного, как в проруби вода...

День начинался – вечно суетной,
Обычный день, но в варежке холодной
Я пронесила улицею людной
Твоей руки чуть ощутимый зной.

Внутри меня, в глубокой тишине,
Колосьями слова произрастали –
Их тонких стеблей не касался снег,
Они ломались, но не умирали.

Они слагались в музыку,
Они
Позванивали в стройном напряженье!
В них было все, и города круженье,
И невозвратно прожитые дни.

Что это было? Вовсе не любовь –
Высокий лад новорожденной дружбы...

С каким трудом одолевает стужу
Чужой души едва понятный зов!

Гасит кошера

* * *

Пахнет улица свежим снежком
 Да каленым кедровым орехом.
 За полозьями струнное эхо
 По морозцу бежит босиком.

Славный вечер для звезд и стихов!
 И душа, от страстей остывая,
 В черном небе одна проплывает,
 Не пугаясь ночных облаков.

Благодарствуй, сестрица-зима!
 Мне с тобою спокойней и проще.
 Свист лыжни - твой стремительный
 росчерк,
 Жизнь легка, как пустая сума.

В эти ночи, восторженно-ярок,
 Из-за южного края земли
 Входит Сириус, словно подарок
 Всем живущим - вблизи и вдали.

Светлый Сириус, пламя со льдом!
 Стань мне высшей мечтой и надеждой,
 Чтоб душа, бесприютная прежде,
 Не блуждала в морозе седом.

ИМЯ

Гаданье старое: кольцо на дне стакана,
 Свеча и зеркало - и тени на стене...
 Мне имя русское, крестьянское: Татьяна -
 Простая вышивка на грубом полотне.

За штормом Времени - мерцание лампы,
 Надежды девичьи да женская тоска.
 Да ожидание единственного взгляда,
 Да снег с плеча его смахнувшая рука.

А эта девушка над книгой Ричардсона,
 Где меж страниц засушены цветы, -
 Сестра? Соперница? Ревниво и влюбленно
 Гляжу в далекие, знакомые черты

Мы чем-то связаны - не кровным,
 но сердечным,
 Над чем не властвуют пространства и века.
 Зима в лицо мое пылит
 холодным встречным,
 и дремлет в варежке горячая рука.

* * *

Мне славно жилось той зимою:
Два светло-холодных окна,
Метель голосит за стеною,
Кольшнется снега стена,
Прносятся снежные птицы
И снежную песню поют,
Летят ледяные зарницы
И дымные тени снуют.

И в этом метельном мельканье
С любимой книгой в руке
Я, как в штормовом океане,
Жила на своем островке.

И в этом мельканье метельном
Под мягко светящийся снег
Душою моей безраздельно
Владел девятнадцатый век.
И, словно педаль клавикордов,
Скрипела замерзшая дверь...
Я воду носила, и в ведрах
Плескалась живая форель!

При солнце, что ярче малины,
При ветре, студеном, как лед,
Мне снилось: княгиня Мария
Навстречу метели идет.
Идет, предвещая денницу,
Навстречу судьбе и молве,
И пушкинский стих, словно птицу,
Под шубкой несет в рукаве!

СТИХИ В СЕНТЯБРЕ

Какое утро! Лед в стакане...
Река дымится без огня.
Сегодня ль, завтра -
Время ранит,
Нерасторопную, меня?
И далеко ль теперь до снега?..
Но я сегодня о другом:
О том, как щедро льется небо
На все, текущее кругом,
На все изменчиво - земное,
Живой и вечный, льется свет.
А листья цвета зла и зноя
Ложатся в мой недавний след.
От повседневности украдкой
Я остаюсь наедине
С осенним легким беспорядком,
С хрустящим полуднем;

Госит
номера

И мне
Легко - не видеть и не слышать
Глухого грохота колес
За робким шелестом над крышей -
Тишайшей жалобой берез.

***

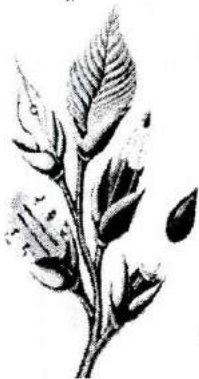
Ничего,
Никого,
Никогда
Не забуду из лет облетевших.
Все со мной: молодая вода
Горной речки - дикарки безгрешной,
И рудничная грубая бьль,
И за нежность жестокая плата...
Все, в чем я без вины виновата,
Все, что случай когда-то убил.
Тем, быть может, и жизнь хороша,
Что не вычеркнуть дела и слова:
Все к тебе возвратится, и снова
Улыбнется и вздрогнет душа.

Не отречься от прожитых лет,
Не догнать убежавшую воду,
Но не гаснет особенный свет
Над особенным временем года:
Школьный сад сентябрем занесен,
Репетиция, музыка,

Поздно...

Мы читаем по листьям и звездам:
Будет счастье - для всех и во всем!

...Тех забот золотая руда
Стала пылью. Но разве напрасно
Так же нежно, тревожно и страстно
Те же звезды глядят сквозь года?!

Сергей Стерх

Родился в Иркутске.

Окончил Иркутское театральное училище, актерский факультет. Затем работал в драматических театрах в городах Хабаровске, Махачкале, Павлодаре и др.

Пишет пьесы, рассказы, эссе, стихи. Публиковался в газетах «Губерния», «Позиция», «Земля» и др. Живет в Иркутске.

СТЕПАН ПОТАЛЫЧ, или ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

Трагический фарс

*«В России смеются только комедианты,
льстецы или пьяницы»*

Маркиз Кюстин

Действующие лица:

Степан Поталыч
Валя Костылькова
Аделаида Ивановна
Женя Богорад
Аслан по кличке Абрек.

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Сцена представляет собой двухэтажную современную квартиру, отделанную по последнему слову евро-дизайна. И вообще, по всей обстановке ясно, что живут здесь люди страшно далекие от прожиточного минимума. В центре комнаты на стеллажах красуется коллекция бутылок разных форм и столетий. Где-то вдалеке звучит кабацкая музыка, начала двадцатого века – скрипка и фортепиано. Мелодия типа:

«Когда я пьян, а пьян всегда я. Ничто меня не утрашит...». В комнате появляется Валя, девушка лет двадцати. Она в шортах и короткой майке, на лбу у нее красуются очки для подводного плавания, в руках довольно крупных размеров то ли кувшин, то ли бутылка, изготовленная явно не в двадцать первом веке. Девушка устала, она ставит сосуд посреди комнаты и очищает его от водорослей и ила.

Валя: Ну, мать, конечно, обалдеет, да и Женька тоже. И кто вообще не обалдеет тут? Фу, какая гадость! (Отрывает руки от или и задумчиво смотрит на пробку кувшина – бутылки.)

Так, если он такой тяжелый, внутри, конечно, что-то есть. Небось, старинное вино. О! Вау! Оттопырится по полной!

(Бежит на кухню и возвращается оттуда с большим столовым ножом и штопором. И пытается старательно вскрыть старинный сосуд).

Валя (напевает): Сим-сим, отдайся, сим-сим, откройся (но все ее попытки тщетны).

Валя: Да, видно, здесь нужна мужская сила. (Звонит по телефону).

Валя: Не целуй меня нигде, у меня прыщик на губе. Привет, Женька! Ты уже отработал? Ну, типа, слушай, ты сейчас приторчишь! Короче, я сегодня последний раз на Юности нырнула. Ну, хотела, чисто, уже уходить, гляжу – на дне очертания чего-то, ну, еле вытащили, мне парни помогли, бутылка такая старинная, ваще. А открыть вот не могу. Ну, приходи, поможешь, ну и свою бутылку, конечно, приноси, ну, давай (с досадой смотрит на находку, а точнее на ее пробку).

Валя: Так, это не сургуч, а какая-то особенная смола, а если я оболью ее спиртом, чистым медицинским. (Достаёт из трюмо пузырек и выливает на пробку. И тут начинают происходить совершенно непотребные вещи. Гул пьянящего кабака усиливается. Слышен пьяный женский смех, звук потасовки, звон разбивающейся посуды, нечленораздельное бормотание и страшный мужской рев. Сосуд в руках у Вали начинает метаться в разные стороны. Затем вырывается из ее ладоней и летит куда-то за портал. Вся комната наполняется то ли паром, то ли дымом, свет в комнате то меркнет, то опять возникает. Из боковой кулисы появляется здоровенный мужчина, старше среднего возраста. Одет он, как одевались обычно приказчики начала двадцатого века. Впрочем, косоворотка его разорвана, борода, усы и волосы всклокочены. Под глазом синяк. Приличнейший

синяк. Глаза его кроме беспредельного ужаса и безумия ничего не выражают. Так как он сто лет просидел в кувшине, координация движений сильно нарушена, его мотает из стороны в сторону. И тут взгляд его остановился на Вале).

Валя: Так вот ты какой, Гарри Поттер!

Степан Потапыч (сипло): Кто? Кто я такой?

Валя: Ну, ваще, я не знаю, я вот Валя Костылькова. Студентка мединститута, дочь своей матери.

Степан Потапыч: Врешь, ой врешь! Я знаю, демоница ты. Вон и одета по-срамному. Вот и четыре штуки глаз-то! Изъиди!

Валя: Да какие глаза-то, протри свои, вот чисто конкретные очки, чтоб под водой видеть, короче, на дне Ангара я твою бутылку нашла. (Осторожно). Ты ведь из бутылочки?

Степан Потапыч: Я из бутылки? Да ты что! (Наступила неловкая пауза). Стой, погоди, Ангара, ты сказала? Так, значит, это город...

Валя: Иркутск, естественно, столица Восточной Сибири.

Степан Потапыч: Нет, не может, нет, это невозможно. (Он подбегает к окну, глядит на улицу и почти орет.) Да вон же церковь Крестовоздвиженская. Меня же в ней крестили! А это улица Средне-Амурская. (Слышен шум подъезжающего трамвая. Степан Потапыч бледнеет, сползает на пол, чуть не плача). Меня же в ней крестили, как же так? Как могут конки двигаться без лошадей?! Да нет, не в рай же я попал! Да нет, ну это ж невозможно! (Пока незнакомец стонал и плакал, Валя принесла ему чашку кофе.)

Степан Потапыч: А это еще что?

Валя: Бразильский кофе, пейте.

(Степан Потапыч нюхает содержимое чашки и слегка отхлебывает.)

Валя: Да никакая я тебе не демон, я уже сказала. Сейчас еще, ну, типа, мой бойфренд придет. А он одет во все белое, а демоны белое не носят.

Степан Потапыч: Шалишь, шалишь, я ваши бабские увертки изучил, меня не проведешь. Подумаешь, весь в белом.

Валя: (В сторону зала). Вот шиз, ну как с ним говорить?

Степан Потапыч: Постой, постой, как его кличут, ты сказала?

Валя: Евгений, Женя, Женя Богорад. Вот видишь. У него фамилия какая, а ты все демон, демон.

Степан Потапыч: Да нет, не то, ты говорила, что его зовут мой, твой. А! Бой!!

Валя: Ну, это ж по-английски, означает друг мужского пола.

Степан Потапыч: По какому?

Валя: По-английски.

Степан Потапыч: Ну, я ведь говорю, ну точно дьяволица!

Валя: Ну, ты меня достал, конкретно! Ты лучше вспомни, что с тобой было, перед тем как ты попал в мою квартиру.

Степан Потапыч: Ну, я же говорю, что бой, вернее драка в кабаке случилась. Ну, знаешь, что на улице Большой-Саламатовской у тополей. Хотя откуда тебе знать-то.

Валя: Ну и чего?

Степан Потапыч: Ну и того, что Сенька долг мне не вернул и Петька тоже. А я долги простить не научен.

Валя: Ну, ну!

Степан Потапыч: Баранки гну. Драка началась. Тут кто-то меня сзади бутылкой и огрел, как видно этой. *(Поднимает бутылку, нюхает, передергивается и бросает ее за окно).*

Валя: Ты что, с ума сошел, а если ты в кого-нибудь попал?

Степан Потапыч: А кого жалеть-то? У вас тут сволочи одни! Я уж это чувствую, ей-Богу! (Крестится и вдруг замечает, что на нем нет нательного креста, одна тесемка). О Господи, прости! О Господи, прости! Теперь я понял, крест с меня сорвали, а он же был заговоренный. Да, точно, вспомнил. Говорили, кто-то бормотал: «Раз он в бутылку лезет, сволочь, так мы его туда засунем». И засунули, паскуды! Но крест! Но крестик!! (Вдруг подозрительно начинаешь смотреть в зрительный зал). Православные! Кто крест спер? Признавайтесь! Ничего не будет! Не то поушибаю!! Всех подзашибу! Сопротивляться будет не полезно!

Валя: Ты что сейчас сбуровил и с кем ты говорил, к кому ты обращался? Что, совсем скворечник сносит?

Степан Потапыч: Что там несешь, какой скворечник? Дура!

Валя: Твой, самый деревянный, его видать бутылкой повредили. Вот я за ней сейчас пойду, она ведь не разбилась и крест возможно там, на дне лежит.

Степан Потапыч: Сходи, девонька, сходи, мне-то боязно и неспадручно.

Валя: Ага, уже девонька!

(Валя уходит, Степан Потапыч встает на колени и начинает усердно молиться).

Степан Потапыч: Господи! Прости, Господи! И пресвятая Дева Мария, ангелы небесные. Я больше кашли в рот не возьму, не больше капли. Верните только меня взад, домой, из этого ада верните. (При этом он бьется лбом об пол с такой силой, что кажется, еще мгновение, и он провалится в нижнюю квартиру. Устав, встает и садится на диван, не заметив, что ладонью надавил на телевизионный пульт. Экран засветился в нем обстоятельный диктор, слегка улыбаясь, тараторил текст правительственных новостей).

Диктор: На этой неделе наш всеми любимый и всенародно избранный президент разогнул напрочь прогнившее и коррумпированное правительство. Такое непопулярное для некоторых субъектов решение вызвало всеобщее ликование всех честных россиян. Ура, господа-товарищи! Очередной взрыв потряс сегодня московское метро. Первыми на место преступления чеченских террористов прибыли мэр Москвы Рыльце-Пушков и министр чеченовычных ситуаций Сергей Негоницургу. Они гневно в сотый раз заявили, что виновные будут наказаны и такое больше не повторится никогда. Ура, товарищи-господа! (Экран погас, это вернулась Валя и нажала на пульт).

Валя: Ты че, совсем уже шизанулся, мы эту дрянь и то выключаем. Кстати, а как ты его включил? Эй, а! Вау! Да у него столбняк! Надо нашатырь ему понюхать. (Сует ему склянку под нос).

Подписи

Нет, точно обронзовел. Что делать? А если опять спирта попробовать? (Сует другую склянку. Степан Потапыч вздрагивает, моргает глазами и говорит шепотом).

Степан Потапыч: А? Где? Чего, это было?

Валя: Телевизор.

Степан Потапыч: Теле, чего?

Валя: Вот этот прибор, по нему картинки показывают всякие. Тот дядька, которого ты видел, находится вообще не здесь, а в Москве.

Степан Потапыч: Где? В какой Москве? В ящике он!

Валя: Это ты чисто конкретно подметил про ящик, мы его так называем. Вообще по этому ящику показывают новости там всякие, игры, песни, фильмы.

Степан Потапыч: Чегой-то?

Валя: Вот заладил. Ну, это, как его, синима, понял?

Степан Потапыч: А, «Прибытие поезда», слышал.

Валя: Ну вот, этот ящик и говорит и показывает, а есть, который только говорит. (Включает радиоприемник).

Диктор: Как заявил сегодня премьер страны Беспортоков: «Подъем экономики идет ударными темпами, жить с каждым месяцем становится лучше и веселее. Ура, господа-товарищи! (Валя выключает репродуктор).

Степан Потапыч: А чего это они уракают все?

Валя: Не знаю, мне это глубоко фиолетово. Наверное, установка такая была сверху!

Степан Потапыч: (шепчет). От Бога, что ли?

Валя: Да нет, приказ такой был президента.

Степан Потапыч: Зидента чего?

Валя: Ну, царя, царя. Царь у нас теперь так называется. Я потом тебе его покажу, его каждый день по телеку крутят. Вадим Вадимыч Всепутем.

Степан Потапыч: Не хочу я этого претендента. А царя, царя куда дели?

Валя: Свергли его, расстреляли, со всей семьей.

Степан Потапыч: Свергли царя, помазанника? Ироды! А детей, детей-

то за что? (Степан Потапыч бешено начинает носиться по комнате).

Валя: Революция у нас тут была, революция, понял? Кстати, зовут тебя как?

Степан Потапыч: Степаном Потапычем кличут. Революция как во Франции, что ли?

Валя: Так вот, Потапыч, у нас революция хуже была, намного хуже.

Степан Потапыч: Ну и чего, вы теперь после революции-то лучше жить стали?

Валя: Ну, это кто как, мы с мамой, например, неплохо. Тут, понимаешь... Дело в том... Тиша, как устроиться. Короче, долго объяснять. Ведь много времени прошло. Революция-то в 17 году была, потом культ личности, а потом застой, а потом перестройка, а затем пугч и всякие другие хренации. А сейчас вообще период вялотекущей шизофрении, я это тебе как будущий психоаналитик говорю.

Степан Потапыч (ревет): Тихо, а то у меня сейчас башка лопнет! (Подходит вплотную к Вале, смотрит ей в глаза и шепчет). А какой сейчас год?

Валя: (Тоже шепотом). Две тысячи пятый.

(Степан Потапыч всем своим мощным телом хлопается на пол).

Валя: Ух, ты Господи, опять столбняк, что ли? Так, как нас учили? (Хлопает его по щекам). Искусственное дыхание рот в рот. (В этот момент в квартиру входит Женя с двумя бутылками, старой знакомой и шампанским. Немая сцена. Потапыч потихоньку приходит в себя и начинает поглаживать Валю по бедрам).

Женя: Это чего?

Валя: Где?

Женя: Это. Это, это, то, на чем ты восседаешь?

Валя: Евгений, ты фильтруй базар, я врач уже почти что.

Женя: Я вижу здесь совсем другое, почти что.

Валя: Нет, ты вообще притушил что ли? Человеку, короче, стало плохо, и я ему как врач помогаю.

Женя: (орет). А зачем он тебя лапает?!

Степан Потапыч: 100 лет! Ешь твою мать, сто лет!

Валя и Женя: Что?

Степан Потапыч: Я просидел там сто лет.

(Пауза).

Валя: А как это вообще может быть?

Степан Потапыч: Не знаю, я там как будто спал, ведь крест с меня сорвали.

Валя: Хотя вот Ленин тоже лежит уже почти столько же.

Степан Потапыч: Как Ленин? Вроде не слышал. А кто это?

Валя: Страной он правил после Николашки. Мне другое непонятно, как тебя вообще туда засунуть можно было.

Степан Потапыч: (орет). Не знаю, я не знаю, в мою гробину мать то!

Женя: Эй, вы, але? Я вроде еще здесь. Вы че тут, обкурились что ли? Причем тут Ленин и сто лет.

Валя: Ты Женечка, зачем бутылку эту подобрал?

Женя: Так мать твоя такие собирает.

Валя: Так вот, мой милый, этот гражданин из этой вот бутылки. (Забирает ее себе).

Женя: Ну да, ну да, теперь понятно, чего вы обкурились - анаши, и старики Хоттабычи мерещатся вам, и Ленины еще.

Валя: Ах да, а я-то думала, чего мне все это напоминает, Степан Потапыч - Старик Хоттабыч (хохочет).

Степан Потапыч: Эй, вы, какой еще старик? Да я любого молодого заламаю!

Женя: Да хватит, елки-палки! Валя, что этот бич болотный делает в твоей квартире?

Валя: Ширяемся мы тут и планчик курим. В натуре, ты дурак, говорят тебе, из бутылки. Я домой ее принесла, а он из нее полез, вылез, тьфу ты, вышел. Ну, я тебе звонила.

Женя: Послушай, Валя, я сам журналист, но то, что ты говоришь, не имеет ничего общего с реальностью. Это же фэнтези какое-то.

Валя: Да, ну если ты журналист, так вот и возьми у него интервью о

прошлом 1912 года.

Женя (профессиональным жестом достает из кармана диктофон): Так, а чего спросить-то?

Степан Потапыч: Чегой-то?

Женя: Не чегой-то, а что. А кто у вас был городской головой в 1912 году?

Степан Потапыч: Как это кто? Константин Маркович.

Женя: На какой улице находится Гранд-Отель?

Степан Потапыч: На Большой.

Женя: Кто был почетным горожанином?

Степан Потапыч: Варвара Петровна Тельх.

Женя: А иллюзион на какой улице?

Валя: Ну, хватит мужика насиловать, иди в ту комнату и на компьютере проверь. А мы давай с тобой шампусика дерябнем. На, открывай, тут технология не изменилась.

(Потапыч открыл, разлили, вытили).

Степан Потапыч: И это называется шампанское? Нет, это точно не ад, а дешевый бордель.

Валя: Ну вот, ты чисто конкретно и не харкай как верблюд в борделе. А знаешь, как у нас теперь называется досуг терпимости? Никогда не угадаешь. Центр досуга.

Степан Потапыч: Центр. Ха-ха. Как ты говоришь? Досуга? Ха-ха. Досуг для сук, хо-хо.

Валя: Ого, да ты, я вижу, поэт.

Степан Потапыч: Да нет, это так, случайно. Так что же, проституция у вас, похоже, процветает?

Валя: Да нет, официально нет. А вот в Москве, так там вся улица заполнена путанами.

Степан Потапыч (выпивая фужер): Кем, кем?

Валя: Валютными проститутками.

Степан Потапыч (допивая): Какими, какими?

Валя: Ну, просто шлюхами.

Степан Потапыч: Теперь понятно. А ты знаешь, за сто лет-то я отвык чего-то, крайне пьяным стал.

Валя: Да ты вообще, по-моему, пьянчуга!?

Степан Потапыч: Да ты че, я, знаешь, сколько хлобыснуть могу, дай Боже! (Прижимается к Вале). А ты вообще хорошенькая киска, я сразу не заметил. (Берет ее за талию и начинает танцевать).

Валя: Да, так уж не заметил, а за задницу хватал.

Степан Потапыч: Когда, когда, я даже и не помню, я был в беспамятстве, в столетнем сне я был. (Пытается ее поцеловать. Входит Женя).

Женя: Ах, Валя, ты опять?

Валя: Чего опять? Товарищ выпил, ну и немножко приторчал. А я, радушная хозяйка, не отказала ему в танце.

Степан Потапыч: (Из горла допивает шампанское).

Женя: (Про себя). Мою бутылку выжрал. Валя, иди сюда.

(*Двое на авансцене*). Ну, в общем, все совпало. Это или новый Калиостро, или тут действительно чертовщина какая-то. Но в любом случае я на нем как журналист себе офигенную карьеру могу сделать.

Валя: Тебе и так твой папик сделает.

Женя: Как ты не понимаешь!? То – по благу, а то – сенсация!

Степан Потапыч (пьяный): Из-за острова на стрежень, на простор речной волны выплывали расписные Стеньки Разина... (Засыпает).

Женя: Он че так опьянел-то?

Валя: А ты попробуй по сто лет не пить, не есть?

Женя: Ты скажи еще в туалет не ходить.

Валя: Не знаю, может быть.

Женя: Неси скорей фотоаппарат, сейчас его запечатлю.

(*Валя уходит. Женя начинает обходить спящего гостя кругами*). Да, дорогой товарищ, я на тебе карьеру сделаю, что надо.

Валя: Вот (протягивает фотоаппарат).

Женя: Внимание, вылетает пгичка! (Щелкает затвором. Степан Потапыч тут же просыпается).

Степан Потапыч: А это еще что? Не допущу! Вы думаете, я не знаю, что это такое? Вы думаете, мы в двадцатом веке все бараны были? Я в Москве бывал, я знаю. Физиогномию свою снимать я не позволю никому, грешно поскольку. Ну-ка дай-ка эту бесовскую штуку мне.

Женя: Ну ладно, ладно, ты не выступай, я журналист, понятно? И сфотографировал пришельца из прошлого. Твою пьяную морду в газете напечатают, а после и в журнале даже, ты станешь знаменит.

Степан Потапыч: Нет, я не в ладах с полицией давно, не допущу и не позволю.

Женя: Не смей, не подходи, а то я тебе так двину, не возрадуешься! (Принимает позу каратиста).

Степан Потапыч (Вале): А чей-то его так перекособенило?

Валя: (смеется). А он каратист.

Степан Потапыч: Каракатица, говоришь? Это точно. Сейчас он ей станет. (Наносит Жене страшный удар в челюсть. Женя с криком отлетает под стол, фотоаппарат в другую сторону. Степан Потапыч топчет фотоаппарат ногой).

Валя: Ой, что ты делаешь, придурок? Он же баксы стоит!

Степан Потапыч (гордо выпятив грудь): ниче ниче, мне можно, я пришелец.

Валя: Представляю, что теперь скажет мама.

Степан Потапыч: Мама? А что мама? Это ж пустяки, дело-то житейское. Что? Так у тебя и мама есть?! Эх, тру, ля, ля (начинает плясать в присядку).

ВТОРАЯ КАРТИНА

Музыкальная заставка (Сергей Трофимов)

Та же комната, за столом сидят Валя и Аделаида Ивановна, ее мать. Весьма импозантная особа возраста Степана Потапыча, немножко за пятьдесят, на ней шикарное платье

с глубоким декольте. Она курит сигарету в позолоченном мундштуке и слушает рассказ дочери. Аделаида Ивановна только что вернулась с Канар.

Аделаида Ивановна: Ну, ну.

Валя: Ну, типа, Женька его фотать стал, а тот чего-то взбесился, а Женька, короче, каратиста начал изображать.

Аделаида Ивановна: Ну, ну.

Валя: Ну, ну, колосья гну. Этот Степан как нашему Женьке вмондирит, тот, типа, с копытков и теперь у него сотрясение мозга, разбитая голова и выбитая челюсть.

Аделаида Ивановна: Так, ну и что этот пришелец делал еще всю неделю?

Валя: Что делал, что делал? Выпить просил, телевизор смотрел, все каналы, радио слушал, все газеты читал, которые я приносила. Ты знаешь, он прямо как губка, все впитывает, растет на глазах.

Аделаида Ивановна: Выпить, говоришь, просил? И ты приносила, конечно.

Валя: Ага, как же ему не принесешь. Я сперва три бутылки водки купила, он сказал, что это вода, после того как выпил, конечно. Я тогда ему чисто конкретно сказала, что кроме пива он вообще больше ничего не получит. Ну, пиво он, конечно, мочой назвал. Но пьет-то ящиками! И при этом нагло заявляет, что в его времена все было лучше.

Аделаида Ивановна: И он недалеко от истины. Да-с. А в половые акты ты с ним не вступала?

Валя: Ну, мама. Ой, прямо я не знаю!

Аделаида Ивановна: Знаю, вот именно что я знаю. Тебя. Так, а что он сегодня делал?

Валя: Что делал, что делал? Каким-то образом научился открывать наш винный погребок, выпил две бутылки мартини, посмотрел матч ЦСКА - «Локомотив», причем болел почему-то именно за «Локомотив». Обрадовался победе, выпил еще одну бутылку, сейчас вон спит, наверху.

Аделаида Ивановна: Мило, очень мило. А что, о папашке нашем так и нет вестей?

Валя: Нет, могила.

Аделаида Ивановна: Вот чудило с Нижнего Тагила! Даже от жены и родной дочери затырился. Так, говоришь, вот это его бутылка? (Берет ее и рас-

сматривает). Чудненько, очень чудненько.

Валя: Я ж ее потом нашла, его крестика там не было. Ну, думаю, и пускай, типа, здесь валяется. Так Женька обратно ее приволок, мол, мать собирает такие.

Аделаида Ивановна: Прелестно, очень прелестно, занятный бутылек. Ты знаешь, дочурка, что я не верю ни в Бога, ни в черта и поэтому все допускаю. Но сейчас меня интересует только один вопрос: Чем может быть полезен этот, с позволения сказать, пришелец, если ничем - то прогоним его в шею.

Валя: Ага, его прогонишь!

Аделаида Ивановна: Знаешь, как пел в свое время Высоцкий: «Вот они подъехали, показали аспиду, супротив милиции он ничего не смог». А мне милицию вызывать не нужно. Мои ребята придут, грохнут его, а потом тихо вынесут. Самое главное, что его уже и искать никто не будет. Он уже как бы давно умер.

Валя: Ну, мама, прямо я не знаю, ты чего!?

Аделаида Ивановна: Как это чего? Да я вижу, тебе его жалко, уж не влюбилась ли ты?

Валя: Да при чем же здесь это. Вот Женька сказал, что он на нем карьеру сделать может.

Аделаида Ивановна: Ну, это его проблемы. Тем более, как видишь, твой... как там его?

Валя: Потапыч

Аделаида Ивановна: Да вот, Потапыч этого не хочет.

Валя: Это потому, что Женька дурак. Он деньги должен был ему предложить за интервью.

Аделаида Ивановна: Я уже сказала, это его проблемы.

Валя: Ой, мама, но он же конкретно может стать еще одним телохранителем.

Аделаида Ивановна: Он наверняка стрелять не умеет.

Валя: Ой, твои прямо умеют! Ни один из них себе в пипетку между ног не попадет. Ну, тогда вышибалой в твоём кабаке.

Аделаида Ивановна: Посмотрим.

Валя: А вообще-то он был приказчиком, значит, может стать менеджером.

(Звонит мобильник. Аделаида Ивановна отходит в сторону).

Валя: Ой, ой, тайны Мадридского двора!

(Входит поддатый Степан Потапыч, на нем шикарный костюм и туфли от Кардена. Он не замечает Аделаиду Ивановну подхватывает Валю, кружит ее и поет: «Ты бери меня скорей, увози за сто морей и получишь 10 лет, 18 мне нет»).

Валя: Отпусти скорее, мама здесь!

Степан Потапыч: Миль пардон, мадам.

Аделаида Ивановна: О, да мы еще французский знаем!?

Степан Потапыч: Не, это так, экспромт.

Аделаида Ивановна: Мило, очень мило, а что мы еще умеем?

Степан Потапыч: Я пацан продвинутый, мы все можем.

Аделаида Ивановна: Так, так, чудненько, очень чудненько. Я к чему это все спрашиваю, ты у нас живешь почти две недели, ешь сладко, пьешь горько, спишь мягко, это все надо как-то отработать. Ведь и в вашем времени была поговорка, за все надо платить.

Степан Потапыч: Базаров нет.

Аделаида Ивановна: Валя, иди-ка сюда. (Валя подходит). Ты что, ему и костюм уже купила?

Валя: Как же, купила. Это все, что осталось от твоего последнего френда.

Аделаида Ивановна: Правда! А я и забыла, что люблю крупных мужчин.

Валя: А я вся в маму.

Аделаида Ивановна: Брысь! Ну что же, как тебя зовут, я знаю, а меня Аделаида Ивановна, можно просто Ада.

Степан Потапыч: Ад! Где? (Боязливо смотрит в разные стороны).

Аделаида Ивановна: Ой, какой ты нервный!

Степан Потапыч: Не нервный, а богобоязливый.

Аделаида Ивановна: Ах, ну да, сейчас это стало модно.

Степан Потапыч: Это в ваше время модно, а в наше время было естест-

венно.

Аделаида Ивановна: Ну и что вы от этого имели, чем было от этого лучше?

Степан Потапыч: А все имели, всем было лучше!

Аделаида Ивановна: Например?

Степан Потапыч: Страна в ваше время разделилась на три категории: бандюги, чиновники и средне-статический народ.

Аделаида Ивановна: Ты еще олигархов забыл.

Степан Потапыч: Так это в сущности одно и то же, что бандюги.

Валя: Ой, Потапыч!

Степан Потапыч: Че Потапыч, ну че Потапыч!

Аделаида Ивановна: А вот я, например, на бандюга сильно похожа?

(Степан Потапыч понял, что сказал что-то не то).

Степан Потапыч: Нет, нет, конечно, интеллигентная, чудная женщина, милая.

Аделаида Ивановна: Ты посмотри, лицемер какой! Так вот, чтоб ты знал, мой милый, степень моего капитала составляет как раз ту самую сумму, которую привыкли называть воровской.

Валя: Ну, мама, это же не ты его сколотила.

Аделаида Ивановна: Уже и про это известно. У моего чада язык, оказывается, без костей!

Валя: Нет, ну чисто конкретно, он спросил, где отец, я ответила, в длительной зарубежной командировке. Я же не скажу ему, что меня в инкубаторе вывели.

Аделаида Ивановна: Да лучше бы там. Так было бы лучше!

Степан Потапыч: Нет, а че такое-то? У вас и фильмы каждый день бандитские кажут. Там, всякие «Бригады» и разные бандитские города.

Аделаида Ивановна: То, что есть по жизни, то и отражают. Правда, в жизни не очень-то так гладенько. А кстати, как тебе наш президент?

Степан Потапыч: Это который? Их у вас развелось как собак.

Валя: Ну, как же? Который, ну, Вова Всепутем.

Степан Потапыч: А, этот, с плешинкой. У него стеклянные глаза, и глядит ими он на всех как на надоевших мух или на комаров.

Аделаида Ивановна: А как тебе наш губернатор? Красавчик?

Степан Потапыч: Про него ничего не скажу, потому что вам очень не понравится мой ответ.

Аделаида Ивановна: Ты на него посмотри, он еще тут и дипломатию развел.

Степан Потапыч: Я же сказал, что мы много можем.

Аделаида Ивановна: И менеджерам работать, значит, сможешь?

Степан Потапыч: Кем, кем?

Аделаида Ивановна: Ну, приказчиком, приказчиком.

Валя: Ну, ты чего, еще не въехал?

Степан Потапыч: Да нет, въехал, все пучком и топ, топ.

Аделаида Ивановна: Ну ладно, может и вышибалой, а то нашего Костика к закрытию самого выносить приходится.

Степан Потапыч: Нет, вышибалой мы не можем, мы еще зашибем кого-нибудь.

Аделаида Ивановна: (стоя у окна). Да ты уже зашиб одного. Вот он, кстати, легок на помине. Ну и видок у него. Если ты у меня пить во время работы не будешь, все будет в порядке. Валя, иди сюда. (Ей тихо). Я сейчас в офис ненадолго, а он у нас жить не должен. Прочти газету объявлений и сними ему хату, мы первое время оплатим, а потом он сам будет, ты меня поняла?

Валя: Поняла, поняла. Да, такого мужчину в квартире можно иметь даже ради ее охраны.

Аделаида Ивановна: Что-то я не заметила, чтобы он походил на питбуля или ротвейлера.

Валя: Да ну тебя!

(Входит Женя). Здравствуйте, Аделаида Ивановна!

Аделаида Ивановна: Здравствуй, Женя! Ну, я поехала (Уходит. У Жени голова перебинтована толстым слоем бинтов, а под челюстью находится гипсовый воротник для восстанов-

ления оной на место. Говорить ему трудно).

Женя: Здравствуйте, Степан Потапыч! Я пришел вам сказать, что вел себя крайне свински!

Степан Потапыч: До таких, как ты, вообще доходит только после того, как им настучат по тылке.

Женя: У меня к вам, Степан Потапыч, предложение выгодного свойства.

Валя: Ну, я пойду «Все объявления Иркутска» прочитаю.

Степан Потапыч: Зачем?

Валя: Мать не хочет, чтобы ты жил у нас, приказано снять для тебя квартиру.

Степан Потапыч: Не, что значит не хочет, что значит, приказано, я с ней поговорю, она захочет. Она, конечно, согласится.

Валя: Да ты ее еще не знаешь. Ладно, пойду полистаю.

Женя: Так вот, у меня предложение выгодного свойства.

Степан Потапыч: Выгодного? Для кого?

Женя: Естественно, для нас обоих.

Степан Потапыч: Я слушаю.

Женя: Вы будете рассказывать мне интересные факты еще из 19 века, а я буду их публиковать под названием: «Записи воскресшего». А затем я соберу всех видных журналистов города. И вы воскреснете, то есть предстанете перед фото- и теле-камерами. О вас начнут писать солидные средства информации, может быть даже снимут фильм. Вас будут изучать медики. Вы будете зарабатывать очень приличные деньги. Я согласен на 50% от вашей славы.

Степан Потапыч: Это ты, что ли, выгнали меня из Ангары и открыл бутль?

Женя: Ну, я ведь буду заниматься вашей раскруткой!

Степан Потапыч: Как говорил один писатель моего времени: «Милостивый государь, позвольте вам выйти вон».

Женя: Ну, хорошо, хорошо, 40%.

Степан Потапыч: А если я еще раз двину тебе в репу?

Женя: Да, я совсем обсчитался, 30%

Степан Потапыч: Так, ну я сейчас встану и...

Женя: (Почти шепотом) 20%.

Степан Потапыч: Ну, вот на это я, пожалуй, уже могу согласиться. Я сегодня добрый.

(Женя достает диктофон). Ну, расскажите первую историю из вашей давней жизни.

Степан Потапыч: Так же же рассказать, не знаю даже. Зашли мы как-то с Сенькой и Петькой в кабак «У тополея», ну, знаешь, где, хотя откуда ж тебе знать то.

Женя: Ну, ну.

Степан Потапыч: Ты тут мене не нукай, ибо не запряг еще! Ну, значит, зашли, пару-тройку пива выпили с омульком, малосольным. Знаешь, еще так лучком присыпан, укропчиком, маслом полит, очень вкусно.

Женя: Я, конечно, извиняюсь очень, очень, ну это как-то не интересно.

Степан Потапыч: Че неинтересно? Че бы понимал? Разве у вас сейчас пиво или омулек? Как говорят в Одессе, не смешите мои тапочки!

Женя: Ну, хорошо, а что же дальше?

Степан Потапыч: Ну что же дальше? Очень просто, потом мы водочкой догонять стали. И тут в кабак зашла такая фря, такая фря!! Ну, я сказал, что я к ней за столик присяду, а Сенька говорит, что он, а Петька в ухо шваркнул, тот под стол, а Сенька между глаз отоварил, тот еще в стенку влетел и больше не встал.

Женя: И вы, конечно, с дамой ушли?

Степан Потапыч: Ага, уйдешь здесь, городской зацапал, я ж тебе говорил, что с полицией не в ладах.

Женя: А вы бы что-нибудь интересней рассказали, о своей работе, например.

Степан Потапыч: О работе, да что ж там интересного? Просто работаю у купца первой гильдии Жбанного. За подрядчиками наблюдаю, в общем за их работой. Короче, скукота. Но платил-то он хорошо, а то бы я давно в

цирк борцом ушел или гири бы кидал.

Женя: То есть как кидал?

Степан Потапыч: Ну. Кидал и ловил, че, никогда раньше не видел? А вот еще случай был, иду я раз по улице и вдруг вижу, какой-то жалкий купчишка не так на меня глянул. Я враз ему оба рога сшиб, а потом еще на нем поплясал, просто так, от души. А вот еще было...

Женя: Спасибо, спасибо, я как ни будь в другой раз, а то меня еще ждут в одном месте. (В сторону). Ты мне еще ответишь за издевку и очень скоро. (Уходит. Появляется Валя с газетой объявлений).

Валя: Ну вот, нашла, чисто приличная фатера и почти в центре города, поехали.

Степан Потапыч: А давай ты в первый раз одна, может не подойдет еще.

Валя: Слушай, ну надо же тебе рано или поздно выйти в город или хоть на улицу.

Степан Потапыч: Да не, я не за то. Ты пойми, я ж с похмелья, запах есть, эти там, которые, им не понравится.

Валя: Ой, финтишь ты че-то, Степашка, ишь глаз хитрющий?

Степан Потапыч: Как ты меня назвала? Степашка? Так меня только матушка называла.

Валя: Матушка? Ну, вот теперь и я тоже.

Степан Потапыч: Валюшка, ты моя мягкая игрушка. Мы с тобой еще много делов намолотим. (Приподнимает ее над собой и целует).

Валя: Ты че, правда в меня чисто конкретно влюбился, что ли?

Степан Потапыч: А то?

Валя: А то. Ну ладно, я побежала, ты не скучай. А вон на магнитофоне песня стоит про тебя. Как включать, ты знаешь.

Степан Потапыч: Сударыня, я ждать готов века вас!

Валя: Ну, типа, ваще! (Уходит).

Степан Потапыч: Ну, надо же было сто лет просидеть за стеклом, чтобы потом стать таким нужным, уникальным, раритетным, фигурой мадам Тюссо, пришельцем, наконец. В меня будут

вкладывать деньги, много денег. Я их буду иметь, всех их буду иметь. «Вижу что-то неладное в мире, нужно срочно заняться им». Хорошо сказал, правда не я, но это неважно. И я не пришелец совсем, я посланник, посланник небес. Безусловно. Надо что-то делать, надо что-то... О! Я погружу этот город в гие-ну огненную, да что там город.

Может, мир? Мир, точно мир! Ведь я же бессмертный, нет, точно бессмертный. Мне за сто лет ничего не сделалось. Я... Тутанхамон. Да, он. Ух ты, стих попер. Сколько же во мне всего наворочено, сколько я всего могу. Так, начнем с Аделаиды, будем через нее вкрапливаться в криминал. Да чего ж у нее имя поганое. Тьфу! Прости Господи! Да, да господа товарищи, вы у меня еще станцуете па-де-де с присядкой, вы у меня еще споете про белого журавля. (Подходит к телефону с записной книжкой). Так, как там номер-то набирать? Ах да, вспомнил. Ада, привет, это Степа! То есть как это какой? Потапыч. Да, да, нехорошо забывать квартирантов. Валя? Да, квартиру нашла, смотреть поехала. Почему я не с ней? Во-первых, я же выпивший, а во-вторых, у меня к вам разговор, нет, не по телефону. Нет. Ах. Так вы уже к дому подъезжаете? Ждем-с. (Потирает руки). Так какая там песня про меня? (Включает магнитофон. Звучит песня Высоцкого «Про джина». По мере ее исполнения Степан Потапыч отплясывает и краковяк с присадкой, и танец маленьких лебедей. Входит Аделаида Ивановна, выключает магнитофон).

Аделаида Ивановна: Ты что, ошалел? Пол проломишь.

Степан Потапыч: В моей душе сапсан клокочет и что-то хочет, явно хочет.

Аделаида Ивановна: Еще выпить?

Степан Потапыч: Нет-с.

Аделаида Ивановна: По городу погулять?

Степан Потапыч: Никак нет.

Аделаида Ивановна: Неужто ты в театр пригласить меня хочешь?

Степан Потапыч: Уже теплее, в смысле том, что все театр, а людишки головешки, трещат, покуда не сгорят.

Аделаида Ивановна: Ты в философию не ударяйся сильно, я это не люблю.

Степан Потапыч: Тогда я по-простому. Как сказал герой одной сказки: «Болтаю, болтаю, контрреволюция одна».

Аделаида Ивановна: Ну, уж на Шарикова ты уж вовсе не похож.

Степан Потапыч: Да, в прошлой жизни я Калиостро был и Казанова. (Бухается на колени).

Аделаида Ивановна: Эй, поскромнее, я это тоже не люблю.

Степан Потапыч: «О женщина! Сухая береста! Сноп огня, а следом - пустота...» Уж утро близится, а я у ваших ног.

Аделаида Ивановна: Я между прочим, Степа, не разведена. И если у нас вдруг... что-нибудь наметится и Абрек узнает, считай что с этого момента ты уже мумия, но вовсе не та, которая возвращается.

Степан Потапыч: Кто этот Абрек? Осетин?

Аделаида Ивановна: Нет.

Степан Потапыч: Грузин?

Аделаида Ивановна: Нет.

Степан Потапыч: Азербайджанец?

Аделаида Ивановна: Нет.

Степан Потапыч: Неужели чечен?

Аделаида Ивановна: Национальность его темна, так же как день его рождения. Имя тоже неизвестно. А потому Абрек, такое у него погоняло.

Степан Потапыч: Какое одеяло?

Аделаида Ивановна: Погоняло, говорю, то есть кличка. Я вижу, в твое время по фене ботали скромнее?

Степан Потапыч: Да я в своей камере за сто лет такого наслушался.

Аделаида Ивановна: Ты еще многое можешь увидеть, многое успеть.

Степан Потапыч: Ты к чему это? Я не понял?

Аделаида Ивановна: Да к тому, Степа, что ваша встреча с Асланом неизбежна.

Степан Потапыч: А такой вот у него есть? (Степан Потапыч сует Аделаиде Ивановне под нос свой кулачи-

пе). Есть, я спрашиваю? Нюхай, чем пахнет? Нюхай!

Аделаида Ивановна: Какой же ты, в сущности, еще ребенок.

Степан Потапыч: Да, все забываю спросить. Как там на Канарах? Так же, как на нарах? Ты же там была?

Аделаида Ивановна: Мы как-то незаметно перешли на ты? Ну что Канары? Канареечки летают, волны шелестят. А после те, кто отдохнул, с Канар канают.

Степан Потапыч: Мадам, можно голову к вам на колени?

Аделаида Ивановна: Не поняла?

Степан Потапыч: Да это ж Гамлет говорит Офелии.

Аделаида Ивановна: Опять не поняла?

Степан Потапыч: Я ПБЧ. Пылесос быстросчитающий. Ну а еще я вот чего не понял. Чего это ваш Аслан – Абрек, скрывается от всех.

Аделаида Ивановна: Да братья займы хотелось очень часто, а отдавать мы не любим с детства. Ну, вот теперь ушел на дно и от братков, и от ментов, и даже от зарубежных всяких дядечек. Впрочем, один человек, который был сегодня в этой комнате, я думаю, что знает, где Абрек. Да может, даже сейчас он ждет под дверью и слушает, о чем мы говорим.

(Дверь резко распахивается, на пороге Абрек, который держит пистолет на Валином виске, за его спиной маячит Женя).

Абрек: Да, я слышал весь ваш кипишь, а тот, кто будет кипишиться, может кое-чего лишиться. Хрен меня кто найдет. Всю сумму я возьму у тебя, это мои деньги. Я их заработал. Но я благородный человек, я дам тебе расписку, что деньги взял я, я сам. Сам я. И они тебя не тронут. Давай быстренько открывай сейф. Быстро!

Аделаида Ивановна: Деньги это не твои, а наши. И даже в большей степени мои. И кто тебе вообще сказал, что я их тебе дам?

Абрек: Молчи мне здесь! Сейф открывай, убью! (Аслан – Абрек начинает вести себя так, как будто сейчас под ним распахнется пол или рухнет потолок).

Аделаида Ивановна (словно не слыша крика): Ты до последней степени низости дошел, держишь на мушке свою родную дочь.

Абрек: Не надо крошить мне батон на кадык! Поняла? Ты, прости-пома? Это не моя дочь, не моя! Ты ее нагуляла, сволочь, пока я деньги нам строгал, строгал я.

Степан Потапыч: Итак, мне это надоело. Ты, толстолобик, отпусти ребенка.

Абрек: Эта афишная тумба еще и говорить умеет. Спрыснул отсюда. Здесь семейные разборки. (Визжит). Адка, баксы быстрее! Ведь у меня уже на хвосте сидят! (Аделаида Ивановна не шелохнется). Ну все, сейчас всех замочу! Я!

Степан Потапыч: А я сказал, мне надоело! (Рванул к Абреку, тот стреляет. Промаях). Ну, мужик, это ты конкретно попал.

(Степан Потапыч хватается за Абрека за горло, хватка у него мертвая).

Абрек (шипя): Женька, помоги! (Женька бросается Степану Потапычу на спину и кусает его за шею. Все трое грохаются на пол и в борьбе укатываются в другую комнату. Оттуда слышатся страшные крики, возня, ругань. Вдруг раздается выстрел. Дочь и мать вздрогнули).

Валя: Ну че, чисто конкретно, хэпи-энд?

Аделаида Ивановна: Не знаю, дочка. (Наступила щемящая тишина. На сцену выходит мокрый и взлохмаченный Степан Потапыч).

Степан Потапыч: Уф! Трудно жить в России без нагана, но ничего, прорвемся!

(Женщины начинают смеяться и смеются все громче и громче).

Занавес

Владимир Корнилов

Родился в 1947 году. Вырос на южном Урале, в селе Октябрьском Челябинской области.

В 1978 г. окончил Иркутский политехнический институт. В 1981 г., пройдя Всесоюзный творческий конкурс, поступил в Литературный институт им. А.М.Горького, на факультет «Поэзия», который успешно окончил в 1987г. Занимался на семинаре поэта, лауреата Государственных премий Владимира Фирсова. В 1992 г. был принят в члены Союза писателей России. Автор тринадцати поэтических книг, изданных в Иркутске и Москве, а также многочисленных журнальных публикаций. В 2004 г. в издательстве «Иркутский писатель» вышла книга стихов и прозы «Верю, боль моя в храмы войдет». В 2003 г. вышли книги стихов «Родниковый мед» и «Благовест». В 2004 г. вместе со своими воспитанниками из детского литературного клуба «Братские роднички» участвовал в VI Всероссийском празднике детского творчества «Мой Пушкин», где ребята стали победителями. С января 2005 г. является членом редколлегии журнала «Сибирячок». Живет в г. Братске.

МАМЕ

Ты идешь, а я люблюсь вслед;
Видно, возраст над тобой не властен.
Даже в трудной суতোлке лет
Не согнулись плечи от ненастий...

Голову ты держишь высоко.
От кого досталась эта сила?
Не в тебе ль от сумрачных веков
Сохранила женственность Россия?

УЧИТЕЛЬНИЦА

Она входила в класс всегда
С лицом чуть строгим, но приветливым.
Какие бури и года
На нем оставили отметины?..

Из родников ее души
Мы опыт черпали накопленный...
Вот перед нами Русь в тиши
На рубежах застыла копьями...

Мы видим сквозь туман веков,
 Как по степи хазары мечутся.
 ... Вот на виду у казаков
 Тараса Бульбу жгут над вечностью.

От гари черным был рассвет,
 Да горе вдове колобродило...
 И мы в своих тринадцать лет
 Осознавали слово Родина...

В словах учительницы гнев,
 И боль, и гордость затаенная.
 И представлялась нам в огне
 Земля отцов непокоренная...

А стон врагов и стук копыт
 Терялись там, вдали, за грозами.
 Но Русь по-прежнему стоит -
 В озера смотрится березами.

МЕСЯЦ

Спят деревеньки в таежной тиши.
 Зимние грозы глухи.
 Месяц в сторожке огонь потушил,
 Иней осыпал с ольхи...

Словно стрелец, заступивший в дозор,
 Молча обходит тайгу.
 Ярko горит его острый топор -
 Отблеск на стылом снегу.

... Ну а когда прокричат петухи,
 Высветят зори узор, -
 Месяц в сугробе под сенью ольхи
 На день свой спрячет топор.

НА РОЖДЕСТВО

Воздух хрустящ и по-зимнему сладок -
 Как карамель.
 Вновь закружил нас и внес беспорядок
 Праздничный хмель...

Весело, людно в такие минуты -
 Сердце поет.
 Бог, разорвав наши тяжкие путы,
 Крылья дает...

Души светлеют в морозную роздымь
От волшебства.
Небо становится гулким и звездным
В дни Рождества...

Теплятся свечи на горних иконах –
Мир и покой.
...Кается исповедально в поклонах
Грех наш людской.

ЗИМНЯЯ СВАДЬБА

Скачут звонко кони синие,
Ленты ярко развеваются.
Свадьба вытянулась в линию,
С небом санный путь сливается...

А зима, сверкая красками,
Озаряет свадьбу вымыслом –
И с поклонами, побасками
Ей навстречу солнце вынесла.

...Мчится! Мчится свадьба зимняя!
В колокольчиках, бубенчиках! –
Это Русь – невеста в инее –
С Рождеством в мороз обвенчана.

БЛАГОВЕСТ

Хорошо на травушке
Заглядеться в синь.
Облака-журавушки
Нам несут теплынь
Солнечные зайчики
Скачут по воде.
Вербы-одуванчики
Расцвели везде.
Золотится солнышко
В платях щеголих.
Звонкий жаворонушка
Песней славит их...
Вновь душа по-вешнему
Трепетно чиста.
...До чего же здешние
Хороши места!
Красотой особенной
Дышит все окрест.
... Над весенней Родиной
Льется благовест.

Даша

ДЕСЯТИКЛАССНИЦЫ

Позади наставленья мамины,
Выпускные сданы экзамены,
Потому так девчонкам радостно,
Будто к ним протянулась радуга.

Красный, синий квадрат, зеленый –
Чертят классики увлеченно.
На виду разноликой улицы
Детство с юностью соревнуются.

От игры разметались волосы,
И девчонки лукаво щурятся.
Необычно звучат их возгласы
Над притихшей от зноя улицей,

Над косичками в ярких бантиках,
Над брюзгой с шелухой семечной,
Что, увидев, судачит: «Глянете-ка!
Мы работали в их-то времечко!...»

А другие на них лобуются:
«Разыгрались, ну, чисто ласточки!
Это молодость в них беснуется!» -
Говорят о девчонках ласково.

...На асфальте начертаны классики -
Немудреной игры наследство, -
Скачут весело десятиклассницы
По квадратикам светлого детства.

СНОВА В ДУШЕ ВОСКРЕСАЕТ БЫЛОЕ

Возраст весны в своей прелести юной
Не омрачен еще тяжестью дня.
Смехом звучат ее звонкие струны,
Юностью светлой волнуя меня.

Давнее в памяти снова всплывает
В трепете чувств, в озарении грез.
Вновь поцелуи твои расцветают
В сладкой истоме бутонами роз.

Сердце мое сумасшедшее снова
Хмелем весенним бунтует в крови.
Дни высоки, и божественным словом
Благословляет нас ангел любви.

О ЮНОСТИ

Шла юность легкою походкой.
Шла босиком навстречу мне.
Она девчонка-одногодка
Моей семнадцатой весне...

Я вспоминаю эти весны
И то, как первый раз любил.
...И память лодкою на веслах
Плывет туда, где юным был.

Где голубей пускал я в небо
И свято чтил родной порог.
Где никогда я трусом не был,
Идя на гул больших дорог.

...И юность легкою походкой
Вдруг подошла сама ко мне.
И мы поплыли с ней на лодке
К моей семнадцатой весне.

МИХАСЬ

Чтили в сердце мы книжных кумиров страны,
Их родство и духовную связь.
...Но героев, что вечно остались юны, -
Подарил нам Михась...

Словно юноша Эп, был от жизни он пьян,
Звал нас в детство бродить босиком...
Пахли книги его земляничкой с полян,
Кандаурским парным молоком...

Мы росли под его патриаршим крылом,
Словно гости на званом пиру.
... И когда ненароком встречались со злом -
Он учил нас добру.

Игорь Подшивалов

Известный иркутский журналист, публицист, посвятивший свое творчество решению острых политических вопросов. Родился в 1962 году в г. Ангарске.

Окончил филологический факультет ИГУ. Его статьи публиковались в центральных газетах г. Иркутска и Иркутской области, таких как: «Советская молодежь» (г. Иркутск), «Подробности» (г. Ангарск), «Усольские новости», «Александровский централ» (г. Усолье-Сибирское) и др., неоднократно публиковался в Интернете. Весной 1991 г. был одним из организаторов сбора денег и продуктов для забастовочных комитетов Кузбасса. В августе 1991 г. находился на баррикадах у Белого дома в составе группы анархистов. В середине 1990-х – участник лагерей протеста против АЭС в Тимелине (Чехия), Кольской и Ростовской АЭС (Россия).

Он писал на такие темы, как российские землепроходцы, революционеры и бунтари, современные политические течения, в том числе экстремистские молодежные движения.

Игорь Подшивалов ушел из жизни в августе 2006 года. В память о нем мы публикуем выдержки из его публицистических статей, посвященных возрождению неонацистских настроений среди молодежи, напечатанных в газете «Подробности» (2006 г., 11 мая, с. 7; 2005 г., 20 октября, с. 8).

НАЦБОЛЫ: БУНТ РАДИ БУНТА

Национал-большевистская партия, созданная в начале 1990-х годов скандально известным писателем Эдуардом ЛИМОНОВЫМ, на сером фоне современной политической палитры выглядит весьма экстравагантно, поэтому СМИ все чаще уделяют ей внимание.

Теперь без нацистского флага НБП с серпом и молотом вместо свастики не обходится ни один митинг. Недавно лимоновцы отметились и в Ангарске – 6 апреля провели 5-минутную акцию возле офиса компании «Транснефть».

ПАРТИЯ МАРГИНАЛОВ

У каждого социального слоя есть своя идеология. Не являются исключением и люмпены. Носителями люмпенской идеологии являются всевозможные маргиналы, деклассированные и антисоциальные элементы: бродяги, тунеядцы, преступники, нищие, плуты, сумасшедшие и т.п. Свобода воспринимается люмпеном только в негативном толковании – как отсутствие труда и подчинения обще-

ственным нормам. Идеал его жизни – безбедное и бесхлопотное существование в нишах общества.

Показателем люмпенизации российского общества является колоссальный рост рядов преступного мира, который контролирует значительные средства производства, проникает в органы власти, СМИ и даже церковь. О массовом распространении люмпенских настроений говорит невероятная популярность фильмов, «художественной» литературы и музыки,

романтизирующих преступный мир, вхождение уголовного жаргона в общеупотребительный язык. Зимой 2005 года произошел скандальный случай, когда в столовой Государственной думы прозвучала известная мелодия «Мурки».

Люмпенизация оказала влияние на общественно-политическую жизнь России. Именно рост числа маргиналов является причиной возникновения движения скинхедов и Национал-большевистской партии (НБП) во главе с Эдуардом Лимоновым. Если скинхеды формируются из подростков, вышедших из наиболее деградировавших, разложившихся семей, преимущественно из рядов неквалифицированного рабочего класса, то есть пролетариата физического труда, то за НБП стоят выходцы из семей интеллектуальных люмпен-пролетариатов. Их можно назвать люмпен-интеллигенцией.

Вот как Лимонов описывает формирование идеологии своей партии: «Мы экспроприировали героев национальных и красных движений начала века, успешно скрестили Ленина с Гитлером, Савинкова с Че Геварой, Муссолини с Манхо и Дзержинским, после добавили экстремизма Пазолини, Мисимы, Берроуза, Жене, скрестили Боба Денара с РАФовцами и «Красными бригадами». Короче, собрали в одно успешное целое всех героических врагов Системы».

В центре внимания Лимонова находятся бунт и разрушение, а не создание нового, более справедливого и разумного общественного строя.

Бунт для Лимонова и руководимой им НБП – самоцель. Естественно, что лидер партии, стремящейся к тотальному разрушению, делает ставку на люмпенов.

Здесь Лимонов прав: люмпенов в России хватает. В идеологии НБП идеи классовой борьбы отброшены полностью, она индивидуалистична, и уже поэтому нацболы обречены быть марионетками в руках буржуазии, которая ведет именно классовую политику.

ОТ БУНТА К РЕСПЕКТАБЕЛЬНОСТИ

Создатели символики НБП исходят из чисто люмпенской мотивации – эпатировать либералов, которые объявили большевизм и фашизм братьями-близнецами. К тому же призвана и речевка лимонцев: «Завершим реформы так: Сталин, Берия, ГУЛАГ». Правда, в последние годы Лимонов от нее отказался, ссылаясь на необходимость борьбы с «полицейским государством». Лимоновцы, безусловно, не являются ни сталинистами, ни фашистами. НБП – это люмпенская молодежная организация с некоторым налетом национализма.

В программе НБП 1994 года сказано: «Внутри страны будет установлен железный русский порядок, климат дисциплины, воинственности и трудолюбия. Стремления национальничества к сепаратизму будут безжалостно подавлены. Разгромим преступный мир. Лучше его представители пойдут на службу нации и государства. НБП не левая и не правая, но национальная партия русских». За десять лет эта типично нацистская программа трансформировалась в абсолютно беззубую, реформистскую, ничем не отличающуюся от программ пропрезидентских партий типа «Родины».

Акцент в деятельности лимонцев делается на мероприятия по метанию яиц и майонеза в представителей власти, вывешиванию антиправительственных лозунгов, занятию официальных помещений и других броских, но преимущественно бессмысленных акциях. Если в начале прошлого века оружием пролетариата был булыжник, то сейчас оружием интеллектуальных люмпенов стал майонез. В акции, проведенной нацболами в Ангарске возле офиса «Транснефти», участвовало 10 человек, а наблюдали ее четыре заранее оповещенных журналиста, других зрителей не было.

Интересно, что три заранее подобранных «революционера» дол-

Тоша
время

го ждали приезда милиции, чтобы сдать и заплатить штраф. Это доказательство того, что акция действительно прошла. Нужно же отчитаться перед партийным руководством!

Лимонов и его соратники в последние годы выдвинули на первый план лозунги свободы слова, борьбы с авторитаризмом, поддержали либеральный слоган «Россия без Путина», а на президентских выборах 1996 года НБП поддержала избрание на повторный срок Бориса Ельцина, потому что в то время он вел первую войну в Чечне. Тем самым нацболы незаметно для себя оказываются всего лишь экстравагантным ассистентом либерально-буржуазных сил, стремящихся к бо-

лее интенсивным капиталистическим реформам и более быстрому занятию Россией места сырьевого придатка в мировой капиталистической системе.

Вся суть деятельности нацболов сводится к одному: НБП хочет власти. Люмпены хотят стать депутатами и бизнесменами. Все политики говорят: «Мы думаем о вас, дайте нам власть, и мы решим все ваши проблемы». Что за этим следует, всем известно: мерседесы, рестораны, девочки в саунах и прочие радости жизни для власть имущих, нищета, бесправие и угнетение - для остальных. Как управляли страной большевики, мы уже насмотрелись. Национал-большевики ничуть не лучше.

СТРАНА ПОБЕДИВШЕГО ФАШИЗМА

На минувшей неделе по всем СМИ шли сообщения о двух трагических событиях - однодневной войне в Нальчике и убийстве перуанского студента в Воронеже.

Приходится признать, что в 1945 году советский народ победил гитлеровскую Германию, а вовсе не фашизм. Фашизм остался в России и пустил глубокие корни.

Поэтому-то студенты Воронежского юридического колледжа, не бритоголовые, а на вид обычные ребята, не стеснясь и никого не боясь, говорят перед телекамерой: «Ну и правильно, что иностранца убили! Поменьше бы их в Воронеже!». Это будущие правоведа говорят. Они знают, что многие телезрители разделяют их мнение, и у них много покровителей во всех властных структурах. Так что всем этим «политологам» стоит вспомнить пословицу «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива», они сами воспитали поколение фашистов.

Теперь горькая пилюля для последних. В 2003 году ряд скинхедских организаций из славянских республик СНГ, Польши, Чехии, а также

Закавказья обратились с просьбой о приеме в международное объединение «Кровь и честь» - одну из крупнейших международных нацистских банд. Реакция фашистского «интернационала» весьма интересна. Туда охотно приняли осетин, как единственных арийцев на территории бывшего СССР. Взяли также армян, совершенно неясно, почему. Всем остальным было категорически отказано. Причем если грузинам и азербайджанцам вообще без всяких объяснений, то славянам откровенно сказали, что они - «недочеловеки, ублюдочная низшая раса, совсем ненамного лучше евреев».

Интересно, знают ли об этом русские скинхеды? Скорее всего нет. В таких организациях каждый должен знать только то, что ему положено. А если бы узнали, призадумались бы? Вряд ли. Думать там тоже не полагается. Да и нечем. Не состоялись бедные арийцы! Не признают русских фашиков за своих! И иногда не признают. Любая идеология расового превосходства исключает равенство даже среди своей нации. Если свобода

и равноправие отвергаются, то везде и для всех. Даже в случае победы нацистов большинство рядовых участников этого движения никогда не выбьются из грязи в князи, сколь бы ревностно они ни служили своим фюрерам.

Поди объясни это фашикам! Впрочем, бессмысленно метать бисер перед свиньями. Необходимо просто давать жесточайший отпор ультраправым всегда и везде, как это сделали недавно жители одного американского городка, разогнав как манифеста-

цию нацистов, так и охранявших ее полицейских. Потому что в случае их победы сопротивляться бритоголовой чуме будет уже некому.

«Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством, и потому не спрашивай никогда, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе». Эти слова английского поэта Джона Донна американский писатель Эрнест Хемингуэй сделал эпиграфом к своему роману «По ком звонит колокол».

Первоцвет

№ 2 (23) 2006

Литературно-художественный альманах для юношества

Альманах зарегистрирован в Восточно-Сибирском региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати, регистрационный номер И-0391 от 28 июля 1998 г.

Выпуск альманаха осуществляется
благодаря финансовой поддержке Комитета по культуре
администрации Иркутской области и Комитета
по молодежной политике.

*Областная юношеская библиотека им. И. П. Уткина
и редакционная коллегия альманаха «Первоцвет»
сердечно благодарят оперативную типографию «На Чехова»
за помощь в издании альманаха, понимание и поддержку*

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Адрес редакции: 664011, г. Иркутск, ул. Чехова, д. 10
Тел. (3952) 29-07-93, 20-43-01
E-mail: library@youlib.irk.ru

Бумага офсетная. Печать RISO
Тираж 800. Заказ № 31.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Оперативная типография «На Чехова»
Иркутск, ул. Чехова, 10, тел.: (3952) 209-355, 209-056
E-mail: info@print.irk.ru www.print.irk.ru